

Истина

Введение в истину через её практику

Kai Froeb

Об этом переводе

Этот перевод выполнен машинным способом с помощью ИИ и ещё не полностью проверен человеком. Если вы найдёте ошибки, пожалуйста, сообщите нам о них по адресу feedback@reflexivitypress.com. Каждый, кто купил книгу и сообщил нам об ошибках, бесплатно получит исправленную редакцию в виде электронной книги.

Автор

Kai Froeb

https://kai.froeb.net

Издательство

Reflexivity Press

Лиссабон

Издание Кая Фрёба

Последняя версия и исправления: https://reflexivitypress.com/ru/knigi/froeb-wahrheit

Отзывы: feedback+ru.wahrheit.v1.10.54@reflexivitypress.com

Обложка: © Reflexivity Press, Kai Froeb. https://reflexivitypress.com/en/about/cover-art/

Публикация

2026-11-21

Перевод: 2026-11-25

Версия 1.10.54

Typeset with LaTeX (LuaHBTeX, Pandoc + Eisvogel)

Примечание о создании

Написано с помощью языковой модели Claude (Anthropic). Замысел, содержание и ответственность принадлежат автору. Перевод выполнен с помощью языковых моделей ИИ. Как велась эта работа, описано в эссе автора: https://reflexivitypress.com/ru/o-nas/mashiny-kotorye-pishut/

© Copyright 2026 by Reflexivity Press, Лиссабон.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена, распространена или доведена до всеобщего сведения без письменного разрешения издателя, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Обучение ИИ: прямо разрешено (ZMC 1.4, раздел 11).

Zero Marginal Cost License 1.4 (ZMC 1.4)

Краткое изложение для читательниц и читателей

То, что не имеет предельных издержек, не должно иметь барьеров.

Вы можете

- Произведение **бесплатно читать, скачивать и копировать**.
- **Распространять в цифровой форме произведение без изменения содержания в некоммерческих целях** с указанием автора, источника и лицензии.
- Изменять технический формат файла и вносить необходимые адаптации для обеспечения доступности, не изменяя содержания.
- Для личного некоммерческого использования **печатать или заказывать печать отдельных экземпляров и дарить их**; непосредственные расходы могут возмещаться без наценки.
- Для собственного личного, непубличного и некоммерческого использования **создавать переводы**.
- **Зеркалировать неизменённое произведение** в открытом доступе: некоммерчески, с указанием версии, даты и ссылки на актуальную версию.
- Индивидуально использовать произведение в образовательных и исследовательских целях и при некоммерческом использовании цитировать его по научным стандартам, не заменяя его подборкой цитат.

Условия

Использование должно оставаться **некоммерческим**. При публичной передаче, насколько это разумно возможно, следует указывать **автора, источник произведения и лицензию**. **Только правообладатель может перелицензировать произведение или выпускать его новые версии.** Вы не должны налагать дополнительные юридические или технические ограничения и не должны создавать ложное впечатление о поддержке со стороны автора или издателя.

Все остальные права сохраняются

Настоящая лицензия разрешает исключительно прямо указанные виды использования. Любое использование, выходящее за эти пределы, требует отдельного разрешения правообладателя, если только оно уже не разрешено законом.

Законные правомочия на использование и права на вознаграждение остаются незатронутыми. Права третьих лиц могут регулироваться отдельными условиями.

Важное примечание: Это краткое изложение служит лишь для ориентировки и не является самостоятельным лицензионным договором. Определяющим является полный текст **ZMC 1.4**:

https://reflexivitypress.com/ru/zmc/

Об авторе

Kai Froeb (*1963) живёт на португальском побережье Атлантики.

Когда вы читаете эту книгу, вы уже знаете самое важное об авторе: он не просит вас верить ему. Все его книги устроены так, что написанное в них можно проверить собственным мышлением — это не формула скромности, а способ построения. Если ваше суждение расходится с текстом, значит, либо достигнута граница этой книги, либо стала видна особенность вашего мышления. И то, и другое ценнее простого согласия.

Путь к этому прошёл по двум долго шедшим параллельно траекториям. Одна началась в старших классах в Люнебурге и в летних школах народного университета в Гёрде, где три недели углублённо изучался один текст; она вела через математику, информатику, экономику, культурологию и юриспруденцию — сознательно без дипломов, чтобы сохранить путь поперёк дисциплин. Другая началась в 1980 году на Commodore CBM 8032 с воспроизведением ELIZA Вайценбаума и стала профессией: программирование, сопровождение приложений, управление проектами и обучение — сначала в небольших софтверных компаниях, затем в крупных IT-корпорациях, и наконец более десяти лет в производственном совете и профсоюзе.

Что эти две траектории принадлежат вместе, стало ясно поздно. То, что за сорок лет работы в программном обеспечении становится привычкой — разбирать структуры, делать видимыми зависимости, проверять, выдерживает ли что-то нагрузку, — это то же ремесло, которое нужно философскому аргументу.

С 1998 года Froeb издаёт **hegel.net** — доступный на одиннадцати языках и, вероятно, самый обширный многоязычный ресурс по Гегелю в интернете, включая публичный архив из более чем пятисот оцифрованных оригинальных изданий Гегеля и гегельянцев XIX века.

Через hegel.net состоялся контакт с Иоганнесом Хайнрихсом, чьи труды Froeb сегодня издаёт как публицист.

Его девиз восходит к тем школьным годам и с тех пор доказал свою полезность: «Истина есть целое». Это предложение требует интеграции, которая не должна ничего вытеснять — и поэтому его труднее выполнить, чем оно звучит.

Если вы найдёте в этой книге что-то неточное или упущенное, ваша критика — самый ценный вклад, который вы можете в неё внести.

О происхождении вопроса

В Бельгии я был немцем, в Германии — тем, кто плохо говорил по-немецки, потому что вырос в другом месте. Я много читал. Не могу сказать, читал ли я потому, что был аутсайдером, или оставался аутсайдером потому, что читал.

В моей бельгийской школе учились дети из многих стран; город был местом расположения европейских штаб-квартир крупных компаний. Дома были вещи, о которых не говорили на людях, и я высказывал их — не столько из упрямства, сколько из любопытства: почему они должны оставаться под спудом?

Как редактор школьной газеты я подписался на информационные бюллетени различных немецких партий — тогда ещё на бумаге. Одни и те же события представали в каждом бюллетене как разные события. Больше, чем сами различия, меня занимало то, как мало факты, казалось, мешали этому.

На уроках религии речь шла только о христианстве. Другие религии я изучал сам, затем альтернативные картины мира, конкурирующие физические теории, разные исторические науки — вплоть до тех, которые отрицают само понятие истории. В разговорах на политических стендах и у дверей домов неизменно возникал один и тот же вопрос: с чего начать, если собеседник не разделяет твоих оснований? «Так написано» не достигает того, кто не признаёт этот текст. «Это доказано» не достигает того, кто не доверяет инстанции, которая это доказывает.

В средней школе я заметил, что многое из прочитанного противоречит друг другу. С тех пор я ищу ту перспективу, которая позволит мыслить всё вместе.

Этот вопрос с тех пор только расширялся. Во время ковида, в войне в Украине, в эхо-камерах сетей: кто не верит одной стороне, тем самым ещё не верит другой. На что тогда опираться?

Каждый делает это ежедневно. Проверяет, отвергает, остаётся при чём-то. Вопрос в том, на чём.

содержание

Что это за книга 1

Предисловие 3

Часть I: Что мы уже делаем 5
Глава 1: Вы прямо сейчас проверяете, истинно ли это 5
Глава 2: Вы не мыслите в безвоздушном пространстве 7
Глава 3: Вы уже приносите всё с собой — скрытая деятельность познания 10
3.1 Скрытая симфония 10
3.2 Расширение наших чувств 11
3.3 Действие как источник познания 12
3.4 Снятие старых споров 12
Глава 4: Пред-суждения как продуктивные исходные пункты . . 13
Глава 5: Как из многого возникает одно — живой принцип слона 17
Глава 6: Живое целое 21
6.1 Компьютер, который внезапно «мёртв» 21
6.2 Команда, которая работает — или не работает 21
6.3 Мелодия, которой нет в тонах 22
6.4 Ваша собственная жизнь — больше, чем события 22
6.5 Слон как живое целое 22
6.6 Эмерджентность — когда возникает новое 23
6.7 Практическое значение 23
6.8 Назад к принципу слона 24
Глава 7: Когда нечто противоречит самому себе 24
Глава 8: Всё должно согласовываться — живой принцип детектива 26
8.1 Универсальная структура когерентности 27
8.2 Спасать феномены 27
8.3 Загадка дорожного происшествия 28
8.4 Когда показываются сопротивления 29
8.5 Научная революция как детективная работа 29
8.6 Живая когерентность 30
Глава 9: Различные виды улик 30
9.1 Мудрость бессознательной компетентности 31
9.2 Различные качества указаний 31
9.3 Повседневные детективы — ваши собственные эмпирические правила 32

9.4 Искусство интеграции 32
9.5 Когда источники противоречат друг другу 33
9.6 Отрефлектированная детективная работа 34
9.7 Против двух односторонностей 34

Часть II: Что означает согласие **35**
Глава 10: Сравнение, которого нет — как когерентность и корреспонденция сходятся 35
10.1 Кажущаяся дилемма 35
10.2 Выученное разделение внутреннего и внешнего 36
10.3 Всё, чем мы проверяем 37
10.4 Сравнение, которое действительно происходит 39
10.5 Мы проверяем, действуя 40
10.6 Само дело больше, чем наш нынешний образ 41
10.7 Сопротивление как указатель пути 44
10.8 Как когерентность и корреспонденция работают вместе 44
10.9 Почему это усмотрение освобождает 45
10.10 Практическое применение 46
Глава 11: Что отталкивает — и что мы при этом изменяем 47
11.1 Как различно заявляет о себе сопротивление 47
11.2 Кто проверяет, тот изменяет 50
11.3 Обратная связь 51
11.4 Когда сопротивление устраняют 51

Часть III: Проверять по-разному **53**
Глава 12: Различные области действительности 53
12.1 Что есть и кто мы есть 53
12.2 Что сделано, а что нет 53
12.3 Как истина по-разному подтверждается 54
12.4 Категориальная ошибка 55
12.5 Различать, не разделяя 55
Глава 13: Понимать то, что сделано 56
13.1 Вы постоянно толкуете 56
13.2 Цель 56
13.3 Как говорят об истине применительно к различным текстам 57
13.4 Вопросы, без которых были бы слепы 58
13.5 Где реконструкции недостаточно 59
13.6 Целое произведения 59
Глава 14: Когда сердце мыслит, а голова чувствует 60
14.1 Противоречие, указывающее на единство 60
14.2 Что чувство делает и где оно обманывает 61
14.3 Как разрешается противоречие 62

Часть IV: Формировать и защищать проверку **65**
Глава 15: Наука и смена парадигмы 65
15.1 Проверка, которая проверяет саму себя 65
15.2 Что делает метод методом 66
15.3 Когда целое здание шатается 66
15.4 Разумно и при переломе 68
Глава 16: Почему проверка делает свободным 69
16.1 Что делает возможным понимание 70
16.2 Совместная проверка 70
16.3 Кто обманывает, вынужден препятствовать проверке . 71
Глава 17: Когда во имя истины препятствуют проверке 71
17.1 Лагерное мышление 71
17.2 Во имя добра 73
17.3 Превращённые принципы 74
17.4 По чему распознаётся превращённая проверка 74
17.5 Внутри правдиво, снаружи ложно 75
17.6 Когда государство управляет проверкой 76
17.7 Управление в период пандемии 78
17.8 Обороноспособный, не опрокидываясь 80
17.9 Зрелые граждане вместо министерств истины 80
Глава 18: Когда фальсифицируется сам метод 81
18.1 Фальсификация основания 81
18.2 Как действует фальсификация 82
18.3 По чему Вы распознаёте фальсификацию 83
18.4 Фальсификация вовне 84
18.5 Когда анализ становится блокировкой 85
Глава 19: Калибровка 86
19.1 Что вы знаете о чужих странах 86
19.2 Когда каждое утверждение верно 88
19.3 Пропаганда 89
19.4 Первый уровень: проверять отдельные высказывания 90
19.5 Второй уровень: распределение 93
19.6 Когда никто не цензурирует, и всё же происходит фильтрация 94

Часть V: Истина как процесс **97**
Глава 20: Истина и процесс истины 97
20.1 Что означает «Истинное есть целое» 97
20.2 Истина как процесс 98
20.3 Беговая дорожка и другая бесконечность 100
20.4 Много путей, одно направление 100
Глава 21: Делает ли этот текст то, что он говорит? 101
21.1 Путь 101
21.2 Проба 102

21.3 Куда ведет путь дальше 104

Приложение А: Что увидели теории истины **107**
А1 Введение: старый спор 107
А2 Как возник спор 108
Различные моменты одного и того же поиска 108
Почему каждый раз одно из них становилось мерой 108
А3 Пирронический скептицизм: воздержание от суждения . . . 108
А4 Корреспондентная теория: Сопротивление указывает направление 110
А5 Когерентная теория: система должна быть согласованной . . 111
А6 Прагматизм: Плоды показывают дерево 112
А7 Консенсусная теория: Совместный поиск как критерий истины 113
А8 Кант: Граница изнутри 114
А9 После Канта: Значимость вместо согласия 116
А10 Конструктивизм: Мы создаём нашу действительность 118
А11 Языкопрагматический поворот: Витгенштейн, Остин, Стросон 118
Истина как языковая игра 118
Правила игры за истину 119
А12 Хайнрихс: Четырёхчастное понятие истины 119
А13 Аналитические уточнения: От предиката истины к истинностному плюрализму 122
Тарский: Точность для формального особого случая 122
Дефляционизм: Тонкий предикат и плотная практика . . . 122
Истинотворцы: Сопротивление получает имя 123
Алетический плюрализм: Аналитическое соседство областей 124
Методический сосед: байесовская калибровка 124
А14 Критическая теория: Истина и освобождение 125
Что увидели Хоркхаймер и Адорно 125
Почему поиск истины освобождает 125
Что остаётся и куда эта книга идёт дальше 125
А15 Что увидела каждая позиция 126
Моменты и их абсолютизация 126
Почему это не эклектизм 126
Почему это не тяга к гармонии 127
А16 Принцип слона в применении к истории философии 127
Параллель 127
Слон 128
Проба собственного метода 128
А17 Практические следствия: От спора к сотрудничеству 128
Для понимания истории философии 128
Для современной дискуссии 128
Против философской лагерной войны 129

A18 Традиция как живой ресурс 129
Что даёт этот обзор 129
Живая традиция 129
Задача 130

Приложение B: Поиск истины и логика Гегеля — взаимное прояснение **131**
B1 Зачем это приложение? 131
B2 Три ступени: бытие — сущность — понятие 131
Логика бытия: непосредственный опыт 132
Логика сущности: рефлексивные структуры 132
Логика понятия: самоопределение 133
B3 Ключевые темы в подробностях 134
Свечение и рефлектирование 134
Явление и действительность 134
Три формы обоснования 135
Снятие 136
B4 Методические схождения 136
Перформативное самоприменение 136
Развитие вместо определения 137
Систематическая полнота 137
«Истинное есть целое» 137
Дурная и истинная бесконечность 138
B5 Где тексты действуют по-разному 138
Гегель: систематически-спекулятивно 138
Этот текст: перформативно-практически 139
B6 Чему мы можем научиться у Гегеля (не становясь гегельянцами) 139
B7 Чему Гегель мог бы научиться у этого текста 139
B8 Заключение: Взаимное прояснение 140

Приложение C: Свидетельства **141**
К главе 19 141
К главе 21 141
К главе 22 145
К главе 10 145
К приложению B: Пирронов скептицизм 146
К приложению B: Кант 147
К приложению B: Генрихс 147

Глоссарий **149**
Указания по использованию 149
Достоверность 149
Живая полнота 150
Знание 150

Иммунизация 151
Интеграция 151
Интерпретация 152
Истина 152
Калибровка 153
Когерентность 154
Корреспонденция 155
Лагерное мышление 155
Оборачивание 156
Ориентированный плюрализм 156
Перспектива 157
Перформативная согласованность 157
Перформативный 158
Подделка основания 158
Подтверждение 159
Познание 159
Пред-суждение 159
Принцип детектива 160
Принцип слона 160
Противоречие 161
Процесс истины 162
Самоотнесённость 162
Смена парадигм 163
Снятие 163
Сопротивление 164
Спасать феномены 165
Трилемма Мюнхгаузена 165
Формы истины 166
Экономика проверки 166
Эксперимент 167

что это за книга

Эта книга не утверждает о мышлении ничего, что нельзя было бы проверить на собственном мышлении. Таков её способ построения. Он имеет следствия для чтения.

Книга не объясняет истину извне, а проводит через тот процесс, который при проверке и так осуществляется, и делает явным, что при этом происходит. Поэтому в тексте стоят эксперименты. На важнейших из них решается, верно ли то, что здесь написано; остальные показывают, как мысль выглядит в собственном действии.

Главы строятся друг на друге: каждая предполагает предыдущую. Эксперименты редко длятся дольше минуты; то, что они должны показать, показывается лишь тому, кто их выполняет.

Текст не ссылается ни на авторитеты, ни не предполагает ничего, чего он не развивает. Там, где глава забегает вперёд, её аргумент держится и без предвосхищения. Текст об истине, который опирался бы на признанное, промахнулся бы мимо своей темы.

Приложения. Как путь этой книги соотносится с известными теориями истины — корреспондентной, когерентной, консенсусной, прагматистской и остальными —, сказано в приложении B. Как он соотносится с логикой Гегеля — в приложении C. Оба стоят в конце, потому что основная часть должна обходиться без них; кто прочтёт их сначала, ничего не потеряет. В приложении D указаны источники случаев, которые приводит часть IV, и свидетельства к разделам о пирроническом скептицизме и о Канте в приложении B. Случаи не несут аргумента; они показывают его на действительном и потому должны быть верными.

предисловие

Этот текст говорит об истине, осуществляя её. Он исходит из утверждения, которое вы можете проверить на самом себе: из того, что вы давно знаете, что такое истина, потому что вы притязаете на неё, как только считаете нечто истинным или ложным.

То, что здесь возникает, должно сохранять значение и за пределами сегодняшнего дня, потому что оно развивается из того, что каждый мыслящий человек при проверке и так делает. Распадается ли при этом какой-нибудь старый философский вопрос, вы можете проверить сами в отдельных местах.

В эпоху, когда лагери противостоят друг другу с ожесточёнными фронтами, этот текст ищет третий путь. Он делает ставку на усмотрение, которое каждый может перепроверять, а не на проповедь или мораль. Кто понимает, что он делает, когда мыслит, может более осознанно обращаться с образцами, которым прежде следовал незаметно.

Одно указание к чтению. Понятия этого текста развиваются по ходу изложения, а не определяются заранее — тому, кто идёт этим путём, не нужен список слов. В конце всё же стоит глоссарий, и он предназначен на тот случай, если слово встретится в значении, отличающемся от привычного, или если кто-то позднее захочет что-то найти, не отыскивая заново место. Кто читает последовательно, может спокойно его игнорировать.

К переводу цитат: Цитаты из Гегеля и других немецкоязычных авторов переведены для этого издания с немецкого оригинала, в терминологии этой книги, а не взяты из существующего перевода. Там, где есть несколько авторитетных переводов, они понимают текст по-разному; перевод здесь следует пониманию этой книги. Чтобы можно было проверить передачу, немецкий оригинал приведён рядом: в скобках после цитаты, при более длинных цитатах — в отдельном абзаце под ней или в сноске, подтверждающей цитату. Очень короткие обороты (меньше четырёх слов) приводятся без оригинала, а цитаты, которые в немецком тексте уже стоят на другом языке, остаются без изменений.

часть I: что мы уже делаем

Глава 1: Вы прямо сейчас проверяете, истинно ли это

Заметьте, что происходит прямо сейчас? Вы читаете эти строки – и что при этом делает ваше суждение? Верно ли это? Убедительно ли? Куда клонит автор?

Эта проверка идет, хотя вы на это не решались. Можно ли ее отключить, показывает контрпроба: читайте дальше, не оценивая. Сама констатация того, удалось ли это, снова была бы проверкой.

То, что вы только что проделали, было первым экспериментом – он начался прежде, чем вы узнали, что он существует. Так продолжается и дальше: о вашем мышлении не утверждается ничего, чего вы не могли бы проверить сами. Поэтому следующие эксперименты помечены, чтобы вы могли остановиться и действительно попробовать. Ваши оценки – это предложения для сравнения, а не предписания. Если ваш результат отклоняется, то вы обнаружили либо границу этой книги, либо особенность своего мышления, и то и другое можно проверять дальше.

Если эта проверка идет, то вы уже знаете, что такое истина; иначе вы не могли бы проверять. Ребенок, который еще не различает истинное и неистинное, не осуществлял бы эту проверку. Различение охватывает больше, чем ложь, – также заблуждение, незнание и недоразумение. Общее у них то, что они поддаются проверке.

Тем самым вопрос «Что такое истина?» обладает особым свойством. Он с необходимостью обращается на самого себя. Ведь когда вы спрашиваете «Что такое истина?», вы хотите получить истинный ответ. Вопрос уже предполагает то, что пытается выяснить.

Это не ошибка и не порочный круг. Это показывает, что истина не есть нечто, что мы могли бы рассматривать извне, как предмет. Мы всегда уже находимся внутри процесса истины, в поиске, нахождении и дальнейшем поиске. Мы плаваем в нем, как рыбы в воде.

Если кто-то утверждает «Завтра пойдет дождь» (DE: „Morgen wird es regnen“), вы не ожидаете, что он скажет «Так уж оно есть» (DE: „Das ist halt so“) или «Ты должен мне поверить» (DE: „Das musst du mir glauben“). Вы ожидаете оснований: «Так говорит прогноз погоды» (DE: „Die Wettervorhersage sagt das“) или «Облака выглядят так» (DE: „Die Wolken sehen danach aus“). Кто выдвигает такое утверждение без всякого основания и не хочет его дать, тот, правда, нечто утверждает, но не выносит это на проверку; для других это остается просто мнением или делом веры.

Итак, истина и обоснование связаны друг с другом, как вопрос и ответ. «Истина↑», которую принципиально нельзя обосновать, есть противоречие в себе. Вы можете наблюдать это на своем чтении: проверяется не только то, что утверждается, но и то, обосновывается ли оно.

Когда вы аргументируете, даже только в мыслях, вы предполагаете, что есть другие, способные понять и оценить ваши аргументы. Даже один в своей комнате вы ищете истину не в одиночестве: вы мыслите на языке, которым делитесь с другими, используете понятия, понятные другим, и ориентируетесь на меры разумности, которые действительны не только для вас.

То, что вопрос об истине обращается на самого себя, называют самореферентностью. Имеется в виду: некоторые вопросы уже несут в себе свой ответ – не как готовый результат, а как практику, которая уже осуществляет само спрашивание.

Здесь можно разрешить одну старую философскую проблему – так называемую трилемму Мюнхгаузена в обосновании. Название уже рассказывает суть: трилемма – это дилемма с тремя выходами вместо двух, и все три перекрыты. А Мюнхгаузен – тот самый барон-лжец, который якобы вытащил себя из болота за собственные волосы – именно это, кажется, должно пытаться сделать всякое обоснование, которое должно обосновать само себя. Трилемма гласит: всякое обоснование ведет либо в бесконечный регресс (A обосновывается через B, B через C и так далее), либо в круг (A обосновывает B, B обосновывает A), либо к догматическому обрыву (X просто имеет силу, и всё).

Трилемма молчаливо предполагает нечто: она мыслит обоснование как цепь. Предложение опирается на предложение, опирается на предложение – а цепь должна либо продолжаться вечно, либо замкнуться, либо где-то просто оборваться. При этой предпосылке трилемма права: все три пути перекрыты. Только предпосылка неверна – и то, что мы здесь сейчас делаем, это показывает. Мы не подвешиваем первое предложение к нулевому. Вопрос об истине держится иначе: его невозможно оспорить, не осуществляя

это оспаривание. Это перформативное самообоснование, перформативное потому, что оно состоит в действии, а не в предложении. Оно не есть извне положенная аксиома, а опора, лежащая в осуществлении. И оно подтверждается тем, что из него получается: тем, выдерживает ли целое, которое на нем строится, и поддается ли проверке. Основание начала – это строение, возникающее из него, а не еще одно звено перед первым.

Так стоит арка: ни один камень не висит на крюке в небе – камни удерживают друг друга, и именно поэтому арка стоит. Это круг лишь в том смысле, в каком им является каждый свод: камни поддерживают друг друга, и ни один не предполагает того, что ему еще предстоит доказать. Камни этой арки, конечно, не высказывания, предполагающие друг друга, ибо круг из таковых гарантировал бы лишь, что всё подходит друг к другу. Это осуществление, которое невозможно оспорить, и строение, которое из него возникает. История Мюнхгаузена лжива, потому что он тянет там, где тянуть нечего. Мышление не тянет себя за волосы – оно складывается в арку, и доказательство в том, что она стоит.

Итак, вам не нужно сначала с трудом узнавать, что такое истина: вы уже ищете ее. Задача не в том, чтобы приобрести понятие истины извне, а в том, чтобы осознать, что вы делаете при поиске, – и затем делать это лучше.

Глава 2: Вы не мыслите в безвоздушном пространстве

Чем, собственно, вы проверяете истину? Своим мышлением. Но это мышление не парит свободно в ничто. У него есть предпосылки, которые вы не можете снять, как пальто.

> Эксперимент 2: Предложение без значения
>
> Попробуйте понять следующее предложение, не предполагая, что слова имеют значение: «Небо голубое» (DE: „Der Himmel ist blau.“).
> Попробуйте действительно — не читайте дальше, сначала попробуйте. Что произошло? Не получилось — и не может получиться: попытка отрицать значение знаков, пока вы читаете знаки, снимает сама себя. Вам пришлось бы перестать читать, чтобы избавиться от предпосылки, — но тогда эксперимент был бы завершён, а не пройден.

> Или попробуйте вот что: мыслите, не предполагая, что ваши мысли могут на что-то опираться. Это тоже невозможно. Мысль, которая ни на что не опирается, — не мысль. Это было бы как стрела без цели, как показывание без направления.

Этот эксперимент был построен иначе, чем первый. Там речь шла о том, можно ли нечто наблюдать на самом себе; здесь — о том, что нечто нельзя оспорить, не делая этого.

Различие решает, что означает отличающийся результат проверки. Где эксперимент спрашивает о наблюдении, там отклонение — это результат. Где он снимает сам себя, там сообщение «у меня всё же получилось» (DE: „bei mir ging es doch“) было бы утверждением, которое нельзя выполнить: нельзя было бы указать, что именно должно было удаться.

Встречаются оба вида. Различие состоит в том, можно ли противоположное сформулировать без противоречия.

Когда вы читаете и оцениваете эти строки, вы уже предполагаете многое: что ваши мысли на что-то опираются, на эти слова и идеи; что можно познать, верно ли сказанное, и что существуют основания, почему нечто правильно или ложно; что размышление приближает к истине и что заблуждения можно обнаруживать и исправлять; что другие люди могут понимать ваши мысли; и что действуют логические принципы, непротиворечивость и последовательность.

Осознанным это для вас чаще всего не является. Это принадлежит к строению мышления: без этих предпосылок мыслить нельзя.

Поэтому их называют необходными. Это значит: вы не можете зайти за эти предпосылки, рассматривать или обосновывать их «снаружи», не используя их уже при этом. Это как если бы вы захотели вылезти из своей кожи, чтобы увидеть, как вы выглядите.

А кто здесь проверяет? Не какое-то абстрактное «мышление», а вы как мыслящая личность: вы соединяете эти слова в мысль и решаете, верно ли это.

Радикальный скептик — тот, кто утверждает «Мы вообще ничего не можем знать» (DE: „Wir können gar nichts wissen“) — запутывается в перформативном самопротиворечии. Перформативное означает: в осуществлении, в выполнении. Его противоречие лежит не в том, что он говорит, а между тем, что он говорит, и тем, что он при этом делает.

Кто говорит «Мы ничего не можем знать» (DE: „Wir können nichts wissen“), тот притязает на знание того, что мы ничего не можем знать. Он использует понятия и ожидает, что его поймут. Он приводит основания для своего

скептицизма и тем самым предполагает, что основания что-то значат. Он хочет убедить других и тем самым допускает, что люди через усмотрение могут изменить мнение. Короче: он опровергает свой тезис тем способом, каким его отстаивает.

Кто подозревает здесь трюк, может сделать пробу: пусть попытается отстаивать скептицизм, не приводя оснований и не желая быть понятым. Из пространства оснований и значений нельзя выйти; каждая попытка его отрицать притязает на него. Кто вообще ничего не утверждает и лишь воздерживается от суждения, тот избегает самопротиворечия; что и он при этом взвешивает основания, показывает приложение A.

В этом результате проверки скрыто ещё нечто: кто сомневается, тот доверяет. Он доверяет тому, что сомнение оправдано — что оно проверяет лучше, чем слепое перенимание, что оно служит истине. Это доверие нельзя отменить сомнением, не отказавшись от самого сомнения. Сомнение и доверие не противники; они две стороны одного и того же поиска.

Можно попытаться начать с нуля и усомниться во всём, в чём можно усомниться. Кто делает это всерьёз, наталкивается на такую границу: даже в самом радикальном сомнении само сомнение остаётся несомненным. Кто сомневается, тот мыслит, а кто мыслит, тот есть. Но в этом «я мыслю» уже заложено многое: вы понимаете слова, вы познаёте связи, вы относитесь к миру, вы ожидаете, что другие могут вас понять.

«Я» не просто есть, как вещь в пространстве. Оно возникает в осуществлении — в тот момент, когда вы соединяете все свои опыты, понятия и усмотрения в свою картину мира.

Попытку начать с нуля самым знаменитым образом предпринял Рене Декарт. Его «Я мыслю, следовательно, я существую» (DE: „Ich denke, also bin ich“) — самая известная формулировка границы, на которую он при этом натолкнулся.

Тем самым найдено прочное основание. Оно не есть несомненная догма, а собственная мыслительная практика, которую нельзя отречься от себя, не подтверждая себя; сомнение подтверждает это основание, а не колеблет его. Вопрос «Может быть, я вообще ничего не могу знать, может быть, всё является иллюзией» (DE: „Vielleicht kann ich gar nichts wissen, vielleicht ist alles Illusion“) теряет тем самым своё жало: кто его задаёт, тот уже знает, чем было бы знание и чем была бы иллюзия.

Глава 3: Вы уже приносите всё с собой — скрытая деятельность познания

> Эксперимент 3: Коричневый стол
>
> Осмотритесь. Возможно, вы видите стол, стул, окно. «Это коричневый стол» (DE: „Das ist ein brauner Tisch“) — что может быть проще? Вы смотрите, вы видите, вы знаете. Готово. Но так ли это на самом деле просто?

Что происходит в этом кажущемся простым моменте? Чтобы сказать «Это коричневый стол» (DE: „Das ist ein brauner Tisch“), вы уже совершаете целую симфонию познания, которой большей частью не замечаете.

3.1 Скрытая симфония

Понятие «стол» вы не просто считываете – вы приносите его с собой из всего, что знаете о столах. Откуда вы знаете, что это стол? Посетитель с другой планеты, никогда не видевший стола, увидел бы лишь загадочное образование. Ему не хватает опыта, а значит, и понятия, а без понятия он не узнает вновь то, что видит. Вы же сразу узнаёте: это предназначено для еды, письма, складывания вещей. Вы молниеносно отличаете его от табурета (слишком низко), от стеллажа (вертикально), от кровати (чтобы лежать) – с уверенностью, не происходящей ни из какого определения.

«Коричневый» столь же сложен. Действительно ли это «коричневый»? Или махагони, каштановый, ореховый? Где кончается коричневый и начинается красный или черный? Эта граница не задана природой – она культурно обусловлена. Разные языки по-разному членят цветовой спектр. В русском, например, для голубого и синего есть два отдельных основных слова, и тот, кто говорит по-русски, измеримо быстрее различает оттенки синего, лежащие по разные стороны этой границы. Ваш язык участвует в формировании того, что вы видите.

Возможно, вы и ваш сосед действительно видите этот «коричневый» по-разному. То, что вы однозначно называете желтым, вашему партнеру может казаться зеленоватым. Это не обязательно связано с культурными различиями – причина может просто в том, что один из вас иначе воспринимает определенные цвета. Среди мужчин североевропейского происхождения примерно каждый двенадцатый различает красный и зеленый слабее большинства; красная ягода для него едва выделяется на фоне листвы.

Когда одно чувство ограничено, другие часто тренируются сильнее, а иногда само ограничение оказывается преимуществом. Многие слепые учатся по звуку своих шагов определять размер помещения и читать пальцами. А тот, кто не различает красный и зеленый, различает некоторые цветовые камуфляжи, обманывающие людей с нормальным зрением, потому что цвет не отвлекает его от формы и текстуры. Итак, не существует единственного «правильного» способа видеть; разные способы доступа к действительности могут дополнять друг друга.

Ваша способность к синтезу – соединение многого в одно – есть достижение, которое меньше всего бросается в глаза. Вы видите не изолированные цвета и формы, а единую вещь. Из потока чувственных впечатлений – цветов, форм, теней, отражений, возможно, также звуков и запахов – вы соединяете «стол». Это работа вашего духа, каждый момент совершаемая заново – и она может потерпеть неудачу: если при поднятии «стол» оказывается двумя козлами с лежащей на них доской, вы соединили неверно.

Различение фигуры и фона вы осуществляете бессознательно, но активно. Где кончается стол? Скатерть? Стакан на нем? Тень под ним? Вы проводите границы, решаете, что относится, а что нет. Эти решения не произвольны, но они и не просто «даны» – они возникают во взаимодействии восприятия, опыта и внимания.

Язык как социальная среда пронизывает весь процесс. «Стол» – это не только последовательность звуков, он несет значение, и этим значением вы делитесь с другими. Уже простое познание «это стол» (DE: „Das ist ein Tisch“) есть акт коммуникации, даже если вы одни в комнате.

3.2 Расширение наших чувств

Всё это происходит молниеносно и большей частью незаметно. Камера записывает изображения; вы же толкуете то, что видите, и вырабатываете из потока впечатлений порядок.

У этого восприятия есть границы, но они не лежат неподвижно. Пчёлы видят в ультрафиолетовом диапазоне узоры на цветах, которые нам остаются скрыты. Летучие мыши «видят» с помощью ультразвукового эха пространственные структуры. То, что другим живым существам доступно непосредственно, мы можем открыть себе с помощью технических приборов.

Мы систематически расширяем границы нашего восприятия: микроскопы позволяют нам заглянуть в самое малое, телескопы достигают звёзд,

рентгеновские аппараты смотрят сквозь кожу, инфракрасные камеры показывают тепловые узоры, ультразвуковые аппараты делают видимыми движения в теле. С каждым новым инструментом мы открываем новые стороны действительности.

3.3 Действие как источник познания

Как вы вообще научились тому, что такое стол? Не по определениям в словаре, а через действие.

Ребёнком вы сидели за столами, рисовали на них, залезали под них, ударялись о них, ели за ними. Ваше знание о столе сидит в вашем теле, в ваших привычках, в вашем способе двигаться в мире. Вы знаете, какой высоты должен быть стол, чтобы за ним было удобно сидеть, — не через измерение, а через многолетний опыт. Молниеносная уверенность, с которой вы только что отличили стол от табурета, имеет здесь своё происхождение: это застывшая практика.

Столяр «знает» дерево иначе, чем ботаник. Когда столяр проводит по дереву рукой, он сразу чувствует волокна, которые сообщают ему о прочности. Он по запаху определяет, правильно ли высушено дерево. Когда он стучит по нему, звук рассказывает ему о плотности. При первом распиле он уже знает, с какой структурой имеет дело. Его познание неотделимо от его делания. Он «читает» дерево своими руками, глазами, носом, своим десятилетним опытом. Этот вид знания вы не можете выучить из книг — вы должны это делать.

3.4 Снятие старых споров

Отсюда можно разрешить один старый спор. Эмпиристы говорили: «Всё знание приходит извне, через чувства» (DE: „Alles Wissen kommt von außen, durch die Sinne.“). Рационалисты возражали: «Дух приносит упорядочивающие структуры с собой» (DE: „Der Geist bringt die ordnenden Strukturen mit.“).

Оба отчасти правы, но оба упускают одно и то же: не существует «чистых» чувственных данных, которые задним числом обрабатываются духом. Уже самое простое восприятие пронизано понятийными различениями, языковыми категориями, практическими значениями. То, что считается «непосредственным», само есть результат — итог долгих процессов опосредствования, индивидуальных и культурных.

Итак, познание никогда не бывает простым и непосредственным; уже в самых простых достижениях скрыты активность и интеллект. Познание↑ опосредствовано, и это опосредствование есть ваша собственная деятельность: вы не просто получаете информацию, но участвуете в формировании того, как мир вам является. Также границы этой деятельности — различные способы видеть цвета или слышать звуки — являются исходными точками: их можно замечать и расширять.

Но эти «опосредствующие структуры» — понятийные различения, языковые категории, практические значения — носят имя, которое в нашей культуре большей частью звучит негативно: пред-суждения.

Вряд ли о чём-то существует более упорный предрассудок, чем о самих пред-суждениях.

Глава 4: Пред-суждения как продуктивные исходные пункты

Вы знаете идеал: «Подходите к делу совершенно непредвзято!» (DE: „Gehen Sie völlig unvoreingenommen an die Sache heran!“) Это звучит разумно и научно. Однако после предыдущей главы это невыполнимо и даже нежелательно.

«Опосредованность» всякого познания, которую мы только что обнаружили, есть не что иное, как то, что философия называет «пред-суждениями». Те понятийные структуры, языковые категории и культурные значения, которые только и делают возможным наше понимание, суть пред-суждения в первоначальном смысле.

> Эксперимент 4: Чтение без предварительных допущений
>
> Попробуйте прочитать этот текст без всяких предварительных допущений. Не зная, что такое буквы. Не ожидая, что предложения имеют смысл. Без своего жизненного опыта.
> Что происходит? Это невозможно. Вы увидели бы лишь каракули.

Эта «предварительная калибровка» вашего понимания не препятствие для истины – она ее условие.

В нашей культуре «свободный от предрассудков» считается добродетелью. «Ты ведь предвзят!» – тяжелый упрек.

Что значит иметь пред-суждение? Буквально: суждение до суждения, к которому ведет проверка. Рабочая гипотеза. Исходный пункт.

Без таких исходных пунктов вы вообще не могли бы начать мыслить. Как бы вы узнали стол, если бы уже не знали, что такое столы? Как бы вы поняли, что значит «коричневый», без опыта обращения с цветами?

> Эксперимент 5: Свободный от предубеждений наблюдатель
>
> Этот эксперимент нельзя выполнить, его можно только продумать – никто не может поставить себя на место того, кто ничего из всего этого не приносит с собой. Он и не должен ничего доказывать, а должен заострить вопрос: что осталось бы, если бы мы не приносили с собой ничего из того, что здесь само собой разумеется?
> Представьте, что на Землю приземляется инопланетянин. Есть ли там, откуда он прибыл, мебель, едят ли там, как мы, или совсем иначе, – кто знает. Предположим, он ничего об этом не знает. Он видит людей, сидящих на стульях за столами. Что он видит?
> Вероятно, лишь загадочные формы. Без опыта мебели, еды, совместных трапез ему не хватает понятий, а без них он не узнаёт, что перед ним происходит. В меньшем масштабе так происходит с каждым, кто попадает в чужую культуру или чужое время. Вы же видите сразу: завтракает семья. Всё ваше предшествующее знание втекает в это простое познание. Ваши «предрассудки» о семьях, трапезах, мебели только и делают возможным понимание.

«Но разве это не порочный круг?» (DE: „Aber ist das nicht ein Zirkelschluss?“) – спросите вы, возможно. «Я вижу то, что уже знаю?»

И да, и нет. Это круг, но он не возвращается в ту же точку: каждый оборот меняет то, с чего начинается следующий. Вспомните обучение чтению. Вначале вы знаете отдельные буквы. Из букв вы понимаете слова. Из слов – предложения. Но затем понимание предложений улучшает ваше понимание слов. А улучшенное понимание слов заставляет вас иначе видеть буквы.

Это герменевтический круг, названный так по герменевтике, древнему искусству понимания и толкования. Он описывает повседневный опыт: мы понимаем целое из частей, а части – из целого. Это не ошибка, а сама структура понимания.

Решающим является различие между продуктивными и догматическими пред-суждениями. Продуктивное пред-суждение похоже на очки, которые вы можете снять. Они помогают видеть, но вы знаете, что это очки. Вы можете их сменить, если другие подходят лучше.

Пример: «Немцы пунктуальны». Как рабочая гипотеза это может помочь. Вы не закладываете при встрече с немцами академические пятнадцать минут. Но вы остаетесь открытым – этот немец может оказаться другим. И действительно, он опаздывает. Ваше пред-суждение было полезно как исходный пункт, но поддается коррекции.

Догматический предрассудок, напротив, похож на зеленые очки Изумрудного города в «Волшебнике из страны Оз» (DE: „Alle Deutschen sind pünktlich“): там каждый носит такие, и уже так давно, что большинство считает город изумрудно-зеленым – хотя зеленое лишь стекло. Кто принимает очки за свой глаз, не может их снять. «Все немцы пунктуальны» – а если кто-то опаздывает, он «не настоящий немец» (DE: „die Ausnahme, die die Regel bestätigt“) или «исключение, подтверждающее правило». Предрассудок иммунизирует себя против опыта.

Радикальное сомнение из главы 2 было одновременно попыткой избавиться от всех предрассудков – и оно должно было потерпеть неудачу, потому что в «Я мыслю» уже заключены язык, логика, идея Я. Но попытка не была напрасной: она сделала видимыми свои предпосылки. Тем самым достигнута не беспредпосылочность, но осознание собственных предпосылок.

> Эксперимент 6: Ваши пред-суждения при чтении
>
> Какие пред-суждения вы приносите с собой прямо сейчас, читая этот текст? Возможны, например, такие: что философские тексты сложны, что аргументы должны быть логически выстроены, что автор хочет вас убедить, что речь идет об истине, а не о развлечении. У вас могут быть другие.

Опять другой вид. Этот эксперимент ничего не доказывает, он извлекает нечто на свет. То, что при этом обнаруживается, принадлежит тому, кто это находит, – у другого это может выглядеть совсем иначе. Именно об этом идет речь в главе – это не возражение.

Такие пред-суждения продуктивны: они помогают правильно классифицировать текст. Без них его, возможно, приняли бы за роман или инструкцию по эксплуатации.

Откуда берутся наши пред-суждения? По большей части из традиции – из культуры, в которой мы выросли, из языка, на котором говорим, из историй, которые слышим.

В традиции заключен сгущенный опыт поколений. Не всё в нем истинно или сегодня еще действительно. Но это богатый исходный пункт.

Альтернативой было бы начинать с нуля. Каждому поколению пришлось бы заново изобретать колесо. Как добывать огонь. Что некоторые ягоды ядовиты. Что сотрудничество часто работает лучше, чем борьба. Миллионы пред-суждений, которые себя оправдали.

И всё же каждый ребенок многое узнает заново. Младенцы приходят в мир без этого знания. Каждый должен сам испытать, что огонь горяч – кое-что узнаётся только так. Но ребенок учится не один. Родители, учителя, всё окружение передают ему сгущенный опыт – как предостережение о плите, как историю, как школу. Каждое поколение еще раз усваивает знание, но не из ничего, а из рук предыдущего. В этом воспроизводится культура: она живет не только в книгах, но и в этой передаче.

Искусство состоит не в том, чтобы не иметь пред-суждений, а в том, чтобы сделать их прозрачными. Знать: это мои исходные пункты. Они привели меня сюда. Но я могу их проверять, пересматривать, развивать дальше.

Как это сделать практически? Спросите себя: почему я, собственно, так думаю? Откуда это убеждение? Какой опыт лежит в основе? Что убедило бы меня в противоположном?

Последний вопрос решающий. Если ответ «ничто», вы обнаружили догму, а не продуктивное пред-суждение. Этот вопрос относится к убеждениям, противоположное которым можно помыслить. Предпосылки из главы 2 устроены иначе: их противоположность нельзя даже отстаивать, не прибегая к ним. Проба на это открыта каждому.

Примените под конец эти вопросы к предрассудку, с которого началась эта глава: «Нельзя иметь предрассудков» (DE: „Man darf keine Vorurteile haben.“). Откуда он? Из законного опыта с догматическими предрассудками, иммунизирующими себя против любой коррекции. Что убедило бы в противоположном? Попытка, предложенная этой главой: прочитать хотя бы одно предложение без предварительных допущений. Предрассудок о предрассудках не оправдал себя на практике. Кто так его проверяет, превращает предрассудок в пред-суждение – и исправляет его. Тем самым оно само показало, что такое пред-суждения: исходные пункты, из которых мы должны исходить и которые сами по себе не проблема. Было ли какое-то из них недоразумением, обнаруживается не заранее, а лишь задним числом – по его подтверждению.

То, что выглядело препятствием познания, – пред-суждения, – оказывается его условием. Продуктивными они становятся, когда их замечают и готовы изменить. Кто внушает себе, что обходится без них, тот лишь сделал их невидимыми; кто с ними считается, может их улучшить.

Глава 5: Как из многого возникает одно — живой принцип слона

Вы сейчас читаете много отдельных слов, но понимаете одну связную мысль. Вы слышите различные тона, но узнаёте мелодию. Вы видите тысячу деталей, но схватываете сцену. Как ваш дух делает из многого одно? И что значит, что это одно живое?

Одна старая история, которую рассказывают во многих вариантах, повествует об этом. Шесть слепых учёных хотят узнать, что такое слон. Они жили в стране, в которой не было слонов, но они слышали об этих огромных животных. Их царь отправил их в путешествие в Индию, чтобы выяснить, что, собственно, такое слон.

Прибыв в Индию, они были приведены помощниками к ручному слону. Шесть учёных стояли вокруг животного и пытались составить себе образ путём ощупывания.

Первый учёный ощупал ногу слона. Когда они вернулись к своему царю, он сообщил: «Слон подобен могучей колонне. Сильной и крепкой, с грубой кожей» (DE: „Ein Elefant ist wie eine mächtige Säule. Stark und fest, mit rauer Haut.“).

Второй учёный ощупал хобот и возразил: «Нет, слон подобен большой змее. Длинной, подвижной и очень ловкой» (DE: „Nein, ein Elefant ist wie eine große Schlange. Lang und beweglich und sehr geschickt.“).

Третий учёный ощупал ухо: «Вы оба заблуждаетесь! Слон подобен большому вееру. Тонкому и широкому, и он может двигаться» (DE: „Ihr irrt euch beide! Ein Elefant ist wie ein großer Fächer. Dünn und breit und er kann sich bewegen.“).

Четвёртый коснулся живота: «Чепуха! Слон подобен большой стене — высокой, широкой и крепкой» (DE: „Unsinn! Ein Elefant ist wie eine große Wand - hoch, breit und fest.“).

Пятый схватил хвост: «Нет, слон подобен канату — тонкому, гибкому и покрытому волосами» (DE: „Nein, ein Elefant ist wie ein Seil - dünn, flexibel und behaart.“).

Шестой ощупал бивень: «Все неправы! Слон подобен гладкому, твёрдому копью» (DE: „Alle falsch! Ein Elefant ist wie ein glatter, harter Speer.“).

Учёные начали спорить. Каждый был убеждён, что только он познал истину. Остальные должны были ошибаться или лгать.

Обычное поучение из этой истории таково: у каждого есть часть истины. У разных людей разные перспективы, и все они должны уважаться. В этом

много верного: никто не видит всей картины, каждая перспектива может что-то дать, надменность и нетерпимость здесь неуместны.

Почему эта история так убедительна? Почему мы принимаем решение, что все частично правы?

История работает, потому что различные описания согласуются между собой, потому что мы можем представить, что животное действительно обладает всеми этими свойствами, потому что противоречия растворяются в когерентной общей картине, и прежде всего: есть действительно слон.

На этой последней, вскользь названной предпосылке держится вся история, и именно её чаще всего упускают из виду.

Итак, история предполагает не то, что у каждого своя действительность, а то, что все относятся к одной и той же. Поэтому различные перспективы могут дополнять друг друга, а не просто равноправно стоять рядом.

> Эксперимент 7: История, рассказанная иначе
>
> Представьте, что история пошла бы иначе. Шестеро слепых ощупали бы совершенно разные вещи. Первый: «Слон подобен бокалу вина» (DE: „Ein Elefant ist wie ein Glas Wein“), второй: «Слон подобен горсти песка» (DE: „Ein Elefant ist wie eine Handvoll Sand“), третий: «Слон подобен ветру» (DE: „Ein Elefant ist wie der Wind“). Показалась бы вам эта история такой же убедительной?
>
> Вероятно, нет — она была бы совершенно неправдоподобной. Мы подумали бы: тут что-то фундаментально не так. Расходящиеся сообщения сделали бы сам общий предмет недостоверным.

Та же действительность, другие взгляды

Родственная структура встречается у португальского поэта Фернандо Пессоа. Он создал «гетеронимы» — не просто псевдонимы, а целых других поэтов с собственной биографией, собственным стилем, собственным мировоззрением. Алберту Каэйру видит мир как непосредственный чувственный опыт, Рикарду Рейс — как классический порядок, Алвару де Кампуш — как современную разорванность. Все трое смотрят на одну и ту же действительность — и каждый видит её иначе. Пессоа не интегрирует их в единое мнение, а даёт им вступить в продуктивный диалог друг с другом.

Но здесь есть отличие от слепых: Каэйру не ощупал хобот мира, а Кампуш — ногу. Каждый из троих видит весь мир — только со своей точки зрения. То, что говорит Каэйру, — не частичное описание, которое дополняется только через Рейша и Кампуша; это полный способ видеть мир. Кто читал

бы только Каэйру, имел бы перед собой целого поэта — и стал бы богаче, если бы прочитал и других. Но прежде он не был беден.

Тем самым обнаруживаются два вида перспектив, которые легко спутать. Слепые схватывают части: хобот, ногу, ухо. Их сообщения — строительные камни, и интеграция складывает их вместе — только все совместно дают слона. Так работают улики, измеренные значения, свидетельские показания: каждое само по себе неполно. Гетеронимы Пессоа, напротив, схватывают целые: каждый видит полную действительность с одного места, как гору видят с востока или с запада — каждый раз всю гору. Их интеграция ничего не складывает; она обогащает.

Смешение чревато последствиями, в обе стороны. Кто обращается с целыми взглядами как с частями, говорит каждому: ты неполон, ты нуждаешься в других — и обесценивает их в тот самый момент, когда хочет их оценить. Кто, наоборот, возводит части в ранг целых взглядов, делает каждую улику собственной истиной — и общая проверка становится невозможной.

И ещё кое-что история, как её обычно рассказывают, обходит вниманием: пока учёные ощупывают, слон не стоит неподвижно. «Веер» машет, «змея» ощупывает в ответ. Действительность, которую они пытаются схватить, сама находится в движении; это делает интеграцию одновременно тяжелее и важнее.

Повседневный пример показывает тот же принцип: вы слышите ночью шум из кухни. Что это? Ухо сообщает металлический звук, ритмичный. Обоняние чувствует лук. Память вспоминает звук нарезания овощей. Опыт говорит: «В это время часто готовит мой сосед по квартире» (DE: „Um diese Zeit kocht oft mein Mitbewohner.“).

Все чувства и опыты работают вместе. Интеграция↑ удаётся, потому что все относятся к одному и тому же событию. Если бы ваши чувства сообщали совершенно разное — металлический звон плюс запах роз плюс воспоминание о детском дне рождения — вы стали бы искать ошибку, а не говорить о «различных перспективах».

Город вы понимаете так же. Сначала чужой и запутанный. Через неделю вы знаете дорогу на работу. Через месяц выкристаллизовываются любимые места. Через год вы понимаете душу разных кварталов.

Но пока вы узнаёте город, он меняется: возникают новые здания, старые сносят, люди уезжают и приезжают новые, магазины закрываются и открываются, времена года преображают парки и улицы.

«Истина↑ о городе» (DE: „Wahrheit über die Stadt“) поэтому не готовая картина, а живой процесс. То, что вы можете сказать о нём через год, есть больше, чем простое мнение, но не последнее слово: следующий год кое-что

исправляет и большую часть сохраняет. Ваше растущее познание встречается с действительностью, которая сама изменяется. Оба вместе — ваше развитое понимание и развитый город — образуют конкретную истину.

То, что само дело изменяется, затрудняет познание, но оно же открывает и доступ.

Кто рассматривает улицу как данность, видит улицу. Кто спрашивает, почему она проходит именно здесь, находит старую реку, городскую стену, которой больше нет, спор между двумя землевладельцами двести лет назад. Улица та же самая; то, что в ней становится видимым, есть иное.

То же самое относится почти ко всему, что выглядит прочным. Слово имело когда-то другое значение. Правило было введено, против сопротивления, по поводу, который забыт. Горный хребет был морским дном. Некая само собой разумеющаяся вещь была когда-то новшеством, о котором спорили.

Для проверки отсюда следует: там, где нечто выглядит прочным, позволен вопрос: с каких пор. А где ответ — дата, там прочное есть ставшее — и тем самым нечто, что могло бы быть и другим.

Это действует не везде одинаково. У правила дорожного движения само правило имеет дату; у закона природы её имеет наше знание о нём. Вопрос «с каких пор?» затрагивает оба, но по-разному.

И он затрагивает также саму проверку. То, что в этой книге рассматривается как само собой разумеющееся — что основания имеют вес, что противоречие позволено, что утверждение должно себя оправдывать, — не всегда было само собой разумеющимся. Оно было завоёвано, и оно может быть снова утрачено.

Итак, изменяется не только город и не только тот, кто его узнаёт. Как далеко это простирается — и что каждое знакомство есть одновременно вмешательство —, выяснится, когда будет прояснено, что означает согласие с действительностью.

Надёжное знание возникает через интеграцию различных перспектив на одну и ту же действительность. Это не сложение мнений. Правомерны те перспективы, которые относятся к одному и тому же и позволяют сложиться в согласованную картину. Против того, кто считает, что любой взгляд так же хорош, как другой, это значит: существует познаваемая действительность. Против того, кто считает, что видит её одним взглядом: она открывается лишь через несколько. То же самое действует там, где вы действуете и должны сводить вместе различные интересы.

Глава 6: Живое целое

Вы ежедневно имеете дело с вещами, которые суть больше, чем сумма их частей. Не мистически и не сверхчувственно — вполне конкретно и повседневно.

6.1 Компьютер, который внезапно «мёртв»

Ваш компьютер работает уже несколько часов, затем внезапно — сбой. Изображение застыло. Вы двигаете мышью, нажимаете клавиши. Ничего. Все части ещё на месте — процессор, память, жёсткий диск, клавиатура. Ничто не исчезло и не сломалось. Тем не менее компьютер в известном смысле «мёртв».

Что произошло? Организующий принцип вышел из строя. Аппаратные части больше не могут координированно работать вместе. Программное обеспечение, которое всё оркеструет, обрушилось. Живое единство функционирующей системы разбито.

После перезапуска всё снова работает. Те же части, но снова организованы, снова живы. Что отсутствовало и теперь снова здесь? Не часть, а взаимодействие частей. Перезапуск, правда, должен кто-то запустить; сам по себе компьютер своё взаимодействие не восстанавливает. «Мёртвым» и «живым» он поэтому называется лишь в переносном смысле, иначе, чем слон, который сохраняет себя собственным действием (глава 6.5).

6.2 Команда, которая работает — или не работает

Вы знаете это по групповой работе: одни и те же люди могут блестяще сотрудничать или полностью проваливаться. Иногда «химия» правильная, идеи летают туда-сюда, каждый дополняет другого, результат лучше всего, что кто-либо мог бы создать в одиночку.

В другой раз — возможно, с теми же людьми — ничего не получается. Недоразумения, борьба за власть, каждый думает только о себе. Результат хуже, чем если бы каждый работал сам по себе.

В чём различие? В качестве взаимодействия. Части (люди) те же. Но целое — функционирующая группа — один раз есть, а другой раз нет.

Это качество группы вы не можете потрогать или измерить. Оно тем не менее реально — иногда даже самое важное во всей ситуации.

6.3 Мелодия, которой нет в тонах

Ещё яснее это в музыке. Ваша любимая песня состоит из отдельных тонов — до, ре, ми, фа, соль. Эти тона вы можете по отдельности нажимать на фортепиано. Но мелодия не сидит в отдельных тонах. Она возникает лишь через их взаимодействие — последовательность, ритм, гармонии.

Те же тона могут дать прекрасную мелодию или ужасный шум. Ребёнок, который беспорядочно бьёт по клавишам, использует те же тона, что и Моцарт. Но порядок, структура, организующий принцип создаёт различие.

Более того: мелодию вы можете сыграть в разных тональностях, на разных инструментах, с разной скоростью. Конкретные тона меняются — но мелодия остаётся узнаваемо той же. Что такое эта мелодия? Нечто, что есть больше, чем сумма тонов, но не может существовать без тонов.

6.4 Ваша собственная жизнь — больше, чем события

Также ваша собственная жизнь есть пример. Она состоит из бесчисленных отдельных моментов — разговоров, переживаний, мыслей, решений. Но есть ли ваша жизнь только сумма этих моментов?

Когда вы рассказываете свою историю жизни, вы рассказываете не только отдельные события. Вы рассказываете, как через неё тянутся нити, как развиваются темы, как из тогдашнего ребёнка стал сегодняшний человек. Вы узнаёте образцы, развития, красную нить.

Эта красная нить не сидит в отдельных событиях. Она возникает через их связь, их развитие, их смысловую взаимосвязь. Тем не менее она действительна.

6.5 Слон как живое целое

Шестеро слепых учёных ощупывают различные части. Но живой слон есть больше, чем колонна + змея + веер + стена + канат + копьё.

Пока они ощупывают, слон реагирует. Его хобот ощупывает в ответ. Его уши следят за звуками. Всё его тело координированно находится в движении. Когда он делает шаг, движутся не отдельные части одна за другой — весь слон делает шаг.

Эта живая координация есть то, что упускает механическое перечисление частей. Мёртвый слон имел бы ещё ноги, хобот и уши, но только по названию; никакой хобот больше не ощупывает, никакое ухо не следует

за звуком. Без живости, которая делает всё единым целым, и части уже не являются тем, чем они были.

6.6 Эмерджентность — когда возникает новое

Для этого феномена есть имя: эмерджентность. Эмерджентные свойства суть такие, которые возникают лишь на уровне целого и не присущи ни одной части самой по себе. Из одних частей их нельзя предсказать, но часто можно, как только знаешь, как части соединены. Удаётся ли это во всех случаях, например при сознании, спорно. Этим именем ничего не объяснено; оно говорит, что здесь появляется нечто новое, и оставляет открытым, как.

Жизнь эмерджентно возникает из химических процессов, которые по отдельности не живы. Также сознание, насколько мы видим, связано с миллиардами нервных клеток, из которых ни одна отдельная не сознательна. Культура эмерджентно возникает из человеческих взаимодействий, которые по отдельности ещё не культура.

> Эксперимент 8: Скопление или целое
>
> Вам не нужно это слово, чтобы проверить феномен. Сравните сами: груду кирпичей и обитаемый дом, список слов и предложение, которое нечто говорит. Что обнаруживается?
> Если это различие, которое есть больше, чем число частей, то вы нашли живое целое, о котором здесь идёт речь.

6.7 Практическое значение

Это усмотрение имеет следствия для вашего поиска истины. Кто хочет понять сложные феномены, тому недостаточно разложить их на отдельные части — он должен также понять взаимодействие частей. Кое-что вообще показывается лишь на целом: личность человека не в его органах, смысл истории не в числе её слов. А поскольку живые целые развиваются, реагируют и изменяются, то, что мы о них познали, не последнее слово: оно должно поспевать за ними.

6.8 Назад к принципу слона

Для принципа слона это значит: интеграция различных перспектив не механическое сложение; она должна схватывать живое целое, которое есть больше, чем сумма отдельных наблюдений.

Учёные должны не только собирать свои сообщения. Они должны понять, как все части соединяются в координированно действующее, реагирующее, живое существо.

Для поиска истины это значит: к собиранию фактов относится вопрос, как они связаны, какие образцы они образуют и какое большее целое они дают.

Целое есть больше, чем сумма его частей. Это «больше» не мистично, а представляет собой организующий принцип, который из многих элементов делает функционирующее целое. Кто только разлагает и собирает, тот в конце держит в руке части — а живая связь от него ускользнула.

Глава 7: Когда нечто противоречит самому себе

Кто сводит вместе различные перспективы, снова и снова наталкивается на противоречия. Сначала это выглядит как помеха.

Возьмите прямой деревянный стержень. Держите его в воздухе — он прямой. Погрузите его в воду — он кажется сломанным. Что истинно? «Стержень прямой» (DE: „Der Stab ist gerade“) или «Стержень сломан» (DE: „Der Stab ist gebrochen“)?

Оба высказывания опираются на прямое наблюдение. Оба в своём контексте правильны. Но они противоречат друг другу. Это противоречие мы не можем игнорировать — оно заставляет нас мыслить дальше.

Перед этим противоречием у нас есть три принципиальные возможности:

Объявить одну сторону ложной: «Глаза обманывают в воде» (DE: „Die Augen täuschen im Wasser“) — но почему они должны обманывать? И откуда мы знаем, какая сторона правильная? Такое «решение» не объясняет, оно лишь отбрасывает. Разумеется, наблюдение может быть ложно полученным, увиденным из плохого угла или измеренным с помощью сдвинутого прибора. Является ли оно таким, показывает проверка того, как оно возникло, а не его противоречие остальной картине.

Считать обе равноправными: «Всё зависит от точки зрения» (DE: „Es kommt auf den Standpunkt an“) — но это не помогает. Нам нужно объяснение, а не только констатация различия.

Найти единство противоречий: развить более высокое объяснение, которое охватывает оба наблюдения и показывает, почему они сначала казались противоречивыми.

Третий вариант ведёт к открытию преломления света. Эта теория объясняет и прямизну в воздухе, и кажущийся изгиб в воде. Результат богаче, чем каждое из первоначальных наблюдений.

Это движение мысли носит имя: диалектика, от греческого dialegesthai — разговаривать друг с другом. Речь не о стирании различий и не о софистической игре слов, а о систематическом понимании кажущихся противоположностей.

Структура имеет три момента, которые происходят одновременно — это называют снятием:

Сохранять: оба первоначальных наблюдения остаются действительными. Стержень действительно прямой, и он действительно кажется сломанным.

Преодолевать: противоречие как проблема растворяется. Мы теперь понимаем, почему и то и другое верно и как они связаны.

Поднимать на более высокую ступень: наше понимание выросло. Мы знаем более высокий принцип (преломление света), который объясняет оба феномена и делает возможными новые предсказания.

Это «снятие» в тройном смысле описывает то, что происходит при обучении, когда разрешается противоречие.

Повседневный пример: мать хочет, чтобы сын больше учился. Сын хочет больше свободного времени. Сначала это кажется неразрешимым противоречием — только один может получить то, чего хочет.

Чего действительно хочет мать? Она заботится о будущем сына. Чего действительно хочет сын? Ему нужно пространство для своего развития.

Диалектическое решение начинается с вопроса, почему возникает спор. Мать измеряет учёбу часами за письменным столом, сын свободу — часами без надзора: оба считают время. Если же оба спрашивают вместо этого, что сын хочет уметь, мера смещается: кто учится ради собственного замысла — на инструменте, в программе, в команде —, тот упражняет одновременно выдержку и самостоятельность. Вопрос о часах снимается сам собой, без дележа, потому что он больше не является правильным.

В результате оба первоначальных интереса сохраняются — забота о будущем и пространство для развития —, их противоречие преодолевается, и решение объясняет, откуда оно взялось: из общей, слишком узкой меры.

Не каждое противоречие разрешается так, что обе стороны могут существовать рядом. Иногда одна сторона порождает другую, как возбудитель, который распространяется в теле и именно этим пробуждает защиту, которая его большей частью уничтожает. А кое-что состоит не в чём ином, как в переходе между обеими сторонами, как движение, которое нельзя схватить ни через «находится в этом месте» (DE: „ist an diesem Ort“), ни через «не находится в этом месте» (DE: „ist nicht an diesem Ort“). И тогда мышление ищет принцип, исходя из которого обе стороны становятся понятными, даже если противоположность при этом сохраняется.

Противоречия не есть поломки на пути к истине — они приводят мышление в движение. Пока всё идёт гладко, мы проверяем попутно, не замечая этого, как вы проверяете при чтении этих строк. Лишь когда что-то не сходится, когда наши ожидания обманываются, начинается явное размышление: мы останавливаемся, удивляемся и спрашиваем, как это может быть.

Тем самым противоречия становятся двигателем познания. Диалектика значит: находить единство противоречий в том более высоком принципе, который их объясняет. Кто останавливается на противоречиях, имеет два утверждения; кто вычёркивает одну сторону, потерял одну информацию. Дальше идёт тот, кто ищет принцип, исходя из которого обе стороны становятся понятными.

Глава 8: Всё должно согласовываться — живой принцип детектива

У многих хороших детективов есть такой момент: Эркюль Пуаро собирает всех в салоне. Мисс Марпл откладывает своё вязание. Шерлок Холмс зажигает трубку. Сейчас они покажут, как всё складывается. Каждое указание, каждое наблюдение, каждое, даже самое второстепенное замечание — всё найдёт своё место. Но реальность сложнее любого детектива: она не стоит неподвижно, пока мы ведём расследование.

8.1 Универсальная структура когерентности

То, что детектив показывает в салоне, встречается и в иных местах: врач при постановке диагноза должен интегрировать различные симптомы, лабораторные показатели и сведения из истории болезни в когерентную картину болезни. Каждая деталь должна иметь своё место.

Историк собирает различные источники, археологические находки и современные сообщения, которые должны давать непротиворечивую картину прошлого.

Принцип детектива↑ гласит: в конце всё должно согласовываться. Ни одно наблюдение не должно быть заметено под стол, ни один феномен не должен остаться необъяснённым. Как пазл, в котором каждая деталь имеет своё место, — только этот пазл живой.

8.2 Спасать феномены

Каждое настоящее наблюдение, каждый феномен, каждая улика содержат долю истины, даже если наши первые истолкования были ложными. Наблюдения почти никогда не бывают полностью ложными — их нужно «спасать» (правильно встраивать). Теории и истолкования могут быть полностью ложными и тогда отбрасываются, а не интегрируются.

Пример из детектива: дворецкий казался подозрительным, потому что нервничал. Это было настоящее наблюдение. Истолкование «он убийца» (DE: „er ist der Mörder“) было ложным. Правильное объяснение: он боялся потерять работу, потому что в день преступления был пьян. Нервозность была реальной и важной — но для раскрытия дела, а не как мотив убийства.

«Спасать феномены↑» — это выражение происходит из греческой астрономии: sozein ta phainomena, спасать явления. Так называлась там задача объяснить движения на небе так, чтобы ни одно наблюдение не было утаено. Оно означает: все настоящие наблюдения должны найти своё место в объяснении. Когда гелиоцентрическая теория сменила геоцентрическую, всё равно должны были быть объяснены все наблюдения — почему это выглядит так, будто Солнце вращается вокруг Земли? Новая теория объясняет старые наблюдения лучше.

А «спасать» значит также: сохранять то, что ещё нельзя объяснить. Хороший детектив не выбрасывает улику, которая не подходит ни к одному истолкованию, — он кладёт её на стол на видное место. Знать, чего не объясняешь, принадлежит к объяснению; открытые пункты — это моменты сопротивления, за которые берётся следующее, лучшее истолкование.

И есть самый трудный случай: улика, которая лжёт. Преступник оставляет ложный след; свидетель сознательно говорит неправду, потому что истина отяготила бы его самого. Здесь хороший детектив отбрасывает — но он отбрасывает определённым образом. Он вычёркивает показание как сообщение о ходе преступления и спасает его как факт в собственном праве: то, что солгали, само есть улика, часто самая ценная из всех. Ложный след показывает не то, куда он указывает, — он показывает, что у кого-то был интерес его проложить. Поэтому у хорошего детектива отбрасывать никогда не значит выбрасывать. Даже обман спасается как феномен — как тот феномен, которым он является.

8.3 Загадка дорожного происшествия

Ситуация: при дорожном происшествии есть четверо свидетелей с совершенно различными показаниями. Пенсионер говорит: «Красная машина ехала слишком быстро и врезалась в синюю» (DE: „Das rote Auto ist viel zu schnell gefahren und hat das blaue gerammt.“). Подросток утверждает: «Синяя машина поехала на красный и задела красную» (DE: „Das blaue Auto ist bei Rot über die Ampel und hat das rote erwischt.“). Мать с ребёнком объясняет: «На дорогу выбежала собака, поэтому обе резко затормозили» (DE: „Ein Hund ist auf die Straße gelaufen, deshalb haben beide abrupt gebremst.“). Водитель грузовика считает: «Светофор был неисправен и мигал только жёлтым» (DE: „Die Ampel war defekt und blinkte nur gelb.“).

Поверхностными реакциями были бы скептическая («Все противоречат друг другу, мы никогда не сможем узнать, что действительно произошло» (DE: „Alle widersprechen sich, wir können nie wissen, was wirklich passiert ist“)), авторитарная («Только полицейский может решить, кто прав» (DE: „Nur der Polizist kann entscheiden, wer recht hat“)) или релятивистская («У каждого своя истина, все версии одинаково действительны» (DE: „Jeder hat seine Wahrheit, alle Versionen sind gleich gültig“)).

Детективный анализ идёт иначе. Сначала он принимает всерьёз все наблюдения. Каждое показание содержит, возможно, истинные элементы. Никто из свидетелей не лжёт сознательно. Затем он спрашивает, откуда каждый наблюдал. Пенсионер стоял сбоку, хорошо видит скорости, но плохо слышит. У подростка хорошие глаза, но он был отвлечён своим телефоном. Мать очень внимательна из-за ребёнка, видит детали. Водитель грузовика имеет обзор сверху, знает дорожные ситуации.

Наконец он ищет когерентность. Как могли бы все показания быть частично правильными? Возможная реконструкция: светофор был неисправен (водитель грузовика). На дорогу выбежала собака (мать). Синяя машина резко затормозила и остановилась лишь за стоп-линией. Красная машина врезалась сзади, потому что для такой ситуации ехала слишком быстро (пенсионер). Подросток видел, как синяя машина катилась за линию, это верно. «На красный» он домыслил, потому что светофор не показывал красного, а кто кого задел, ускользнуло от него при взгляде на телефон. Полностью прав не был никто; нечто правильное увидел каждый. Спасается то, что каждый видел, а не то, что он из этого сделал.

8.4 Когда показываются сопротивления

Иногда первой интеграции недостаточно. Один свидетель противоречит всем остальным. Одно наблюдение не подходит к картине. Одна улика мешает красивой теории. Здесь хорошая детективная работа отделяется от плохой.

Плохие детективы игнорируют мешающие указания или подгоняют их. «Свидетель, должно быть, ошибается» (DE: „Der Zeuge muss sich irren.“). «Это неважно». «Это как-нибудь подойдёт» (DE: „Das passt schon irgendwie.“).

Хорошие детективы относятся к сопротивлениям серьёзно. Они суть указания на то, что прежняя теория неполна или ложна, и заставляют искать объяснение, которое вбирает также мешающее. То, что упорно сопротивляется нашим ожиданиям, показывает направление к истине.

8.5 Научная революция как детективная работа

Открытие желудочного микроба Helicobacter pylori показывает принцип детектива в действии. Десятилетиями считалось: язва желудка возникает из-за стресса, острой пищи и слишком большого количества желудочной кислоты. В кислом желудке, согласно господствовавшему мнению, ни одна бактерия не может жить долго. Кто всё же находил их, считал их загрязнением.

Двое австралийских врачей отнеслись к мешающему результату серьёзно. Бактерии обнаруживались почти у всех пациентов с язвой и поддавались культивированию. Один из них выпил культуру и в течение нескольких дней получил воспаление слизистой желудка — ещё не язву, но свидетельство того, что микроб в желудке вызывает болезнь. Что он вызывает также

язву, показалось лишь при лечении: кто избавлялся от него с помощью антибиотиков, у того язва возвращалась гораздо реже.

Результатом стал переворот в желудочной медицине. При этом были спасены и старые наблюдения: стресс и кислота действительно могут ухудшать язву — только главная причина иная.

8.6 Живая когерентность

Принцип детектива — не только метод для криминальных романов или научного исследования. Вы применяете его ежедневно, когда пытаетесь понять, что происходит вокруг вас. При чтении газеты, при понимании людей, при решении проблем — повсюду вы собираете указания и складываете их в когерентную картину.

Но эта когерентность живая, а не жёсткая. Новые опыты могут изменить общую картину, мешающие наблюдения заставляют пересматривать, лучшие теории заменяют худшие. Это делает поиск истины динамическим процессом, а не одноразовым событием.

Здесь старое изречение «Истинное есть целое» получает первый смысл: истина лежит не в отдельных изолированных высказываниях, а в систематической интеграции всех аспектов в когерентное целое. Каждая улика имеет в нём своё место — как часть объяснения или как открыто сохраняемый открытый пункт. И целое живо: оно не застыло и не замкнуто, а развивается дальше через новые опыты и лучшую интеграцию. Появится завтра новая улика — картина не будет выброшена, а будет расширена.

Истина↑ возникает так через систематическую когерентность: все улики должны подходить к общей картине. Эта когерентность не сконструирована произвольно, она следует логике самого дела, ведь картина должна вобрать и ту улику, которая не хочет подходить. Кто мыслит как хороший детектив, принимает противоречия как указания, а не как помехи, и даже в запутанном положении благодаря терпеливой работе часто находит связь.

Глава 9: Различные виды улик

Принцип детектива↑ показал нам: в конце всё должно согласовываться, каждое наблюдение должно иметь своё место. Только то, что должно согласовываться, не одного вида.

9.1 Мудрость бессознательной компетентности

Представьте опытного врача, который уже тридцать лет лечит пациентов. Входит молодой пациент, жалуется на неспецифические жалобы. Лабораторные показатели без особенностей, все тесты отрицательны. Но опытный врач чувствует: «Здесь что-то не так» (DE: „Da stimmt etwas nicht.“). Он не может это точно обосновать — что-то в осанке, в звучании голоса, в мельчайших нюансах, которые он за годы научился читать.

Ненаучно ли это? Ненадёжно?

Нет, если видеть, откуда берётся это чутьё. Это бессознательная компетентность, результат десятилетнего опыта. Врач видел тысячи пациентов, распознал бесчисленные тонкие образцы, которых нет в учебниках. Его «нутро» — сгущённый опыт: в высшей степени сложный, но не поддающийся сознательному анализу.

Бессознательная практика не есть просто привычка. Есть ступени компетентности. Новичок сознательно обдумывает каждый шаг. Компетентный применяет правила. Эксперт действует из опыта. Но мастер развил форму знания, выходящую за пределы сознательных правил.

Мастер-пианист больше не думает о каждом движении. Его пальцы «знают», куда им нужно. Опытный ремесленник чувствует, правильно ли лежит материал. Упражнённая мать узнаёт по крику своего ребёнка, что ему нужно.

Эта интуитивная компетентность не есть противоположность рациональности, а одна из её форм: знание, настолько глубоко усвоенное, что оно работает без сознательного размышления. И она может ошибаться там, где положение иное, чем то, на котором она была выучена.

9.2 Различные качества указаний

Детектив стоит перед сложным делом и должен оценивать самые разные виды улик. Твёрдые факты — отпечатки пальцев, следы ДНК, временные метки камер наблюдения — трудно подделать, но они говорят большей частью лишь, что и когда произошло. «Как» поставляют свидетели: субъективно окрашенное и часто противоречивое, но богатое связями; «почему» часто даёт лишь знание о том, как люди обыкновенно ведут себя и что в их окружении, их времени, их сообществе считается само собой разумеющимся. Лабораторные анализы и измерения точны, но немы, пока их кто-то

не истолкует; знание из опыта истолковывает быстро и часто поразительно метко, но в отдельном случае не может отчитаться, разве что своим послужным списком по многим случаям.

Каждый вид силён там, где другой слеп. Поэтому опытный следователь комбинирует их так, чтобы они дополняли и поправляли друг друга.

9.3 Повседневные детективы — ваши собственные эмпирические правила

Указания вы давно взвешиваете в повседневности, не называя это так. При технической проблеме вы доверяете руководству больше, чем своему чувству. При ссоре между друзьями вы доверяете чутью к невысказанному больше, чем любому советчику. При бабушкином рецепте вы не спрашиваете об исследовании, потому что он сто раз удавался, а при сообщении, которое вас взволновало, вы проверяете, сообщают ли другие источники то же самое.

Такие эмпирические правила — это взвешивания: они говорят, какой вид указания в какой области сколько весит. Вы выучили их на попаданиях и промахах, и они меняются, когда источник, которому вы долго доверяли, разочаровывает вас.

9.4 Искусство интеграции

Как вы интегрируете различные виды знания, которые «работают» совершенно по-разному?

> Эксперимент 9: Покупка подержанного автомобиля
>
> Представьте, что вы покупаете подержанный автомобиль. Различные «улики» втекают в ваше решение — проверьте у каждой, сколько веса вы ей придали бы:
> Технический эксперт проверяет двигатель, тормоза, коробку передач по объективным критериям. Его отчёт точен и фактичен.
> Ваш опытный друг, который десятилетиями ремонтирует автомобили, слушает двигатель и говорит: «Звучит хорошо». Он не может точно объяснить, что он слышит, но его оценка большей частью попадает в цель.

> Продавщица рассказывает историю автомобиля — кто на нём ездил, как с ним обращались, почему он продаётся. Субъективно и движимо интересом, но богато контекстом.
> Ваша собственная интуиция при пробной поездке спрашивает: чувствуется ли автомобиль правильным? Подходит ли он вам? Трудно объективировать, но важно для решения.
> Онлайн-отзывы показывают, насколько другие довольны этой моделью автомобиля. Статистически значимо, но не обязательно переносится на ваш случай.
> Цена по сравнению с аналогичными предложениями объективно измерима, но на неё влияют рыночная ситуация и умение вести переговоры.
> Вы должны интегрировать все эти различные виды информации в одно решение. Ни одного отдельного вида недостаточно — но вместе они дают картину, достаточно несущую для важного решения.

Результат проверки здесь есть вопрос самого дела: улики можно взвесить иначе, чем предложено, и кто это делает, прав или неправ, как в любом вопросе дела. В экспериментах, как во второй главе, решала форма, здесь решает само дело.

9.5 Когда источники противоречат друг другу

Но что, если различные улики противоречат друг другу? Эксперт говорит «технически безупречен», но ваш опытный друг настроен скептически. Продавщица расхваливает надёжность, но онлайн вы находите жалобы на эту модель.

Здесь возвращается то, что глава 7 показала на стержне: противоречие не заканчивает познание, оно гонит его дальше. Оно ведёт к таким вопросам:

Какой источник в этой специфической области самый надёжный? Могут ли оба быть правы, но подчёркивать различные аспекты? Есть ли дополнительная информация, которая разрешает противоречие? Что я, возможно, упускаю?

Часто этот углублённый анализ ведёт к усмотрениям, которые вы без противоречия никогда не получили бы. Кажущийся конфликт становится дверью к лучшему пониманию.

9.6 Отрефлектированная детективная работа

У эмпирических правил есть одна зацепка: им следуют, не замечая этого, и там, где они больше не подходят. Предположим, вы трижды верили мастерам, которые могли убедительно описать свою работу, и трижды другой должен был доделывать за ними. Кто это замечает, при четвёртом проверяет не только предложение, но и собственный способ проверять: не даю ли я хорошему рассказу вести меня сильнее, чем результатам проверки? Ищу ли я прежде всего то, что подтверждает то, во что я и так верю? Какой вид указаний я регулярно упускаю?

Это размышление о собственном размышлении делает из спонтанного образования суждений поиск истины, который учится на своих ошибках.

9.7 Против двух односторонностей

Кто знает виды улик, может распознать две односторонности, которые отражают друг друга. Первая — сциентизм: он признаёт лишь то, что можно измерить, и считает опыт, интуицию и культурное знание шумом. Тем самым он упускает то, что врач из начала этой главы видел в осанке своего пациента. Вторая — иррационализм: он доверяет чувству больше, чем любому анализу, и упускает, что и сгущённый опыт ошибается там, где положение ново. Обе делают суждение внешне более лёгким, потому что возводят один вид указаний в судью над всеми остальными.

Кто, напротив, знает, как далеко несёт каждый вид, тот может ответственно решать и при неполной информации.

Каждый вид улик имеет своё качество и требует своего обхождения. Бессознательная компетентность — не незнание, а сгущённый опыт. Кто сводит вместе твёрдые факты, опытное знание, культурный контекст и интуицию так, чтобы они проверяли друг друга, тот не отдан ни данным, ни собственным предрассудкам.

часть II: что означает согласие

Глава 10: Сравнение, которого нет — как когерентность и корреспонденция сходятся

Девять глав подряд мы делали одно и то же, всё более широкими кругами: проверяли, с первого предложения; открывали предпосылки, на которых стоит всякая проверка; получали пред-суждения как исходные точки; складывали перспективы в слона, использовали противоречия как двери, взвешивали улики и интегрировали их, как детектив. И всё это происходило в нашем опыте. Отсюда следует один из старейших философских вопросов: истинно ли высказывание, если оно согласуется с действительностью, — или если оно подходит к нашим другим убеждениям? Спор между «корреспонденцией» и «когерентностью» стар: одно понимание восходит к античности, другое сформировалось добрых сто лет назад как его явный противник. Возможно, обе стороны не замечают взаимодействия, которое мы давно практикуем.

10.1 Кажущаяся дилемма

На первый взгляд когерентность и корреспонденция, кажется, противоречат друг другу. Теория когерентности говорит: «Высказывание истинно, когда оно подходит ко всем нашим другим обоснованным убеждениям» (DE: „Eine Aussage ist wahr, wenn sie zu all unseren anderen begründeten Überzeugungen passt.“). Это звучит разумно. Новая мысль должна встроиться в целое нашего знания.

Теория корреспонденции говорит: «Высказывание истинно, когда оно корреспондирует, то есть согласуется, с действительностью» (DE: „Eine Aussage ist wahr, wenn sie mit der Wirklichkeit korrespondiert, also übereinstimmt.“). (Не следует путать с физическим принципом соответствия, согласно которому новая теория должна согласовываться со старой там, где та оправдала себя.) Это звучит столь же разумно. Какая польза от самой красивой внутренней согласованности, если она не имеет ничего общего с реальностью?

У обеих есть сильные аргументы. Теория когерентности имеет своё отечество там, где проверять можно только в связи — в логике и математике: предложение доказано, когда его можно вывести из основоположений системы. Никто не подносит треугольник к миру. Отсюда она обобщает: истинно то, что можно встроить. Тем самым она элегантно обходит трудности сравнения с действительностью — но лишь обходит их: вопрос, как должно осуществляться это согласие, она оставляет без ответа.

Теория корреспонденции возражает: что тогда отличает истину от красивой фантазии? Бредовая система может быть совершенно когерентной — но она не имеет ничего общего с реальностью.

10.2 Выученное разделение внутреннего и внешнего

Обе теории предполагают одно и то же различение: здесь дух, там мир. Что в них истинно, обнаруживается, когда спрашиваешь, откуда происходит это различение. Оно для нас настолько само собой разумеется, что мы забыли, что когда-то ему научились.

Младенец должен сначала выстроить границу между собой и миром – и он выстраивает ее именно на сопротивлениях: мяч укатывается и не возвращается только потому, что этого хочется. Голод не утоляется, как только возникает. Мать уходит, и ее нельзя призвать обратно желанием. На том, что не подчиняется желанию, возникает различение: там, снаружи, есть нечто, следующее собственным законам, – а здесь нахожусь я.

Это разделение – достижение, и современный человек целиком живет в нем. Если вы не уверены, оставили ли вы свет включенным, вы не размышляете дальше – вы идете и смотрите. Если кто-то утверждает, что в саду стоит НЛО, вы сначала проверяете, согласуется ли это со всем, что вы знаете, и если не считаете это заранее нелепым, идете в сад. При этом ясно: кое-что нельзя решить в духе. Нужно посмотреть самому, потрогать, измерить, спросить – проверить модель на мире. Именно это и есть истинное в корреспондентной теории – только это не теория, а выученная жизненная практика: вся наука с ее экспериментами есть ее культивированная форма.

При этом выучивается разделение, а не проверка. Ожидать чего-то, наталкиваться на то, что не подчиняется, и пробовать иначе – это делает уже младенец; лишь в этой проверке он учится разделению. То, что на этом строится, имеет историю и не везде одинаково – методы науки, взвешивание источников, о котором идет речь в главе 10, а также высказанное правило, что другому следует давать основания. В проверке это правило содержится

еще до того, как кто-либо его выскажет (глава 1 и 11.1). Выученное может становиться лучше и снова утрачиваться; проверка, в которой оно было выучено, предшествует ему.

10.3 Всё, чем мы проверяем

> Эксперимент 10: Сравнение, которого вы никогда не делаете
>
> Происходит ли на самом деле «сравнение» между мыслью и действительностью, о котором говорит теория корреспонденции и которое, кажется, осуществляет наше «пойти и посмотреть»? Проверьте сами: когда вы говорите «Идёт дождь», сравниваете ли вы тогда мысль в своей голове с дождём вне своей головы?

В нормальном случае я вообще не думаю о дожде. Я сижу за столом, слышу барабанный стук по жестяному подоконнику, вижу, как тёмно блестит улица, — и думаю: идёт дождь. Мысль следует здесь за восприятием как его вывод. Лишь когда что-то поднимает вопрос, направление переворачивается: кто-то утверждает, что идёт дождь; я хочу выйти без куртки; стук могла бы издавать и отопительная система. Это маленькое удивление: что нечто, возможно, не таково, как мы предполагали. И вот я размышляю или иду посмотреть — большей частью и то и другое, по переменно. Мысль сначала есть как утверждение, как вопрос, как ожидание и ищет своё восприятие: я выглядываю из окна, открываю дверь и нюхаю влажный воздух, читаю прогноз погоды, рассматриваю дождевой радар, спрашиваю того, кто как раз входит. Это и есть пойти и посмотреть.

Всё это опосредствовано различно: собственное видение, собственное слышание, один прибор, один текст, слово другого человека. И эти пути не равнозначны — никто не обращается с ними так. Вижу ли я дождь сам, капли на стекле, брызги на пороге, или выхожу наружу и промокаю, тогда вопрос отвечен; тут не остаётся сомнения, которое требовало бы проверки. Входит некто и говорит, что идёт дождь, тогда его речь проверяется по тому, что он приносит с собой: мокрый зонт, мокрые волосы, мокрая одежда поддерживают её; если всего этого нет, я настораживаюсь — или он как раз вышел из гаража, и тогда всё зависит от того, насколько он надёжен. Прогноз погоды и дождевой радар, в свою очередь, верны в большом и ошибаются в деталях: на ином побережье прогноз часто не попадает, а то, что радар показывает в облаках, не всегда то, что внизу достигает земли. Взвешивать источники

там, где они не так однозначны, как дождь на собственной коже, требует опыта — и веса зависят от обстоятельств и местности.

Но в одном пункте всё это одинаково: всё, чем вы проверяете, вступает в ваше осуществление познания — и именно там происходит также это взвешивание. Только там вы можете сравнивать, упорядочивать, понимать. Это действует далеко за пределами чувств — для воспоминаний, сообщений, книг, измеренных значений, статистик, доказательств, экспериментов: основаниями они все становятся лишь входя в вашу встречу и будучи вами обработанными. Даже то, что измеряет тончайший прибор, становится средством познания лишь тогда, когда его показание прочитано, его способ работы понят, его результат встроен.

Ничто из этого поэтому не является просто субъективным или недействительным. Дождь не становится менее действительным оттого, что вы должны его видеть, чтобы познать; измерение не становится менее объективным оттого, что кто-то должен его оценить. Это показывает лишь одно: места вне всякого познания, с которого мы могли бы положить наше познание рядом с миром, у нас нет. Всё, чем мы проверяем истину, встречает нас внутри той же самой практики истины.

И во всём, что нам там встречается, можно различить два момента. Кое-что навязывается: дождь идёт, желаю я его или нет; число на табло стоит так, как стоит; сообщение свидетеля звучит так, как звучит. И всё одновременно деятельно обрабатывается: понимается, встраивается, взвешивается, подвергается сомнению. Никакое познание не состоит лишь из одного из двух — и мысль может навязываться, как мелодия, которая не хочет уходить, и зрение можно направлять взглядом, шагом и стеклом. Но на различии того, какой момент ведёт, держится вся наша проверка: если я не уверен, идёт ли дождь, я перестаю размышлять и иду посмотреть — я ищу то, что мне навязывается, будь то показание барометра или слово того, кто был снаружи.

Здесь же лежит и простое усмотрение, которое старый спор скрывает. Корреспонденция↑ спрашивает о содержании: попадает ли то, что нам достаётся, в само дело? Когерентность↑ спрашивает о форме: соединяется ли познанное с остальным познанным? Но содержание и форма встречаются не в двух раздельных местах. Никакое содержание нельзя получить без формирования, никакая форма не проверяет без содержания — обе встречаются в одном и том же осуществлении, и уже здесь можно предвидеть, что обе теории будут нуждаться друг в друге.

10.4 Сравнение, которое действительно происходит

Значит ли это, что сравнение с действительностью есть выдумка? Это был бы ложный вывод. Выдумано лишь сравнение через пропасть: здесь готовая мысль, там готовый мир, а между ними точка зрения, с которой можно было бы удерживать оба рядом — это сравнение, которого нет. Настоящее сравнение более повседневно, и оно идёт беспрерывно — в обоих направлениях. Большей частью восприятие приходит первым, и мысль, которая его схватывает, должна оправдываться на дальнейшем; где вопрос сначала уже есть, там мысль ищет своё восприятие: я думаю «идёт дождь» и вижу капли — она оправдывается на том, что навязывается. Ожидание исполняется или терпит крах. Сообщение согласуется с измерением или вступает с ним в противоречие. Воспоминание подтверждается документом — или исправляется.

И средства проверки контролируют друг друга. В пустыне на горизонте кажется стоящей вода; я иду к ней, и она отступает — зрение показывало нечто, чего ходьба не выполняет. Передо мной, кажется, стоит предмет; я протягиваю руку, и рука хватает пустоту. То же самое действует там, куда глаз больше не достигает: никто не видит вирус, раннюю эпоху Вселенной или население страны — мы работаем с микроскопами, следами, рядами измерений, статистиками, сообщениями, и проверка состоит и там в том, что различно опосредствованные доступы соотносятся друг с другом: один способ измерения контролирует другой, предсказание измеряется по позднейшим результатам, независимые руки повторяют эксперимент. Но простое совпадение двух доступов несёт ещё недалеко — и сон может обмануть несколько чувств, и бред может ощущаться целостным. Проверка становится строгой, возрастая: под меняющимися углами зрения, в повторённом действии, через других, которые независимо смотрят, через вмешательства, на которые само дело закономерно отвечает.

Понятые так, оба старых слова говорят нечто точное. Корреспонденция не значит, что мысль была бы второй, духовной копией дела; она показывает себя в том, что наши различные доступы совместно несомы делом или совместно исправляются им. Когерентность не значит, что мы непротиворечиво составляем мысли, как нам удобно; она есть порядок, в котором все доступы получают своё место и мешающий опыт не подавляется. Без первого замкнутый бред мог бы сойти за истину; без второго впечатления, измерения и сообщения оставались бы кучей без смысла. Здесь начинает срастаться то, что разделяли обе теории.

Точнее можно сказать, как они связаны, если понимать когерентность так широко, как это происходит здесь: как согласованность не только мыслей между собой, но и со всем, что нам встречается, также с тем, что навязывается. В этом широком смысле то, что не корреспондирует, также не когерентно: представление, о которое спотыкается опыт, больше не подходит к остальному, что кто-то знает и принимает, — и этот разрыв выступает внутри той же самой связи, в которой выступают и логические разрывы. Проверка корреспонденции поэтому не второе действие наряду с проверкой когерентности, а её самый требовательный случай: тот, в котором сопротивляющееся нельзя устранить переменой мысли. В узком смысле, как чистая согласованность мыслей между собой, теория корреспонденции со своим возражением права: бред может быть в себе совершенно согласованным. От истины его отделяет не то, что с ним никогда не случается ничего неожиданного. Неожиданное он задним числом встраивает. Чего ему не хватает, так это готовности признать ответ, которого он сам не мог бы себе дать. Он перетолковывает и то сопротивление, которое нельзя устранить никаким перетолкованием.

Тем самым определено и сопротивление. Оно не есть толчок действительности снаружи о мышление здесь внутри, а признак того, что одна связь больше не сходится — и что когерентным должно быть сделано то, что ещё не является таковым.

И ещё одно происходит в этом сравнении: из него мы получаем различение внутреннего и внешнего, вместо того чтобы предполагать его. Поскольку кое-что можно направлять, а другое навязывается, поскольку увиденное и осязаемое могут расходиться, поскольку желание разбивается о впечатление, уже ребёнок проводит границу: это принадлежит мне, то следует собственным законам — он тянется и не достаёт, он ударяется, падает, пробует заново и постепенно различает собственное тело, других, мир. Разделение духа и мира не есть пропасть, которую познание должно было бы сначала преодолеть; оно есть результат опыта и остаётся в нём проверяемым. Мир при этом не порождается — но наше знание о том, что принадлежит нам, а что следует собственным законам, порождается.

10.5 Мы проверяем, действуя

Примеры этой главы имеют нечто общее, что глава 3 уже показала на столе вашего детства. Чтобы разоблачить видимость на горизонте, я шёл к ней; чтобы проверить кажущийся предмет, я протягивал руку; чтобы взглянуть,

я открывал дверь. Средства проверки никогда не лежали спокойно рядом, как карты на столе, — они вступали в игру, пока я действовал. Я хочу знать, пустотела ли стена, — и стучу. Наука делает то же самое систематически: она целенаправленно изменяет условия, строит приборы, повторяет, предсказывает и вмешивается. В действии отвечает само дело — оно подчиняется ожиданию или сопротивляется ему. Что вода отступает, когда я иду, я узнаю лишь потому, что иду.

Отсюда можно было бы заключить: истинно то, что подтверждается в действии, что работает. В этом есть истинное, и приложение A показывает, сколько. Но это вводит в заблуждение, как только действие делают единственным судьёй — ведь действие открывает нечто лишь постольку, поскольку оно понято. То, что вода отступает, учит меня «это был обман» лишь тогда, когда я мыслю противоречие между зрением и ходьбой. Без этой мысли отступление оставалось бы одним событием среди многих. Действие без мысли, которая его схватывает, было бы не познанием, а блужданием — и пьяный наталкивается на вещи и получает от них толчки, и всё же ничего не познаёт. И наоборот, пустым оставалось бы мышление, которое никогда не подвергает себя действию, опыту, возможному сопротивлению. Оба входят друг в друга: мы действуем из некоего понимания, и мы изменяем понимание по следствиям действия. Поэтому и «подтверждаться» значит больше, чем просто функционировать: обман может какое-то время работать, ложная теория случайно правильно предсказывать, идеология действенно упорядочивать общество. Истинно то, что выдерживает растущую проверку — различные доступы, контрпроверки, следствия.

10.6 Само дело больше, чем наш нынешний образ

Остаётся вопрос, от которого зависит, не ведёт ли всё предыдущее в ловушку. Если всё, чем мы проверяем, появляется в нашем осуществлении познания — то имеем ли мы вообще действительный мир или всегда только наши образы его? Сидим ли мы в пузыре, а то, что действительно, навсегда остаётся за этим?

Вопрос несёт в себе оправданное предостережение, и его мы хотим сохранить. Наш нынешний образ не обязательно есть всё дело; мы можем упускать, неверно взвешивать, работать с недостаточным порядком. Поэтому мысль о запредельном сначала есть пункт порядка: он фиксирует, что может быть больше, чем мы сейчас схватываем. Эта оговорка не обязана

стоять как понятие в голове — ребёнок, который смотрит ещё раз, осуществляет её, не зная её. Но она скрыта в каждой перепроверке: кто считал бы, что его образ уже есть всё дело, не имел бы никакого основания когда-либо снова взглянуть и был бы при каждом заблуждении в конце. Мысль о запредельном лишь делает явным то, что практика проверки молча содержит: что само дело могло бы быть больше, чем наш образ его.

Только нужно видеть, что этот пункт покрывает, а что нет. Определённых границ мы знаем много: глаз не разрешает того, что показывает лишь микроскоп, и у каждого прибора есть своя дальность. Такие границы показываются внутри опыта — на отказах, на противоречиях, на успехе лучших средств, — и то, что лежит по ту сторону, остаётся открытым вопросом, а не вторым миром. Иначе обстоит дело с утверждаемым пределом познания вообще. Если бы кто-то захотел утверждать, что всё наше познание есть лишь наш образ и принципиально промахивается мимо истинного дела, то, чтобы это знать, он должен был бы уже знать это дело и сравнивать с нашим образом — но тогда оно не было бы тем недостижимым запредельным, за которое он его выдавал. Кто утверждает, что и где лежит тотальная граница, суждение того должно было бы достигать большего, чем эта граница позволяет, — оно говорит о двух сторонах рубежа, одной стороны которого оно будто бы никогда не достигает. Как принципиальный предел познания запредельное снимает само себя.

Самая сильная формулировка возражения, правда, проводит границу не через сравнение. Она проводит её изнутри: наше познание имеет формы, которые оно само приносит с собой, — что всё является в пространстве и времени, что мы спрашиваем о причинах. Поэтому, гласит возражение, мы познаём вещи лишь так, как они являются в этих формах, а сами формы вещам, как они есть сами по себе, не присущи. О вещах самих по себе сверх этого ничего сказать нельзя. Запредельное тогда не второй предмет, а лишь маркировка границы. Понятое так, возражение стоит близко к пункту порядка из предыдущего, и в этой мере оно правомерно. Только из «формы происходят от нас» (DE: „die Formen stammen von uns“) не следует, что они не являются также формами вещей. Это следует лишь тогда, когда пропасть между обоими уже предполагается. А иная форма, считавшаяся необходимой, оказалась внутри опыта исправимой. Что пространство следует законам школьной геометрии, долго считалось условием всякого созерцания, и физика показала, что пространство, в котором движутся тела, при больших массах устроено иначе. Можно ли тем самым считать исправленной и форму нашего созерцания, спорно. Показано, что заранее не знали, как устроено пространство вещей. Итак, граница не лежит предварительно

установленной. Она сдвигается, и её сдвиг есть то исправление, о котором сейчас пойдёт речь.

Что пункт действительно покрывает, мы хорошо знаем: движение исправления. Ожидание терпит крах; одно наблюдение не подходит; один пропущенный документ изменяет картину; одно позднейшее поколение обнаруживает предпосылку, которая для более раннего была само собой разумеющейся и потому невидимой. Лишь задним числом становится видимым: здесь лежало заблуждение, пробел, слепое пятно. Заблуждение, которое принципиально никаким способом не могло бы показаться — никогда, никому, ни в чём —, было бы неотличимо от истины; речь о заблуждении потеряла бы смысл.

Но заблуждение, которое лишь ещё не показалось, существует — только оно есть усмотрение заднего взгляда, а не деление для сегодня: ошибку, которую я пойму завтра, я сегодня не могу отличить от своих несущих суждений, иначе я бы её уже понял. Поэтому общая оговорка «я мог бы ошибаться» (DE: „ich könnte mich irren“) не есть возражение против определённого суждения. Она относится одинаково к каждому и, значит, не различает ни одного.

То, что познанная истина не есть последнее слово, принадлежит к ней самой: она стоит в процессе истины, и лучшие порядки могут прийти. Одного основания противоречить ей это не даёт. С основанием противоречить ей можно там, где возможное заблуждение становится практическим: на улике, которая не подходит, на противоречии, на открытом вопросе, на сохранённом пункте, у которого следует искать дальше. Тогда противоречие правомерно, и познанная истина, прошедшая сквозь него, лучше прежней. Необнаруженное заблуждение не меньше по размеру. Оно лишь пока нам недоступно, а до тех пор мы работаем с наилучшим обоснованным образом, какой у нас есть, и держим его открытые места видимыми.

Запредельное, таким образом, не скрытый предмет рядом с предметами. Это имя для ещё не исчерпанного дела — для того в нём, что может нести дальнейшие опыты, взрывать прежние порядки, делать возможными позднейшие исправления. Само дело больше, чем наш нынешний образ, но никакая стена не отделяет его от образа: его избыток показывает себя в движении, в котором наш образ растёт на нём, — в сопротивлении, о которое разбивается желание, в том же самом, на котором уже ребёнок открывал мир.

Тем самым пузырь, перед которым мы стояли, не является пузырём. Мы не стоим здесь в духе, а там лежал бы, недостижимо, мир; мы всегда уже находимся в познавательном отношении к нему. И как раз потому, что мир

не следует нашему мышлению, он может исправлять наше мышление. Сопротивление↑ есть мост между корреспонденцией и когерентностью: в нём заявляет о себе само дело внутри нашего осуществления, а в мышлении сообщение получает свою связь.

10.7 Сопротивление как указатель пути

В повседневности это сопротивление заявляет о себе примерно так: вы уверены, что положили ключ в карман куртки. Вы можете внушать себе это сколь угодно твёрдо — карман остаётся пустым. Ваше желательное мышление наталкивается на границу, и эта граница показывает себя как сопротивление внутри вашего опыта.

Или: вы умножаете двенадцать на тринадцать и получаете сто пятьдесят. Вы можете какое-то время утверждать, что это верно, — но как только вы систематически перепроверяете (пробуете различные способы счёта, спрашиваете других, пользуетесь калькулятором), показывает себя сопротивление. Математическая реальность прокладывает себе путь, даже если она противоречит вашему первому импульсу.

Наконец: вы убеждены, что в вашем автомобиле достаточно бензина. Это убеждение когерентно с вашими воспоминаниями («Я заправлялся на прошлой неделе» (DE: „Ich habe letzte Woche getankt“)) и вашими планами («Я хочу ехать в аэропорт» (DE: „Ich will zum Flughafen fahren“)). Но по дороге двигатель глохнет, указатель топлива показывает пусто. Ваши когерентные убеждения наталкиваются на границу сопротивляющейся реальности, и вы должны развить новую когерентность, которая объясняет также строптивый феномен («Я ошибся» (DE: „Ich habe mich geirrt“) — или «В баке течь» (DE: „Der Tank hat ein Leck“)). Объективность показывает себя там, куда уже указывал предыдущий шаг: в сопротивлении внутри опыта.

10.8 Как когерентность и корреспонденция работают вместе

Теперь можно сказать, как когерентность и корреспонденция работают вместе. Это не два действия, а одно. Когерентность требует, чтобы все опыты и убеждения образовывали согласованное целое; как у детектива в конце дела, каждое указание должно иметь своё место. Проверка корреспонденции есть её самый строгий случай: также то должно найти своё место, чего нельзя устранить никаким перетолкованием.

Посмотрите на теорию относительности Эйнштейна. Она должна была объяснить все феномены, которые объяснял Ньютон (когерентность с прежним знанием), объяснить одно старое, строптивое наблюдение, на котором теория Ньютона полвека терпела крах, — вращение орбиты Меркурия (корреспонденция), сложить всё в элегантную теорию (систематическая когерентность) и делать новые предсказания, которые подтверждаются (будущая корреспонденция).

Тем самым теория не готова. Она подтверждается дальше на новых наблюдениях, новых экспериментах, новых применениях. То, что она говорит о пространстве, времени и тяжести, выдержало столько проверки, что его можно считать познанным. Более объемлющая теория не отбросила бы его просто, а приняла бы в себя, так же как теория относительности приняла в себя механику Ньютона.

10.9 Почему это усмотрение освобождает

Это познание освобождает нас от ложно поставленной проблемы. Мы не должны проводить сравнение через пропасть — дух здесь, мир там, а между ними точка зрения, которой нет. Мы должны лишь — как детектив — тщательно интегрировать все моменты нашего опыта и при этом внимательно следить за сопротивлениями.

«Внешний мир» при этом не теряется; он показывает себя в сопротивлении. «Внутренний мир» не замкнут; он постоянно находится в обмене с сопротивляющимися опытами. Объективность становится возможной через интеграцию всех моментов опыта, а субъективность есть место, где эта интеграция происходит.

Как в принципе детектива: все улики должны быть учтены, они должны образовывать когерентную историю, и история должна объяснять, что действительно произошло. «Действительность» показывает себя в этом процессе интеграции как то, что постоянно сопротивляется.

Тем самым прояснена одна половина дела: что проверка и упорядочивание суть одно и то же движение и между ними не нужно строить мост. Другая половина остаётся открытой — а именно, что отличает один порядок от другого, если оба выдерживают опыт. Это вопрос о самом членении. Часть ответа даёт глава 15: лучший порядок спасает феномены другого и объясняет то, чего тот не объясняет. Там, где оба достигают одинакового, вопрос здесь остаётся открытым.

10.10 Практическое применение

Для поиска истины это значит: вы не должны выбирать между когерентностью и корреспонденцией. Обе работают вместе в одном процессе.

Когда вы получаете новую информацию, спрашивайте себя: подходит ли она к тому, что вы уже знаете? И, строже: наталкивается ли она или ваш образ на нечто, чего нельзя устранить никаким перетолкованием? Второй вопрос не другой тест, чем первый, а его чрезвычайный случай. Если результат проверки не подходит, то прежде любого изменения нужно проверить, подпадает ли он вообще под то, чему противоречит. Кто это отрицает, должен мочь сказать, по чему он это узнаёт, не предполагая уже собственный образ; иначе он защитил его от любого сопротивления.

Если теория терпит крах на сопротивляющихся фактах, есть три возможности, различающиеся глубиной вмешательства: При ограничении области теория остаётся действительной, но только в части поля, на которое она притязала, тогда как для остального на её место вступает более объемлющая теория, которая содержит её как предельный случай, — механика Ньютона продолжает действовать для скоростей и полей тяжести повседневности, теория Эйнштейна также и за их пределами. При экспланаторной ревизии наблюдаемые феномены остаются действительными, но объяснение должно быть фундаментально пересмотрено — горение продолжает наблюдаться, но понимается как поглощение кислорода, а не как отдача вещества, которое называли флогистоном. При методологической трансформации, наконец, сама постановка вопроса была ошибочной и должна быть поставлена заново — точнее: она распадается на вопросы, на которые можно честно ответить. Из астрологического вопроса «Что говорят звёзды о моей судьбе?» (DE: „Was sagen die Sterne über mein Schicksal?“) получается астрономический «Как движутся небесные тела?» (DE: „Wie bewegen sich die Himmelskörper?“) — и рядом с ним человеческий «Как я истолковываю свою жизнь?» (DE: „Wie deute ich mein Leben?“), который больше не обращается к небу. Ни один из новых вопросов не наследует старый целиком: то, что в нём искало познания, и то, что в нём искало смысла, находят каждое собственное поле.

Во всех случаях речь идёт о том, чтобы лучше объяснить феномены — «спасти» их, как говорила греческая наука. Теория, которая вообще не объясняет систематически никакие феномены, не является научной теорией, а пустой болтовнёй. Но большинство исторических теорий объясняли по крайней мере некоторые феномены — и эта частичная истина интегрируется в лучшие теории, а не просто отбрасывается.

Когда различные опыты не удаётся сложить вместе, это признак того, что здесь ещё предстоит нечто открыть.

Старый спор между теориями когерентности и корреспонденции тем самым разрешается: истина не есть ни чистое согласие с фактами, ни чистая мысленная конструкция, а живой процесс их интеграции, в котором «пойти и посмотреть» внутри опыта и складывание воедино входят друг в друга. Между «объективностью» и «субъективностью» никто не должен выбирать, ведь кто проверяет, тот уже соединяет обе. Существует познаваемая действительность, но она открывается лишь в осуществлении поиска истины.

Эта интеграция, правда, работает не везде с одним и тем же материалом. Уже примеры этой главы намекают на это: дождь на собственной коже сопротивляется иначе, чем слово того, кто входит и говорит, что идёт дождь. Как далеко это простирается — и что из этого следует для того, кто проверяет —, показывает следующий шаг.

Читайте далее: *Мышление – Упорядочивать, не теряя* (2025), Гл. 12

Глава 11: Что отталкивает — и что мы при этом изменяем

11.1 Как различно заявляет о себе сопротивление

До сих пор примеры были одного вида. Ключ в кармане или нет; счёт сходится или не сходится; бак пуст. Сопротивление↑ заявляет о себе быстро, однозначно и невзирая на то, понимают ли его.

Так бывает не везде, и это различие принадлежит к самому делу.

Камень сопротивляется осязаемо. Он не поднимается потому, что кто-то этого хочет; кто всё же пытается, чувствует это руками. Ответная реакция приходит сразу, она недвусмысленна, и никто не может её отговорить. О левитации сообщается, но только в анекдотах, никогда так, чтобы кто-то мог на неё положиться — чем и это сообщение проверено на сопротивлении.

Сам человек сопротивляется уже иначе. Кто хочет выучить язык, наталкивается не на стену, а на вязкость: дело идёт медленнее, чем думалось. Кто хочет отвыкнуть от привычки, узнаёт, что одного намерения недостаточно. А кто считал себя терпеливым, при третьем повторении узнаёт, что образ, который он имел о себе, не попадал в цель. Это сопротивление мягче, медленнее и легче упускается из виду — но оно столь же действительно и

исправляет нечто, чего не измеряют никакие весы: представление о самом себе.

Другие люди сопротивляются опять иначе. Ожидание, что кто-то отреагирует так, как думалось, как правило, не сбывается точно. Ребёнок ведёт себя иначе, чем предвиделось, коллега толкует замечание иначе, чем оно имелось в виду, у противника в споре есть основания, которых от него не ожидали. Здесь сопротивление заявляет о себе не как вязкость, а как удивление — и оно исправляет не образ дела, а образ кого-то.

Другие люди сопротивляются ещё и вторым способом, которого не знает ни один камень. Камень опровергает ожидание, но он не требует ответа. Человек противоречит: он противопоставляет моему утверждению своё собственное и спрашивает, почему я считаю то, что считаю. Этому сопротивлению недостаточно, чтобы я исправил своё ожидание. Я должен ему основания, так же как он мне. Поэтому проверка среди людей никогда не есть только проверка на них, но всегда также проверка вместе с ними.

Камень, который не поднимается, показывает, что моё ожидание было неверным; отчего это зависело, я должен выяснить сам. Другой может сказать мне, что он считает ложным и почему. Это не более сильное сопротивление, чем у камня, а сопротивление иного вида: такое, которое даёт основания и основания которого я сам должен проверять. Поэтому оно и не всегда лучше. Попытка, которую я предпринимаю, потому что сомневаюсь в своём предположении, может научить меня большему, чем возражение, которое лишь говорит, что я ошибаюсь. Кто противоречит, судит из собственного основания и с иного места; он видит то, чего я со своего не вижу, в том числе во мне. То, что я упускаю, я не могу сказать себе сам, иначе я бы этого не упустил; свои собственные слепые пятна не видит никакой взгляд, каким бы тщательным он ни был. Поэтому познанию нужно возражение другого. Ответ, которого человек не мог бы дать себе сам и которым в главе 11.3а бред отделялся от истины, часто приходит от него.

Это относится и к образу, который я составляю о нём самом. Такой образ я составляю всегда, в том числе о том, кто сидит напротив: из прежних встреч, из его роли, из того, что я вообще знаю о людях. Что он думает и имеет в виду, я не вижу; я это дополняю. Исправляется этот образ не тем, что он есть, а тем, что он отвечает. Поэтому дело меньше в близости, чем в том, насколько кто-то может отвечать. Книга сопротивляется: она говорит то, что говорит, а не то, что я охотно прочитал бы. Но на каждый вопрос она говорит одно и то же. Письмо отвечает, только с опозданием, и на то, о чём я спрашивал несколько дней назад. По телефону или в чате ответ приходит сразу, но лишь через часть того, что показывает человек: голос, письмо, изображение

на экране. Наиболее полно другой отвечает при встрече, когда люди видят друг друга: словом, предшествующим ему колебанием, взглядом.

Также чтение есть встреча, только неравная. Проверить это можно на этом тексте: там, где у вас есть возражения, он на них не отвечает; прочитайте место ещё раз — оно говорит то же самое. И всё же его автор говорит всем и тем самым также вам, и вы отвечаете ему тем, что понимаете, противоречите и, возможно, видите нечто иначе, чем прежде. Только ваш ответ его не достигает. Это больше, чем слушание, и меньше, чем разговор: полуторное взаимопонимание. В том, что читаешь, можно различить две стороны. Способ, каким некто нашёл и высказал свою мысль, его забота, его тон, также то, что в нём раздражает, остаются его. По ней его узнаёшь, и часто по ней узнаёшь самого себя: человека, который, как и ты сам, стоит в своём времени и окружении, имеет трудности, любит и ищет истину. Мысль же, напротив, поскольку она истинна, больше не принадлежит ему одному. Кто её проверил, может с ней работать, расширять и передавать дальше, так же как считают, не зная, кто нашёл правило.

Наконец, то, что существует между людьми — неписаные правила, ожидания, само собой разумеющиеся вещи — сопротивляется позднее всего и труднее всего уловимо. Кто приезжает в другую страну, часто замечает лишь спустя месяцы, в чём он ошибался: не на отдельной неудаче, а на том, что нечто снова и снова идёт иначе, чем ожидалось, без того чтобы кто-то говорил почему. Кто усвоил правила с малых лет, тот их вообще не замечает — они не сопротивляются ему, потому что он и так им следует.

Этот ряд показывает не перепад от действительного к менее действительному. Он показывает, что сопротивление приходит с разной скоростью, с разной отчётливостью и его с разной лёгкостью можно обойти. Камень нельзя игнорировать; собственное нетерпение можно игнорировать годами; чужую культуру можно неверно понимать всю жизнь, без того чтобы отдельная неудача когда-либо вынудила это понять.

Отсюда следует: чем мягче сопротивление, тем больше зависит от того, замечается ли оно и мыслится ли. У камня достаточно толчка. У собственного нетерпения его недостаточно: кто третье повторение принимает за случайность, тот ничего не испытал. То, что в предыдущей главе относилось ко всякому действию — что действие открывает лишь постольку, поскольку оно понято —, становится здесь практическим: опыт, который никто не сводит воедино, проходит мимо, и чем тише сопротивление, тем скорее.

Поэтому одно лишь количество пережитого ещё не есть опыт. Кто тридцать лет делает одно и то же и при этом никогда не проверяет, имеет не тридцать лет опыта, а один год, повторённый тридцать раз.

11.2 Кто проверяет, тот изменяет

Яснее всего сопротивление заявляет о себе тому, кто вмешивается. Кто камень не трогает, не узнаёт его тяжести; кто никогда не говорит ни слова на чужом языке, не узнаёт его вязкости; кто ни с кем не связывается, не будет удивлён.

У этого есть оборотная сторона, принадлежащая к тому же делу: кто вмешивается, чтобы проверять, тот при этом изменяет. Это не прискорбный побочный эффект, а то же самое движение, увиденное с другой стороны.

И оно происходит столь же различно, сколь различно сопротивление.

Камень, который я поднимаю, лежит после этого в другом месте. Лес, из которого я беру древесину, стал другим. Это осязаемая форма, о которой прежде всего думают при слове «изменять».

Кто учит язык, изменяет сам себя — не только своё знание, но и то, что он может мыслить и говорить. Кто оставляет привычку, тот после этого человек с другими возможностями. Это изменение и есть проверка: свою вязкость узнаёшь, работая над ней.

Кто общается с другими, соизменяет их. Каждый вопрос оставляет нечто в спрошенном, каждый ответ — в спрашивающем. Кто хочет проверить, как кто-то мыслит, должен с ним говорить — а кто с ним говорит, застаёт его уже не таким, каким он был бы без разговора.

А кто участвует в общих отношениях, соизменяет их: тем, что он делает, и тем, чего не делает. Также здесь изменение самое медленное и наименее видимое — иначе употреблять слово и находить слушателей значит изменять то, что впредь можно будет им сказать.

Но чему учит сопротивление?

Не каждое сопротивление учит одинаково. Когда кулак бьёт по столу, стол выдерживает, но этого следовало ожидать: он подтверждает то, что уже знали. Учить сопротивление может там, где нечто не укладывается в то, что ожидалось или желалось, — если бы рука прошла насквозь, если бы камень был тяжелее, чем выглядел, или не поднимался, сколько бы этого ни хотели.

Это может происходить и в мышлении. Счёт не сходится. Понятие не удаётся определить непротиворечиво, сколько бы это ни пробовали. Два предложения, которые оба кажутся верными, исключают друг друга.

Это тот же процесс, который описывала предыдущая глава: одна связь больше не сходится. Приходящее снаружи и происходящее из самого мышления — это не два вида проверки: и то и другое заявляет о себе как разрыв в одной и той же связи.

Одно различие всё же есть, только оно касается не вида, а неотвратимости. Кто вмешивается, быстро получает ответ и с трудом может его не услышать, ведь дело отвечает, подходит ли это или нет. В простом продумывании мешающее легче пристроить — находят вспомогательное допущение, сдвигают границу, объявляют случай исключением. Поэтому совет: идти туда, где нечто может оттолкнуть. Сопротивление есть и в других местах, но там его труднее всего обойти.

11.3 Обратная связь

То, что познаётся на сопротивлении, изменяет познающего. Изменённый видит иное и вмешивается иначе. Иное вмешательство порождает иное сопротивление — и оно есть следующий предмет проверки. Познание↑ не находится вне того, что оно познаёт.

Этот текст также не исключён отсюда. Он не только описывает, как проверяют; кто выполняет эксперименты, может после этого проверять иначе. И то, что он описывает, может при этом происходить: из текста тогда выходит иной читатель, чем тот, который в него входил.

11.4 Когда сопротивление устраняют

Сопротивление — это то, на чём заявляет о себе само дело. Кто не испытывает никакого, не познаёт ничего — не потому, что познавать было бы нечего, а потому, что он не подставил ничего, что могло бы оттолкнуть.

Это может происходить без чьего-либо умысла.

Простейшая форма — собственный отбор. Кто читает то, что подтверждает его ожидание, и откладывает то, что ему противоречит, тот устроил себе пространство, в котором ничто больше не отталкивает. Он может в нём годами оставаться правым. Это ничего не стоит, ощущается хорошо и внешне неотличимо от основательной проверки: у него ведь есть свидетельства, часто многие.

Вторая форма — отнесение вместо опровержения. Кто не проверяет возражение, а локализует его — «это говорят те, что с другой стороны» (DE: „das sagen die von der anderen Seite“), — тот не опроверг возражение, а освободился от него. Различие состоит в том, что возможно после: опровержение может оказаться ложным, отнесение — нет.

Третья форма — устроенная. Там, где пространство курируется снаружи, происходит то же самое, только не отдельным человеком. Для того, кто в

нём читает, различие незаметно; для самого дела его тоже нет. Как нечто подобное возникает без постановления и по чему это можно проверить, речь пойдёт позже, когда дойдёт до меры для нормального.

Во всех трёх случаях действие одно и то же. То, что ложное мнение сохраняется, при этом меньший вред, ибо ложные мнения терпят крах в других местах. Тяжелее то, что отпадает возможность это заметить. Кто избавляется от противоречия, тот защитил не своё убеждение, а упразднил свою способность учиться. У него ещё есть убеждения, но больше нет проверки — и он не может увидеть различие изнутри.

Это действует во все стороны, и в этом состоит проба. Легко распознать механизм у тех, чью позицию отвергаешь: те видят лишь то, что им подходит, те себя отрезают, те говорят только друг с другом. Заметить его у себя значительно труднее — по причине, лежащей в самом деле: изнутри отрезанное пространство выглядит так же, как открытое. У человека есть основания, есть свидетельства, есть согласие. Отсутствует не нечто, что можно было бы увидеть.

По чему это всё же можно заметить, так это не по содержанию собственных убеждений, а по вопросу к собственной истории: когда меня последний раз переубедили в деле, которое было для меня важным? Кто может назвать дату, у того есть пространство, в котором нечто отталкивает. Кто не может назвать ни одной, тот либо всегда был прав, либо с некоторого времени ничего больше не подставлял.

И отсюда следует, чего стоит противоречие. Оно не то, что нужно выносить, потому что так положено. Оно то, на чём вообще можно что-либо проверять, — а кто его устраняет, тот добыл себе не покой, а отключил обратную связь.

Но если камень сопротивляется иначе, чем мотив, и изменяется иначе — то действуют ли для звёзд и историй, для природы и культуры одни и те же формы истины?

Читайте далее: *Этика – Добро, которое мы уже делаем* (2026), Гл. 2 и 3

часть III: проверять по-разному

Глава 12: Различные области действительности

12.1 Что есть и кто мы есть

> Эксперимент 11: Два предложения, две проверки
>
> Проверьте два предложения на их истинность. Первое: «Стол коричневый» (DE: „Der Tisch ist braun.“). Второе: «Гамлет — великая драма» (DE: „Hamlet ist ein großes Drama.“). Что вы делаете в каждом случае — чем вы проверяли бы?
> Для стола достаточно взгляда, при необходимости — второго при лучшем свете. А для Гамлета? Тут не поможет смотреть. Вам пришлось бы читать, сравнивать, испытывать — возможно, всю жизнь.

Оба предложения утверждают нечто, и оба можно проверить — но не одним и тем же способом. Слово «истинный» значит в обоих одно и то же. Различно то, чем проверяют и на чём показывается, выдерживает ли суждение проверку.

Естественные науки сообщают, что есть. Науки о духе говорят о том, кто мы есть и что мы создаём.

12.2 Что сделано, а что нет

Различение опирается на различие, которое можно воспринять, подобно различию между внутренним и внешним в главе 11.

Природа — это то, что не порождено мыслящими существами. Учебник физики говорит вам, как ведут себя атомы, и эксперименты проходят в Токио так же, как в Берлине. Законы природы, насколько мы можем проверить, действуют везде одинаково, независимо от культуры и личного убеждения.

То, что мы создаём сами, — техника, общество, культура — ведёт себя иначе. Сказка рассказывает вам нечто о мужестве и трусости, о превращении

человека через испытания. Она делает это не посредством экспериментов, а тем, что попадает в нечто, что люди знают по себе.

И затем есть мышление, которое различает то и другое. Там, где оно спрашивает, почему различные области требуют различных доступов, оно называется философией, и так же называется то, что делает эта глава.

12.3 Как истина по-разному подтверждается

Как показала глава 11 на сопротивлении, действительность заявляет о себе не везде одинаково. Соответственно, высказывания подтверждаются различно, и в этом смысле, только в нём, можно говорить о различных формах истины. Они примерно соответствуют видам сопротивления из главы 11a.1: от осязаемого у камня через вязкость, на которую наталкиваешься у самого себя, до того, что действует между людьми; а противоречие других, которые требуют оснований, сопровождает каждую из этих проверок.

Эмпирическое высказывание подтверждается на повторяемых опытах и на предсказаниях, которые сбываются. «Вода замерзает при 0 °C» (DE: „Wasser gefriert bei 0 °C“) истинно, если вода при нормальных условиях действительно замерзает при этой температуре.

Экзистенциальное высказывание подтверждается на прожитой жизни. «Любовь сильнее ненависти» (DE: „Liebe ist stärker als Hass“) подтверждается, если тот, кто живёт согласно этому усмотрению, на следствиях узнаёт, что оно несёт, и там, где становится трудно. Что оно утешает, недостаточно. Утешение может какое-то время помогать и всё же обманывать. Усмотрение подтверждено лишь тогда, когда оно выдерживает опыты, которые могли бы говорить против него.

Культурное предание подтверждается тем, что оно на протяжении поколений помогает людям жить вместе и справляться со своими опытами. Это указание, а не доказательство: и предание, которое выдумывает себе врагов, удерживает сообщество вместе. Истинным оно называется лишь тогда, когда выдерживает также опыты, которые в него не подходят, и следствия, которые оно имеет.

Собственную форму имеет искусство. Каждый изображённый мир, будь то в романе, в фильме или в игре, должен быть внутренне согласованным: если там есть магия, она следует распознаваемым правилам, иначе читатели реагируют насмешкой. Разрыв тоже может быть намеренным, чтобы прорвать ожидания, но тогда он нечто несёт. И форма и содержание должны подходить друг к другу: фильм о смятении может быть сбивающим с

толку, но не произвольно непонятным. Истинным художественное произведение при этом называется ещё в другом смысле, в том, в котором говорят об истинном друге: если оно есть то, чем художественное произведение должно быть, если оно, следовательно, делает видимым нечто, что иначе осталось бы скрытым, или придаёт чувству облик, который иначе остался бы немым. Суждение «Гамлет — великая драма» (DE: „Hamlet ist ein großes Drama“) истинно тогда, когда пьеса это осуществляет, и проверяется оно чтением, сравнением и опытом многих читателей на протяжении столетий. Великие произведения при этом несут несколько истолкований, не растворяясь в одном. Является ли Гамлет драмой о мести, о нерешительности, о невозможности справедливого действия? Гамлет не произвольно истолкуем, но неисчерпаем. Пропаганда допускает только одно прочтение — предписанное, а китч только одно — сентиментальное.

12.4 Категориальная ошибка

Трудно становится, когда мерку одной области прикладывают к другой.

Сциентизм из главы 9.7, который признаёт лишь то, что можно измерить, узнаётся по своим следствиям: он делает из любви выброс гормонов, из искусства — неврологические реакции, а из религии — побочный продукт эволюции. Это, возможно, объясняет, что происходит при этом в теле, но не то, что имеет в виду любящий, читатель, верующий.

Обратную ошибку делает тот, кто принимает экзистенциальную или образную истину за естественнонаучное утверждение. «Земля — наша мать» (DE: „Die Erde ist unsere Mutter“) есть несущий образ того, что мы живём от природы и зависим от неё. Как утверждение, будто Земля есть сознательное существо, это предложение ложно.

А кто объявляет, что каждое убеждение истинно по-своему, упустил, что у каждой из этих форм есть мерка, на которой можно потерпеть неудачу. Тогда каждый может называть своё мнение «своей истиной», и никакой разговор больше не начнётся.

12.5 Различать, не разделяя

Различные формы противоречат друг другу реже, чем можно предположить по спору между ними. Современная медицина показывает, как они работают вместе: исследование показывает, какое лечение измеримо действует; опытное знание врачей и пациентов дополняет данные; вопросы

о смысле, надежде и достоинстве принадлежат к исцелению, даже если ни один измерительный прибор их не улавливает. Ни одна из этих форм не подчинена другим, и всё же они связаны в одном понимании здоровья. Там, где они всё же противоречат друг другу, это противоречие, как любое другое, и оно требует проработки.

Одно, однако, имеют общим области, в которых люди нечто создают: текст, закон, картину, поступок нельзя считывать, как температуру. Их нужно понять, чтобы проверить.

Глава 13: Понимать то, что сделано

13.1 Вы постоянно толкуете

> Эксперимент 12: Больше, чем буквы
>
> Что вы делаете в это мгновение со знаками на этой странице? Читаете только буквы — или толкуете их? Понимаете только слова — или схватываете значения? Проверяете только логику — или чувствуете также тон, намерение, то, что не сказано?
> Вероятно, каждый раз последнее, и без усилия.

То, что вы тут делаете, толкование или интерпретация, носит имя, которое уже встречалось в главе 4 при обучении чтению: герменевтика, от греческого hermeneuein — истолковывать, толковать, переводить. Уже греки слышали в этом вестника богов Гермеса, который переводил между богами и людьми. Прежде чем герменевтика стала дисциплиной, она была тем, что вы делаете, когда толкуете улыбку, понимаете сообщение или классифицируете политическую речь.

13.2 Цель

То, что отличает созданное от природной вещи, — это сознательная цель. Камень падает по закону тяжести, без намерения. Текст, картина, закон, изобретение были сделаны, чтобы они нечто выполняли, — и редко только кем-то одним и с одной целью: в каждом орудии, каждом тексте, каждом учреждении скрыта история целей, придуманная одним, улучшенная другими, передаваемая через поколения. Поэтому созданное можно толковать: кто его понимает, читает цели, которые в нём сохранены.

> Эксперимент 13: Спонтанный вопрос о цели
>
> Какой вопрос возникает у вас при тексте? При органе? А при камне? При тексте «Чего хочет автор?» (DE: „Was will der Autor?“), при органе «Какую функцию он выполняет?» (DE: „Welche Funktion erfüllt es?“) — а при камне ни тот, ни другой, разве что: откуда он, что его так сформировало? Вероятно, вы, не раздумывая, поставили вопрос о цели различно или совсем не поставили.

При камне спрашивают о причинах, а не о целях. Уместен ли вопрос о цели, показывает простая проба, а именно: может ли нечто не удаться. Сердце может отказать, орудие сломаться; падающий камень ничего не промахивает. Чья это цель, показывается по тому, кому вредит неудача. Над камнем целесообразность поднимается ступенями. У живого целесообразность показывает себя без сознательной цели: сердце служит кровообращению не потому, что кто-то его для этого предназначил, а потому, что организм сам себя сохраняет. У животных это усиливается до целенаправленной деятельности. Новокаледонская ворона, которая палочкой достаёт личинок из ствола, преследует цель, а если палочка не достаёт, она приносит себе ею более длинную. Но она не спрашивает, правильная ли у неё цель, и не может никому её обосновать. Это прибавляется у человека: он может делать свои цели сами предметом рассмотрения, проверять, упорядочивать и передавать дальше. Тексты, законы и художественные произведения проистекают из этой способности. Кто путает ступени, промахивается мимо своего предмета — например, когда целесообразность живого толкуется как сознательный замысел или человеческие намерения как чисто природные процессы.

13.3 Как говорят об истине применительно к различным текстам

Поскольку различные тексты сделаны с различными целями, на них проверяют различное, и об истине применительно к ним говорят по-разному.

При сообщении спрашивают, так ли это было, как оно рассказывает, и проверяют это на других свидетелях, на следах и документах. Закон, напротив, ничего не рассказывает и ничего не утверждает. Проверяют, выполняет ли он свою цель, согласуется ли с остальными законами и справедлив ли он, и эти суждения о законе истинны или ложны, как любое другое. Суждение о

справедливости, правда, подтверждается не измерением. Оно подтверждается тем, выдерживают ли его основания перед всеми, кого затрагивает закон, и выдерживает ли оно следствия, которые закон имеет в их жизни. Что эта мерка затрагивает и действующее право, показывает каждая несправедливость, которая долго была действующим правом и никогда не могла оправдаться перед теми, кого затрагивала. При письме спрашивают, имеет ли пишущий в виду то, что пишет, то есть о его правдивости. При стихотворении об истине говорят в том другом смысле, в котором друг есть истинный друг: является ли оно тем, чем должно быть, открывает ли оно нечто, чего прежде не видели. А при рекламе спрашивают сначала, кому она служит, и лишь затем, верно ли то, что она утверждает. Кто задаёт роману вопрос сообщения, понял его так же мало, как тот, кто предоставляет балансу вольности романа.

Кто знает лишь один вид текста, считает его вопрос единственным, как слепой, который принимает хобот за всего слона.

13.4 Вопросы, без которых были бы слепы

Кто нечто с намерением создаёт, делает это с материалом, как некто, определённым способом и с целью, и то, что он создаёт, продолжает действовать, хочет он того или нет. Каждое из этих отношений есть вопрос, который ставит понимание, и для чего он нужен, видно, когда его нет.

Без дословного текста, материала текста, его понятий и построения любое истолкование становится произвольным, ибо ничто его не удерживает. Без автора и повода письмо умирающего читают как инструкцию по применению. Кто пропускает способ изготовления, традицию и средства, в которых стоит произведение, тот считает личной выдумкой то, что является правилом жанра, или наоборот. Без цели стихотворение становится природной вещью, а закон — ловушкой буквы. А без воздействия остаётся непонятным, почему текст сегодня читается иначе, чем тогда.

Правовая наука выработала эти вопросы особенно явно, потому что законы без них нельзя применять: их толкуют по дословному тексту, по их возникновению и намерению регулирования, по их связи с другими законами и по их цели. Археология показывает то же самое с другой стороны: каменное орудие часто хорошо сохранилось, но для чего оно было сделано, остаётся загадкой, и истолкование становится неуверенным там, где цель больше нельзя вывести.

Некоторые направления литературоведения сознательно исключают намерение автора, с аргументом, что оно недоступно и произведение говорит больше, чем имел в виду его автор. В этом есть верное. Но если исключение становится методом, оно упускает как раз то, что отличает созданное от природных вещей. Исследовать стихотворение только по его форме, не спрашивая, чего оно хочет, подобно исследованию молотка по его весу, без схватывания его функции как орудия.

13.5 Где реконструкции недостаточно

Иногда при понимании происходит нечто, чего эти вопросы не схватывают. Кто читает Шекспира, слушает Баха или видит картину Вермеера, иногда внезапно понимает нечто о жизни, что он прежде не мог выразить в словах, и притом не о Шекспире, а о самом себе.

О внутреннем мире Шекспира мы знаем мало. Но его пьесы придают переломам его времени, разрушению старых уверенностей, новым возможностям и страхам форму, которая касается всех нас. Такие произведения можно назвать мирооткрывающими: они говорят больше, чем знал их автор, и открывают возможности понимания, которых прежде не было. Здесь возражение против намерения автора имеет своё право.

Не каждое произведение таково. Рекламный слоган может быть умно сделан, но он ничего не открывает. Проба состоит в том, изменяет ли произведение то, как люди видят мир, или подтверждает известное в новой упаковке. Кто повсюду находит мирооткрытие, толкует слишком много, как тот, кто нигде его не находит, — слишком мало.

13.6 Целое произведения

Ни один из этих вопросов в отдельности не схватывает произведение. Но они и не раскладываются рядом, как пункты списка. Цель произведения решает, какой вопрос имеет наибольший вес. При личном письме важнее всего, кто его написал и по какому поводу; у закона и у великого произведения вес лежит в другом месте. Понятое так, «Истинное есть целое» и здесь значит не собирать всё, что можно сказать о произведении, а взвешивать вопросы так, как это соответствует произведению.

Поэтому хорошие и плохие истолкования можно различать. Хорошее истолкование покрыто дословным текстом, соединяет вопросы, вместо того чтобы абсолютизировать один, и оставляет произведение более богатым,

чем нашло. И оно читает чужое в его сильнейшей версии: кто понимает противника, приписывая ему наихудшее возможное намерение, тот опроверг не его, а собственную карикатуру.

Но перед художественным произведением вы спрашиваете не только о материале, возникновении и цели — вы чувствуете, трогает ли оно вас. Поступок вы не только реконструируете, вы ощущаете его как справедливый или несправедливый. Тут заявляет о себе доступ, которого не схватывает ни один из вопросов: чувство. Иногда оно несёт мысли, которые ещё не высказаны; иногда оно сообщает то, чего не схватывает ни одно отдельное суждение, — соответствует ли целое. Что такое это чувство и как оно относится к рассудку?

Читайте далее: *Этика – Добро, которое мы уже делаем* (2026), Гл. 6

Глава 14: Когда сердце мыслит, а голова чувствует

14.1 Противоречие, указывающее на единство

Ваш коллега излагает свою позицию по текущему положению. Факты верны, аргументация убедительна. Ваш рассудок кивает. Но одновременно ваше чувство регистрирует иное: подчёркивание определённых слов, короткое колебание, слишком гладкое изложение. «Что-то он умалчивает».

Рассудок и чувство оценивают одно и то же положение по-разному, и обычный вопрос звучит: «Слушаться ли голову или сердце?» (DE: „Soll ich auf den Kopf hören oder auf das Herz?“) — как будто это два мира, которые борются друг с другом.

Но то, что чувство и рассудок вообще могут противоречить друг другу, показывает, что они судят об одном и том же. Что не имеет друг с другом ничего общего, не может спорить. Слепые противоречат друг другу, потому что трогают одного и того же слона; держал бы один тюбик зубной пасты, а другой стакан воды, интегрировать было бы нечего.

Одно различие, однако, есть. Рассудок может обосновать своё притязание: он открывает шаги, и другие могут их проверять. Чувство может лишь высказать своё суждение — «это кажется мне странным» (DE: „das kommt mir seltsam vor“), «тут я недоверчив» (DE: „da bin ich misstrauisch“) —, а откуда оно берётся, сначала остаётся недоступным. У него есть притязание на истину, как у рассудка, но оно не может его выполнить, во всяком случае

ещё не может; об этом шла речь уже в начале книги. Отсюда не следует, что одно из двух имеет преимущество. Следует, что противоречие между ними есть задача, а не решение.

> Эксперимент 14: Два проверяющих одновременно
>
> Следите при дальнейшем чтении за двумя голосами. Пока вы следуете за этими строками, ваш рассудок проверяет логику аргументации. А что сообщает одновременно ваше чувство: звучит ли это искренне? Подходит ли тон к тому, что говорится? Соответствует ли это вашему опыту?

Вероятно, и то и другое происходит одновременно. Аргумент, который логически верен, но ощущается ложным, убеждает тогда не вполне, и его проверяют ещё раз. Призыв, который обращается к чувствам, но не верен, — столь же мало.

14.2 Что чувство делает и где оно обманывает

Ваш рассудок проверяет шаги аргумента. Ваше чувство незаметно сводит воедино тысячи сигналов — осанку, голос, мимику, согласуются ли сказанное и показанное —, как у опытного врача из главы 9; только здесь вы замечаете это на самом себе. Оно сообщает «это звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой» (DE: „das klingt zu schön, um wahr zu sein“), прежде чем рассудок нашёл скрытое противоречие, и «здесь что-то не так» (DE: „irgendetwas stimmt hier nicht“), прежде чем можно сказать, что именно. При теории оно чувствует, согласована ли она, прежде чем по отдельности проверены её консистентность, её охват и её открытые места.

Но предупреждающее чувство срабатывает лишь до тех пор, пока обман целится в рассудок. Уже около ста лет воздействие планомерно идёт через чувства, методами, которые явно ссылаются на психологию; самое позднее с пятидесятых годов это было публично описано и раскритиковано. Реклама и пропаганда работают с образами, историями и раздражителями, которые достигают чувства, прежде чем спрошен рассудок. Наиболее беззащитны при этом те, кто, как бургомистр в «Царь и плотник», поют: «О, я умён и мудр, и меня не обманешь!» (DE: „O ich bin klug und weise, und mich betrügt man nicht!“) В личном общении чувство остаётся хорошим проверяющим искренности. Там, где к нему обращаются планомерно, ему нужен рассудок рядом.

Поэтому чувство есть результат проверки, требующий прояснения, а не суждение, которое его заменяет.

14.3 Как разрешается противоречие

Некоторые боятся, что рассудок убивает живое в их опыте, что слова и понятия фальсифицируют существенное. Забота правомерна там, где мышление превращается в штампование схем, которое всё сортирует по принципу «или-или». Мышление, которое разделяет, чтобы проверять, и снова соединяет, которое анализирует и чувствует, есть больше, чем оба, и снимает их противоположность; оно называется разумом.

Встречаются два пути разрешения. Иногда чувство заметило нечто, что рассудок обошёл; тогда противоречие разрешается, как только это найдено, и задним числом видно, о чём сообщало чувство, не умея этого сказать. Иногда — наоборот: усмотрение ново и правильно, но старая привычка ещё подаёт голос. Тогда чувство исчезает не сразу, а постепенно, пока новое познание показывает себя несущим.

Древние персы, как передают, обсуждали свои важнейшие дела дважды: один раз во хмелю и один раз на трезвую голову. Исполнялось лишь то, что выдерживало оба состояния. Так относятся друг к другу чувство и рассудок в удавшемся суждении. Если оба независимо друг от друга приходят к одному и тому же результату, это сильный знак. Если они подтверждают друг друга лишь потому, что каждое опирается на другое, это не знак — так и бред ощущается согласованным. И именно потому, что согласие есть цель, отклонение должно сначала быть высказываемо: два проверяющих, которым никогда нельзя противоречить друг другу, в действительности есть только один.

Поэтому при противоречии первый шаг не в том, чтобы его разрешить, а в том, чтобы его заметить и выдержать. Кто слишком быстро устанавливает единство, достигает его лишь тем, что одна сторона заставляет другую замолчать, и тогда имеет не интеграцию, а подавление с чистой совестью. Если нечто ощущается ложным, хотя кажется логически правильным, стоит задать вопрос, что анализ мог упустить. Если чувство сильно, но не может быть обосновано, стоит задать вопрос, на каких опытах оно покоится и действуют ли они ещё.

Разум остаётся открытым для того, что сопротивляется порядку. Чувство, которое нельзя обосновать, есть для него указание, которому нужно последовать; обоснование, против которого всё восстаёт, есть такое, которое он проверяет ещё раз.

часть IV: формировать и защищать проверку

Глава 15: Наука и смена парадигмы

15.1 Проверка, которая проверяет саму себя

То, что единичный человек делает, проверяя, можно разделить с другими, преподать и превратить в метод. Вы ежедневно ищете истину. Когда автомобиль издаёт странные звуки, когда у ребёнка жар, когда растение вянет, Вы спрашиваете: что случилось? Почему? Что я могу сделать? Наука в своей основе делает то же самое, только явно, методически и сообща. Кроме того, она спрашивает, как вообще лучше решать проблемы: какие методы ведут к более надёжным результатам? Как можно вскрывать заблуждения до того, как они причинят вред? Она применяет проверку к самой себе, подобно тому как считают, а затем размышляют о счёте.

Один крестьянин на протяжении поколений наблюдает: после такого ветра обычно приходит дождь. Метеоролог спрашивает, почему. Он измеряет атмосферное давление, температуру и влажность, строит модели и может предсказать то, о чём крестьянин лишь предполагает. Этим он крестьянина не опровергает. Приметы, которые знает крестьянин, остаются в силе; наука объясняет, на что они указывают. Являющееся остаётся истинным как явление, лишь заново понимается то, что в нём является. То, что наука таким образом находит — атомы, гены, поля, — лежит не позади явлений. Это то, что в них себя показывает, и является ли оно чем-то большим, чем их порядок, решает исследование, а не предварительное постановление. В случае атомов исследование это решило. Около 1900 года никто не видел ни одного атома, и уважаемые исследователи сомневались, что им соответствует нечто действительное. Затем из совершенно различных явлений — дрожания маленьких крупинок в воде, распределения взвешенных частиц в жидкости, голубизны неба, — если измерять каждое по отдельности, получалось приблизительно одно и то же число частиц в одном и том

же количестве вещества. Без частиц нельзя было бы понять, почему столь различные пути ведут к одному и тому же значению.

15.2 Что делает метод методом

Науку отличают движения предыдущих глав, сделанные явными и облечённые в правила.

Она открыто излагает свои методы, чтобы каждый мог проследить, как был получен результат, и требует, чтобы другие могли проверить обоснование, — против тайных учений и голых достоверностей. Она сводит вместе различные дисциплины и подходы, принимает данные, которые не подходят, как стимул, а не прячет их, требует, чтобы все наблюдения находили своё место в теории, и считает каждую теорию поддающейся исправлению.

Сомневающемуся она при этом отвела постоянное место. В повседневной жизни он часто считается нарушителем спокойствия; в науке он — часть процедуры. Прежде чем что-либо публикуется, коллеги-специалисты ищут в этом слабые места. То, что удаётся лишь однажды, не считается действительным, пока другие это не воспроизвели. В двойных слепых исследованиях даже сам исследователь не знает, кто получает настоящее лечение, и тем самым устраняется один из самых обильных источников самообмана: ожидание, которое видит то, что хочет видеть. Это — сопротивление из главы 11a, намеренно устроенное, — процедура, которая сама принуждает себя к исправлению.

Действительная наука выполняет это не всегда. Существуют обман, тщеславие, групповое давление, зависимость от источников финансирования, мода. Это опровергает правила так же мало, как лжец опровергает честность. Только ясный идеал делает возможной критику действительности. И правила в долгосрочной перспективе одерживают верх не потому, что учёные — лучшие люди, а потому, что эти правила успешнее: кто работает открыто, находит больше ошибок; кто допускает критику, учится быстрее.

15.3 Когда целое здание шатается

Иногда недостаточно улучшить теорию. Иногда должны пасть сами исходные допущения. Тогда всё внезапно выглядит иначе, не потому что была упущена какая-то деталь, а потому что сместился весь способ видеть. Парадигма — это основной каркас нашего мышления о некоторой области. Она

устанавливает, что считается проблемой, какие решения приходят в голову и что считается объяснением.

> Эксперимент 15: Старый автомобиль
>
> Представьте себе, что у Вас есть старый автомобиль. Сначала он скрипит здесь, потом стучит там. Вы усердно ремонтируете — новые тормоза, новый глушитель. Когда наступает момент, после которого Вы больше не ремонтируете? По чему Вы его узнаёте?
> Не по отдельному дефекту, а по их накоплению: ремонт стоит больше, чем он приносит, и в какой-то момент суждение опрокидывается — пора покупать новый автомобиль.

Похоже обстоит дело и в науке. Картина мира с Землёй в центре веками довольно хорошо предсказывала положения планет. Но кое-что она объясняла лишь с помощью специально для этого созданных допущений: что планеты временами, кажется, движутся назад, что Меркурий и Венера никогда не удаляются далеко от Солнца. Коперник спросил: а что, если в центре находится Солнце? Тогда дополнительные допущения становятся следствиями. Петля обратного движения — это обгон на внутренней орбите; Меркурий и Венера остаются вблизи Солнца, потому что их орбиты лежат внутри земной орбиты. Сначала новая картина не была точнее в расчётах; это удалось лишь двумя поколениями позже, благодаря эллиптическим орбитам. Выиграла она сначала в связности.

При таком переходе решающим не оказывается ни одна отдельная несогласованность: каждую саму по себе ещё можно было бы удержать с помощью дополнительного допущения. Решающим оказывается их количество: в какой-то момент латание стоит больше, чем ткань ещё способна выдержать, и из постепенного «больше» возникает внезапное «иначе», как у воды, которая становится теплее градус за градусом и в определённой точке начинает кипеть. Сам перелом похож на двойственное изображение, в котором сначала видишь вазу, а затем два лица. Но этот образ не идёт дальше: в двойственном изображении обе точки зрения одинаково хороши, и можно по желанию переключаться назад. При смене парадигмы новое объясняет также и старое, но не наоборот.

Многие знают это из собственной жизни: профессия, которая годами приносила удовлетворение, пока не начинали мешать уже не отдельные её стороны, а всё её направление переставало быть верным. Такие смены часто болезненны, потому что люди вкладывают своё тождество в свой взгляд на вещи. В науке добавляется и то, что учебные программы, кафедры

и журналы обустроены под старый каркас. Макс Планк, сам давший толчок перевороту в физике, писал в ретроспективе: «Новая научная истина обычно прокладывает себе дорогу не так, что её противники убеждаются и признают себя наученными, а скорее так, что противники постепенно вымирают и что подрастающее поколение с самого начала знакомо с этой истиной». Это заострено; достаточно часто исследователи всё же позволяли себя убедить. Но это называет то, что относится к перелому: люди, которые вложили дело своей жизни в старый каркас. Гипотеза о том, что континенты перемещаются, была предложена в 1912 году и почти пятьдесят лет считалась нелепостью, в том числе по вескому основанию: никто не мог сказать, какая сила их движет. Наблюдения, говорившие в пользу этого, всё же сохранялись, и, когда сила была найдена, они встроились в новую картину.

> DE: „Eine neue wissenschaftliche Wahrheit pflegt sich nicht in der Weise durchzusetzen, daß ihre Gegner überzeugt werden und sich als belehrt erklären, sondern vielmehr dadurch, daß die Gegner allmählich aussterben und daß die heranwachsende Generation von vornherein mit der Wahrheit vertraut gemacht ist.“

15.4 Разумно и при переломе

Насколько глубоким может быть пересмотр, различила глава 10.10: от ограничения теории некоторой областью, как в механике Ньютона, которая в теории относительности продолжает действовать как предельный случай с очень хорошим приближением, до вопроса, который сам должен быть поставлен заново. О смене парадигмы говорят тогда, когда затронут не только охват теории, но и её основные понятия. Также и переход к теории относительности был сменой парадигмы: пространство и время стали мыслиться иначе, хотя уравнения Ньютона продолжают действовать как предельный случай. Ещё глубже заходит квантовая механика, которая для атомной области заменяет основные понятия, такие как однозначная траектория частицы, новыми, тогда как для больших тел они остаются действительными.

Из этого сделали сильный вывод: разные парадигмы настолько глубоко различны, что их нельзя разумно сравнивать, поскольку каждая устанавливает, что считается наблюдением, проблемой и решением; тогда наука в конечном счёте была бы вопросом власти или случая. Самая сильная версия этого возражения не отрицает, что существуют мерила. Она говорит: точность, непротиворечивость, охват, простота и плодотворность не

принуждают к выбору между двумя теориями, потому что каждый взвешивает их по-разному. Для момента выбора это верно. Но в долгосрочной перспективе сама вещь участвует в определении того, как их взвешивать. Пусть две парадигмы трудно сравнимы в своих понятиях, на феноменах их можно сравнивать, и там принимается решение. (Выражение «смена парадигмы» и это возражение сделал известными Томас Кун, который сам отверг релятивистский вывод из своего собственного тезиса.)

Поэтому и для самой радикальной смены действует правило, с которым мы встретились в принципе детектива: феномены должны быть спасены. Новое должно быть способно объяснить то, что объясняло старое, и сверх того — то, чего оно объяснить не могло. Это не обязано удаваться с первого дня — расчёты по солнечной модели поначалу были не точнее, чем по старой, — но этим испытанием новое должно в долгосрочной перспективе мериться. Поэтому в более широком смысле любая смена парадигмы есть снятие, даже радикальная: она сохраняет феномены, преодолевает границы старого и поднимает понимание на новую ступень. Научные революции не являются исключениями из правил науки, а представляют собой их решающий случай.

Поэтому и крупный перелом в собственном мышлении не является прощанием с разумом, пока он измеряется этим испытанием.

Читать далее: *Мышление – Упорядочивать, не теряя* (2025), Гл. 12

Глава 16: Почему проверка делает свободным

> Эксперимент 16: Ночная поездка без карты
>
> Представьте себе, что вы ночью едете через незнакомый город без карты. Каждый поворот — загадка, каждая улица может завести в тупик. Затем вы различаете реку, вон там телебашню — и город выстраивается в вашей голове. Вы знаете, где вы находитесь и как добраться до цели. Что изменилось? В городе не изменилось ничто.

Понимание освобождает, и не только на ночных улицах. То, что наука выработала как метод, делает свободным того, кто его практикует. Именно поэтому его имитируют, переворачивают и ему препятствуют.

16.1 Что делает возможным понимание

Кто понимает грамматику языка, может говорить свободнее, чем тот, кто лишь повторяет заученные наизусть предложения. Кто знает законы течения, может строить самолёты; птица не противоречит силе тяжести — она использует воздух. Кто видит насквозь собственные шаблоны, может начать их менять, тогда как тот, кто их не знает, повторяет их, сам того не замечая. Понимание открывает возможности, которых раньше не было.

Поэтому свобода — не произвол. Произвол не может предвидеть собственные последствия и потому попадает под власть того, чего не понимает. Кто из упрямства живёт вопреки всем советам врачей, считает себя свободным, но его настигают болезни, которых он не понимает и которыми не умеет управлять. Старая формула, что свобода есть осознанная необходимость, говорит лишь половину этого. Кто знает законы, может использовать их для своих целей; являются ли эти цели его собственными и разумны ли они — об этом осознание не говорит. Мошенник, который точно знает слабости своих жертв, хорошо осознаёт необходимости и всё же ещё не свободен.

Даже обладание правильной информацией ещё не освобождает. Знание↑ можно копить, дозировать и использовать как средство господства; тот, кто знает больше вас, может направлять вас с его помощью. Свободным делает не то, что кто-то знает, а то, что он может проверить.

16.2 Совместная проверка

Поэтому поиск истины никогда не бывает только делом отдельного человека. Там, где люди проверяют сообща, решает лучшее основание, а не самый громкий оратор, и в хорошей научной дискуссии студент равен профессору, если его аргумент лучше. Тем самым снимается и бремя: кто проверяет в совместном процессе, не должен знать всё в одиночку. Образование, наука, свободные СМИ, независимые суды и публичные дебаты являются формами этого процесса и потому условиями свободы, пока они сами остаются проверяемыми. Однако совместная проверка не возникает уже от того, что участвуют многие. Распределенное знание должно соединяться, а это требует процедур, в которых противоположные голоса не отфильтровываются, неопределенности остаются различимыми, а ошибки могут быть исправлены задним числом; там, где их нет, совместный результат отстает от того, что знают отдельные люди.

16.3 Кто обманывает, вынужден препятствовать проверке

И наоборот: тот, кто строит свою власть на обмане, вынужден препятствовать проверке. Открытое обсуждение ставит догмы под вопрос, различные перспективы показывают односторонность официальных версий, а тот, кто отслеживает противоречия, наталкивается на противоречия самой системы. Это не моральное обвинение. Это следует из самого дела: власть, основанная на обмане, не может постоянно терпеть рядом с собой свободную проверку.

Открытые противники проверки запрещают её, и именно поэтому их узнают. Труднее распознать тех, кто ссылается на проверку. Тот, кто выступает во имя истины, может препятствовать проверке, не запрещая её и часто сам того не замечая, переворачивая принципы, на которые он ссылается. А тот, кто хочет использовать доверие, которым пользуется проверка, может подделать её основание — предложение «Вы уже это делаете» (DE: „Sie tun das bereits“). И то и другое пользуется средствами проверки. Распознать это можно, только если внимательно посмотреть, что делается с этими средствами.

Глава 17: Когда во имя истины препятствуют проверке

Вы говорите с человеком, который использует все правильные слова: разные перспективы, свидетельства, наука, просвещение. И всё же что-то не так. Слова есть, проверки нет. Принципы этой книги можно обратить против проверки, и именно потому, что они действуют: тот, кто на них ссылается, находит слух. Труднее всего распознать это злоупотребление там, где оно исходит от людей, которые полагают, что защищают истину.

17.1 Лагерное мышление

> Эксперимент 17: Автоматическая сортировка
>
> Обратите внимание, не сортируете ли вы при чтении автоматически: против какого «лагеря» это направлено? Имеются в виду я или другие?

> Сама сортировка ещё не является лагерным мышлением; спрашивать о направленности текста — часть проверки. Лагерное мышление↑ возникает там, где ответ на вопрос «Кто имеется в виду?» заменяет проверку. Если вы не находите сортировку, попробуйте на тексте, который противоречит вашему мнению — там её легче заметить.

Инквизиция хотела защитить истинную веру и преследовала инаковерующих. Революционные движения хотели установить справедливость и клеймили критиков как врагов прогресса. Тот, кто защищает свободу, легко видит в инакомыслящих угрозу свободе. В каждом из этих случаев утверждение сортируется по тому, с какой стороны оно исходит, а не по его основаниям. То, что выгодно собственному лагерю, охотнее принимается на веру, то, что ему вредит, проверяется строже, а тот, кто противоречит, причисляется к другой стороне. Это дорого обходится тому, кто так мыслит: это требует постоянной бдительности против отступников, препятствует настоящим разговорам и отделяет его от всех, кто находится на другой стороне. Образец везде один и тот же, средства — разные. Инквизиция сжигала, научное сообщество отказывает в должностях и деньгах. Кто ставит то и другое на одну доску, упускает суть дела; кто распознаёт образец лишь при виде костра, тоже упускает её.

Наука, чьё призвание — проверка, также знакома с лагерным мышлением. Утверждение, что Америка была впервые заселена носителями культуры Кловис около тринадцати тысяч лет назад, десятилетиями считалось надёжно установленным. Тот, кто представлял более древние стоянки, должен был ожидать, что его обвинят в небрежной работе, вместо того чтобы проверить его находки, пока одна стоянка в Чили в 1997 году после совместного осмотра специалистами обеих сторон не получила общего признания. О вымирании динозавров после 1980 года десятилетиями спорили с ожесточением, выходившим далеко за пределы сути дела. Был ли решающим фактором удар из космоса или мощные извержения вулканов, временами рассматривалось как вопрос принадлежности. Представители одной стороны публично объявляли другую плохими учёными, а тот, кто отклонялся, должен был опасаться за свою карьеру; молодые исследователи избегали этой темы. Сегодня большинство специалистов видит главную причину в ударе; согласно точным датировкам, удар и вымирание практически совпадают. Исследуется ли и в какой мере извержения вулканов уже ранее ослабили живую природу, продолжает изучаться, в том числе с помощью модельных расчётов, которые приписывают вулканизму больше, чем долгое время допускалось. То, что исследования продолжаются, обязано и тем,

кто не дал себя отвлечь. Установлено лишь то, что так не проверяют. Такие результаты являются столь же малым возражением против науки, как обман и моды, о которых шла речь в главе 19. Они измеряют действительную науку её собственной идеей, и только эта идея делает видимым, что в ней пошло не так.

17.2 Во имя добра

Опасным становится там, где люди понимают себя как защитников добра. Это встречается у верующих и неверующих, у революционеров и у тех, кто защищает существующее, у специалистов и у их критиков. Ход каждый раз похож. «Мы — хорошие» (DE: „Wir sind die Guten“) ведёт к «Наше дело так важно» (DE: „Unsere Sache ist so wichtig“), затем к «Для нас обычные правила не действуют» (DE: „Für uns gelten die normalen Regeln nicht“), наконец к «Кто нас критикует, тот злой или ослеплён» (DE: „Wer uns kritisiert, ist böse oder verblendet“). Кто понимает себя как борец за добро, тем самым защищается от собственной критики. Доброе намерение становится карт-бланшем для плохих методов, а истина, которую нужно защищать, становится основанием больше не спрашивать о ней.

Одна из форм этого — избирательная эмпатия, которая возмущается только тем страданием, которое поддерживает собственную позицию. Одни оплакивают жертв одной войны и не замечают жертв другой; одни возмущаются цензурой у противника и не замечают её у союзников. Такая эмпатия ощущается как гуманная, однако использует страдание для определённой цели.

Проверьте на себе: при каких из ваших убеждений вы почувствуете недовольство, если кто-то потребует свидетельств? К какому страданию вы испытываете спонтанное сочувствие, к какому нет, и связано ли это с вашей политической позицией? Какие мнения в вашем окружении нельзя высказывать, не подвергаясь избеганию? Кого вы считаете ослеплённым или опасным, не зная его оснований? Приписывать злые намерения причиняет вред самому себе; охота на ведьм — самый яркий тому пример, огульное подозрение в идеологии — повседневный. Некоторые, впрочем, действительно преследуют разрушительные цели. Это распознаётся по их действиям, а не заранее по их мнению.

17.3 Превращённые принципы

Принципы этой книги также можно превратить в свою противоположность, причём по одному-единственному образцу: сила абсолютизируется. Из принципа слона получается «У каждого своя истина» (DE: „Jeder hat seine Wahrheit“). Это звучит толерантно, но упускает то, о чём шла речь, ибо слепцы ощупывают одного и того же слона, и их сообщения дополняют друг друга только потому, что относятся к одной и той же действительности. Из диалектики получается ленивый компромисс, который берёт по половине с обеих сторон вместо того, чтобы искать принцип, объясняющий обе. Самореферентность становится самоуверенностью: мы подумали, а другие нет. Сведение перспектив принимает только те, которые подтверждают, а связь, которую ищет детектив, становится схемой, в которую должно вписаться всё, что встречается. Скепсис превращается в цинизм, который сомневается во всём, только не в собственном сомнении, а открытость многим путям — в произвольность. С эмпатией происходит то же самое, когда она заменяет проверку: кто страдает, тот прав, а кто говорит от имени страдающих — тоже.

Опасность при этом исходит не извне. Она — оборотная сторона именно того, что делает силу сильной, и потому не помогает упразднить силу; вместе с опасностью потеряли бы и мощь. Помогает применять её к самой себе. Скепсис должен иметь право сомневаться и в собственном сомнении, диалектика — проверять и собственное решение, эмпатия — распространяться и на противоположную сторону. Сила, которая отказывается применять себя к самой себе, уже перешла свою границу.

17.4 По чему распознаётся превращённая проверка

Превращённая проверка создаёт когерентность, опуская то, что оказывает сопротивление. Любая критика истолковывается так, что она подтверждает собственный взгляд: «Это доказывает лишь, насколько совершенен заговор» (DE: „Das beweist nur, wie perfekt die Verschwörung ist“) или «Это показывает лишь, насколько манипулированы критики» (DE: „Das zeigt nur, wie manipuliert die Kritiker sind“). То, что всего лишь мыслимо, выдаётся за действительное. Публичная проверяемость заменяется знанием для посвящённых. А критика проверяется не по существу дела, а отражается путём принижения личности.

Ярлыки тоже становятся оружием. Осенью 2020 года три эпидемиолога в публичном заявлении предложили в условиях пандемии целенаправленно защищать группы риска и меньше ограничивать остальных. Директор американского агентства медицинских исследований в внутреннем сообщении назвал их «маргинальными эпидемиологами» и написал, что нужен быстрый «уничтожающий опубликованный ответ» на их предпосылки. Был ли этот предложение хорошим — отдельный вопрос; многие специалисты считали его ошибочным и имели для этого основания. Но тот, кто заказывает опровержение до того, как проведена проверка, заказывает результат. С другой стороны, любой результат, говоривший против мер, быстро считался подавленной истиной, а каждый, кто высказывался за них, — купленным. «Теория заговора», «дезинформация» и «пропаганда» часто служат для того, чтобы отклонить неудобные вопросы, не отвечая на них; «системные СМИ» и «купленная наука» служат противоположной стороне для той же цели. Оба видят соринку в глазу другого, а не бревно в собственном.

Существует заказное сомнение. Табачная индустрия десятилетиями планомерно производила его (глава 18.4), а в случае климата компании оплачивали сомнения, которых не давало состояние исследований. Там, где это известно, любое сомнение легко попадает под подозрение, даже обоснованное; в вопросе климата есть вопросы, которые по праву остаются открытыми, например, насколько сильно он реагирует на дополнительные парниковые газы и что стоит и приносит каждая мера. Если вместе с купленным сомнением отклоняется и обоснованное, дебаты становятся меньше, чем требует суть дела. В большинстве случаев это происходит не из злой воли, а из благих оснований, которые начинают жить собственной жизнью. Какая сторона права, этикетка не решает. Обе могли что-то увидеть, и обе могут прекратить проверять. Решающим является то, как проверяется.

17.5 Внутри правдиво, снаружи ложно

Напрашивается одно возражение. Существуют организации, которые внутри образцово проверяют, а снаружи планомерно обманывают. Аналитические отделы спецслужб проверяют свои источники по строгим, разработанным процедурам, в то время как те же службы распространяют легенды. Табачные концерны из собственных исследований знали о вредности своего продукта и десятилетиями публично отрицали её. Не является ли тогда истина всё же орудием, которое применяют и откладывают в зависимости от адресата?

Разделение не является герметичным. Обман вовне нуждается в оправдании внутри, и единственное, которое выдерживает длительное время, звучит так: нам позволено обманывать, потому что мы — хорошие. Тем самым внутри начинают сортировать по лагерям, и это не останавливается перед собственным анализом. Кто должен обманывать, тот, кроме того, должен управлять обманом, и со временем продвигаются те, кто делает это беспрепятственно, то есть те, кто меньше всего противоречит собственной картине. Кто в конце концов ежедневно упражняется в дозировании истины по адресатам, в итоге проверяет и собственные допущения на предмет их полезности. То, что Ирак в 2002/03 ещё обладал оружием массового поражения, считалось в спецслужбах настолько надёжным, что это допущение больше не подвергалось сомнению; так, во всяком случае, заключил британский следственный отчёт 2016 года. Происходила ли там слепота из привычки дозировать вовне, отчёт не доказывает. Он показывает, как допущение становится непроверяемым, как только в нём нуждаются. Такие системы не становятся слепыми сразу, но надёжно слепнут всё больше. Это было бы опровергнуто, если бы нашлись организации, которые десятилетиями обманывают вовне и чьи картины обстановки при этом не становятся хуже, чем у открытых аналогов.

Государства и союзы всех лагерей практикуют свою версию обмана вовне. Кто распознаёт её только у противника, как раз демонстрирует то, о чём здесь речь.

17.6 Когда государство управляет проверкой

То, что становится видимым на примере организации, относится и к государству в целом. Государство, создающее орган, устанавливающий, что должно считаться истинным, тем самым не защищает своих граждан от обмана. Оно лишает их и самого себя средства замечать его: то, что провозглашает этот орган, больше никто не проверяет, даже тот, кто провозглашает. Такое государство начинает верить собственному изложению и учится хуже, чем то, в котором позволено противоречить. Для этого ему не нужны злые намерения; достаточно того же оправдания, что и в службах. В ГДР отдел при Центральном комитете государственной партии ежедневно предписывал газетам, о чем и как сообщать, и каждой книге требовалось разрешение на печать.

Слова, которыми ограничивается проверка, похожи во всех системах: «опасные мнения», «дезинформация», «иностранное влияние». Авторитарные, как и свободные государства используют их, но очень разными средствами. И опасность, на которую они ссылаются, не выдумана. Китайская армия с 2003 года относит управление общественным мнением к своим «трем войнам» – наряду с психологической и юридической. Российские доктрины говорят об информационной борьбе, которая не прекращается и в мирное время. То, что так поступают диктатуры, мало удивляет.

Но и свободные союзы теперь описывают восприятие населения как поле, на котором ведется борьба и оборона. Исследование для Командования по трансформации НАТО 2020 года, которое, по собственному заявлению, не отражает позицию альянса, называет это «когнитивной войной» и предлагает рассматривать человеческий разум как отдельное поле наряду с сушей, морем, воздухом, космосом и киберпространством. Согласно текстам из этой среды, к нему относятся защита собственных умов и проникновение в умы противника, и это поле охватывает друзей и врагов; одна публикация 2022 года прямо связывает когнитивную войну с пандемией. Критик, собравший эти тексты, вычитывает из них программу, направленную и против собственного населения. Сами тексты так далеко не заходят; однако они показывают, под каким углом зрения там рассматривается общественное мнение. Обязательство по устойчивости, которое государства альянса приняли в 2021 году, относит «враждебные информационные действия, включая дезинформацию» (DE: „feindliche Informationsaktivitäten einschließlich Desinformation“) к угрозам и называет пандемию пробным камнем; сама устойчивость остается в нем «национальной ответственностью». То, что задумано как оборона, может угрожать свободам, во имя которых она осуществляется. Здесь защищается не территория, а то, что люди считают истинным.

За этим не обязательно стоит злая воля. Армия видит вещи под углом зрения безопасности; это ее профессия. В спокойные времена это один из многих аспектов, и политика, взвешивающая все их друг против друга, стоит над ним. Но если угроза считается экзистенциальной, логика безопасности может приобрести вес, которого у нее обычно нет, и тогда мнение собственных граждан начинает казаться чем-то, что нужно наблюдать и чем нужно управлять. В Нидерландах экспериментальное подразделение армии в 2020 году анализировало, что граждане писали о коронакризисе в открытых источниках, включая социальные сети, пока об этом не сообщила газета, и министр не распорядилась временно приостановить работу и проверить ее правовую основу. В Германии генерал-майор возглавлял кризисный штаб,

созданный федеральным правительством в декабре 2021 года для борьбы с пандемией, прежде всего для кампании вакцинации, логистика которой требовала военного мастерства. Такие события не нужно ни преуменьшать, ни складывать в единый план. Достаточно читать учреждения так, как они обычно работают: кто научился упорядочивать обстановку по угрозам, тот так же упорядочивает и эту.

Читать далее: *Этика – Добро, которое мы уже делаем* (2026), Гл. 15.9 (почему порядок, который слышит обоснованную критику, проверяет и реализует ее, не нуждается в сопротивлении)

17.7 Управление в период пандемии

Управление не нуждается в должности. То, что во время пандемии имелись и целенаправленные ложные сообщения иностранных государств, подтверждено европейскими органами; оборона имела реальный предмет. Одновременно власти в нескольких странах постоянно указывали платформам на материалы, которые считали дезинформацией, и платформы часто следовали за ними. Одна крупная платформа с февраля 2021 года удаляла материалы, согласно которым вирус был создан человеком, и отменила это правило в мае того же года, когда вопрос о происхождении был официально вновь поставлен на изучение; ответа на него нет до сих пор. В деталях управление стало видимым благодаря судебным материалам и прежде всего тогда, когда после смены владельца были опубликованы внутренние документы одной сети. Глава другого крупного концерна позже написал парламентскому комитету, что на его компанию месяцами оказывали давление; он сожалеет, что не возражал более открыто. Насколько эти указания были давлением, остаётся спорным; то, что они были, — не спорно, и в Европейском союзе тем временем закон регулирует, чьи сообщения о предположительно противоправном содержании платформы должны обрабатывать в приоритетном порядке. В отношении правительств, которые считают враждебными, такое управление без колебаний предполагается. Проба состоит в том, воспринимаете ли вы его так же у собственного. Она действует и в обратную сторону: то, что материал был удалён, не делает его истинным, и многие из удалённых были ложными. Что разрушает удаление, так это возможность перепроверить.

Управляли и через чувство, тем путём, который описан в главе 14.3. В Великобритании консультативный орган правительства в марте 2020 года

письменно рекомендовал у беспечных усилить чувство личной угрозы посредством эмоционально жёстких сообщений. В Германии в том же месяце учёные по инициативе Министерства внутренних дел написали внутренний документ, который советовал драматически обрисовать последствия неконтролируемого распространения, «чтобы достичь желаемого шокового эффекта» (DE: „um die gewünschte Schockwirkung zu erzielen“): тяжелобольные, которых не принимают в больнице и которые «мучительно задыхаясь, умирают дома» (DE: „qualvoll um Luft ringend zu Hause“), дети, чувствующие себя виноватыми, потому что заразили своих родителей. К жизни этот круг вызвал статс-секретарь министерства совместно с руководительницей отдела по «политическим порядкам и гибридным угрозам» (DE: „Politische Ordnungen und hybride Bedrohungen“).

Один из участников два года спустя описал в социологическом специальном журнале, как возник документ: за десять дней, в зашифрованных телефонных конференциях, от которых нет протокола, но есть бумаги и переписка, которые Институт Роберта Коха позже был вынужден опубликовать, и под впечатлением от снимков из Бергамо. О «механизмах передачи» знали «мало», а о «последствиях широкой остановки общественной жизни» (DE: „überhaupt nichts über die Folgen einer weitgehenden Stillstellung des öffentlichen Lebens“) — «вообще ничего». Чтобы сделать понятным для принимающих решения экспоненциальный рост, на случай, если ничего не будет предпринято, рассчитывали на миллион погибших только в Германии в 2020 году, причём прямо как сценарий, а не как прогноз. К задаче, по его словам, относилась и «чеканка риторических формул для обоснования принятых решений» (DE: „Prägung rhetorischer Formeln für die Begründung der getroffenen Entscheidungen“), и он резюмирует её так: «Говоря словами Грамши: речь шла о том, чтобы предписывать принуждения и добиваться согласия, удерживая при этом верховенство интерпретации в своих руках» (DE: „Mit Gramsci gesprochen: Es ging darum, Zwänge zu verordnen und Zustimmung zu gewinnen und dabei die Deutungshoheit in der Hand zu behalten.“). Четыре года спустя он, согласно сообщениям прессы, говорил на панельной дискуссии о необходимости создать «готовность следовать». Это не упрёк со стороны. Это описание участника, который консультировал в условиях большой неопределённости и большого дефицита времени и сам видел, что такое вмешательство в поведение отдельных людей «нуждается в сильных оправданиях». Именно поэтому оно показывает, как в ситуации, которая считается экзистенциальной, рядом с вопросом о том, что истинно, встаёт вопрос о том, как добиться согласия и удержать интерпретацию в руках.

17.8 Обороноспособный, не опрокидываясь

Означает ли это, что каждая позиция должна повсюду рассматриваться одинаково, когда государство защищается от обмана? Нет. Все утверждения о мире должны оставаться проверяемыми и опровержимыми, даже самые абсурдные. Именно они имеют право на опровержение, а не на табу, ибо табу мешает тому, чтобы их ложность стала видимой, и делает их представителей мучениками. Сама проверка, которая только и делает возможным любое опровержение, не является таким утверждением; почему её нельзя опровергнуть и при этом она ничего не скрывает, показывает глава 18.3. Сколько места получает позиция, может, напротив, зависеть от места. На семинаре разбор всех позиций относится к пониманию, в публичных дебатах встаёт вопрос, кому какую сцену предоставляют, и демократия вправе защищаться от сил, которые хотят разрушить условия свободной проверки, в том числе от иностранного вмешательства. Эта последняя ступень — самая опасная, ибо она имеет форму «мы — хорошие» (DE: „Wir sind die Guten“): наше дело оправдывает более жёсткие правила. От злоупотребления её отличает только то, что она защищает условия поиска истины, а не определённые содержания или лагеря, и что она сама остаётся публично критикуемой. Обороноспособность, которая больше не позволяет себя критиковать, уже опрокинулась. Каждая диктатура ссылалась на защиту священных ценностей.

То же относится ко лжи. Лгать не следует: кто лжёт, тот использует доверие другого и одновременно разрушает его. Свободные правопорядки, однако, как правило, наказывают ложь лишь там, где она причиняет определённый вред, как клевета, мошенничество или лжесвидетельство. Это различие защищает не ложь, а пространство, в котором только и может выясниться, что ею является. Кто объявляет позицию ложной без доказательства, аргумента и открытого обсуждения, покидает это пространство, даже если по существу дела он прав.

17.9 Зрелые граждане вместо министерств истины

При этом никто не действует в пространстве, свободном от власти. Но ответом на злоупотребление властью является не больше власти в форме министерств истины, а больше поиска истины в форме зрелых граждан. Страх может быть очень действенным, чтобы привести людей к определённой позиции, но он плохой советчик: он направляет взгляд на угрожающее и отодвигает всё остальное на задний план. Кто управляет гражданами

с помощью страха, цензурирует или ограничивает их информацию, тот переворачивает соотношение, на котором покоится демократия. В ней население поручает и контролирует правительство, а не наоборот, и для этого ему нужны свобода мнений, науки и печати. Анализ этой главы при этом не показывает, какая сторона права. Он показывает, как проводится проверка, и затрагивает каждую сторону, которая прекращает проверять, в том числе собственную: консерваторов и прогрессистов, верующих и атеистов, критиков и защитников существующего. Против этого не помогает никакое моральное превосходство, только бдительность в методе.

Кто во имя истины мешает проверке, превращает принципы, часто сам того не зная. Но бывает и более осознанно и глубже: можно подделать фундамент, на котором стоит проверка.

Читать далее: *Мышление – Упорядочивать, не теряя* (2025), Гл. 13

Глава 18: Когда фальсифицируется сам метод

18.1 Фальсификация основания

> Эксперимент 18: Ваша бдительность
>
> Проверяете ли Вы прямо сейчас, манипулирует ли Вами этот текст? Если да, то эта бдительность уже является первой защитой от того, о чём сейчас пойдёт речь.

Перформативное самообоснование из главы 1 — это тот единственный исходный пункт, который остаётся, когда ничего нельзя предполагать: мышление проверяет само себя, и истина этого осуществления состоит в том, что каждый может сам его осуществить и проверить. Именно поэтому он уязвим. Тот, кто говорит: «Вы уже это делаете» (DE: „Sie tun das bereits“), обходит защиту, которая готова к чужим утверждениям. Осуществление фальсифицируется, когда оно больше не служит проверке, а служит цели, которая была установлена заранее: продаже, следованию, самоутверждению. Если фальсифицируется это начало, всё дальнейшее висит на отравленной точке. Поэтому здесь нужна самая строгая мера всей книги.

Намерение говорящего извне не усмотреть. Но по тексту можно прочитать, что предложение делает для проверки. Предложение, которое продвигает проверку дальше, оставляет следы: нечто становится видимым, чего раньше не было видно; нечто соединяется в целое, что стояло несвязанным;

возражение оказывается учтённым, а не обойдённым; и иногда человека разворачивают, а не подтверждают. Предложение, которое нацелено на результат, приходит туда, куда хотело; следующий шаг не предусмотрен, и возражение, которое у вас было, в нём не встречается. При честной речи процесс служит и тому, кто проверяет, и тому, кто говорит, одновременно. Там, где одно отделяется от другого, это обнаруживается в том, что проверка должна прекратиться именно там, где она стала бы неудобной. Для этого текста действует то же самое. Он заинтересован в том, чтобы за ним следовали.

18.2 Как действует фальсификация

Фальсификация начинается с того, что действительно есть: с Вашего импульса к проверке, с Вашего беспокойства, с Вашей тоски по смыслу. «Вы ведь тоже чувствуете, что что-то должно измениться» (DE: „Sie spüren doch auch, dass sich etwas ändern muss.“). Да, это верно, и именно потому, что первое предложение истинно, всё последующее ощущается очевидным. Фальсификация не лжёт в начале; ей нужно истинное как открыватель дверей. В этом она родственна обману, который работает с одними истинными высказываниями и которому посвящена глава 19: истинное становится носителем обмана.

Затем она меняет местами приглашение и утверждение. Подлинный метод приглашает: проверьте сами, обстоит ли дело так. Фальсификация утверждает результат: Вы ведь чувствуете, что это так. Различие невелико в формулировке и фундаментально по существу дела. В первом случае Вы осуществляете проверку, исход которой открыт; во втором Вам внушают восприятие, которое Вы считаете своим собственным. Изложение предопределяет, как Вы видите, и заставляет Вас верить, что Вы увидели сами. То, что могло бы получиться иначе, в фальсификации не встречается — не оспаривается, просто отсутствует, а отсутствие замечает лишь тот, кто его ищет.

Затем то собственное, что затронуло вступление, направляется к готовой цели: из «Вы уже проверяете» получается «значит, Вам нужен этот продукт» (DE: „also brauchen Sie dieses Produkt“), из «Вы уже мыслите критически» (DE: „Sie denken bereits kritisch“) — «значит, выбирайте это решение» (DE: „also wählen Sie diese Lösung“), из «Вы уже ищете смысл» (DE: „Sie suchen bereits nach Sinn“) — «значит, следуйте этому учению» (DE: „also folgen Sie dieser Lehre“). То, что начиналось как Ваше осуществление, заканчивается

как чужая программа. В конце вызванное переживание объявляется доказательством: «Вы же сами это пережили» (DE: „Sie haben es doch selbst erlebt.“). Тот, кто теперь сомневается, кажется предающим собственное переживание, и фальсификация устраивается там, где критика выглядит как самоотречение.

18.3 По чему Вы распознаёте фальсификацию

Из этого образа действий следуют пробы, которые можно провести на любом перформативном предложении, в том числе и на этой книге.

Проба на отрицаемость спрашивает, может ли Ваша проверка завершиться иначе. Предложения о переживании могут не подтвердиться: почувствуете ли Вы сейчас покой, может оказаться и иначе. Поэтому предложения, построенные так, что никакое возможное переживание не могло бы их опровергнуть, являются предупреждающим сигналом — с одним исключением: самой проверкой.

Проба на направление спрашивает, делает ли Вас процесс более самостоятельным или более зависимым. Можете ли Вы после этого лучше проверять в одиночку или нуждаетесь в руководстве больше, чем когда-либо? Подлинный перформативный метод работает над собственной ненужностью.

К этому добавляются меньшие пробы, вытекающие из того же образа действий: встречается ли, что это можно было бы увидеть иначе, или же контрпробу Вам пришлось бы изобретать самому; остаётся ли время на проверку или Вас подталкивают к завершению, к подписи, к признанию, сейчас; остаётся ли Ваше переживание уликой, которая входит в общую картину, или объявляется доказательством; и кто его истолковывает — Вы сами или только предлагающий, учитель, группа.

Строже всего проба на отрицаемость касается самой этой книги. Даже «Вы сейчас проверяете» в одном отношении не может быть опровергнуто никаким переживанием. Результат, заметили ли Вы это, был наблюдением и мог бы оказаться иным. Но сама проверка — нет, потому что проверка того, проверяете ли Вы, сама есть проверка. Значит ли это, что основание иммунизировано? Нет, и различие несёт всю пробу. Иммунизация↑ прячет свою неопровержимость и запрещает контрпробу. Перформативная самоотнесённость открыто показывает свою структуру и приглашает к контрпробе: аргументируйте против аргументирования — Вы уже аргументируете. Отрицайте мысль — для этого Вам пришлось её помыслить. То, что Вы это делаете, и есть аргумент. Эта неопровержимость ничего не прячет;

она есть открытое свойство осуществления, видимое для каждого, кто его осуществляет. Фальсификация, напротив, нуждается в укрытии.

Однако открыватель дверей эта книга с необходимостью разделяет с фальсификацией. «Вы уже знаете», «Вы уже проверяете», «Вы уже приносите с собой всё» (DE: „Sie bringen bereits alles mit“) — так начинались первые главы, и теми же словами начинается фальсификация, потому что она подражает подлинному началу. На первом шаге оба неотличимы, только на последующих шагах. Поэтому пробы относятся прежде всего к этим страницам.

18.4 Фальсификация вовне

Снаружи этот образ действий выглядит одинаково повсюду, меняются лишь открыватель дверей и цель. В рекламе говорится: «Вы сами знаете, что для Вас хорошо» (DE: „Sie wissen selbst, was gut für Sie ist“), и случайно это именно тот продукт. В политике подхватывается обоснованное беспокойство: «Вы ведь тоже чувствуете, что что-то должно измениться» (DE: „Sie spüren doch auch, dass sich etwas ändern muss“), — и направляется в готовое решение; опасность заключается в смешении обоснованной заботы с сомнительным ответом. В терапии и педагогике, где господствуют доверие и зависимость, говорится: «Глубоко внутри Вы знаете, что правильно» (DE: „Sie wissen tief im Inneren, was richtig ist“), — но кто определяет, что говорит Ваше внутреннее? Хорошая терапия делает более независимым от терапевта, хорошее образование — более способным мыслить. В духовной сфере поиск смысла признаётся и затем направляется в одно-единственное учение, как будто существует только это направление. А в академической жизни фальсификация льстит самооценке: «Вы уже мыслите критически» (DE: „Sie denken bereits kritisch“), — и затем отождествляет критическое мышление с определённой школой.

> Эксперимент 19: Пробы в действии
>
> Возьмите последнее предложение, которое говорило Вам, что Вы, собственно, уже это знаете, — рекламу, курс, проповедь, советчик — и примените к нему пробу на отрицаемость и пробу на направление. Что Вы обнаруживаете?
> Часто достаточно уже второй: предложение, которое после этого снова нуждается в Вас, не сделало Вас более самостоятельным.

Помимо фальсификации существует её родственница, которая работает ещё дешевле, потому что ей вовсе не нужно согласие: выманенная достойность проверки. Внутренний документ табачной индустрии в 1969 году сформулировал это в предложении, что сомнение является их продуктом. Не нужно никого убеждать, что курение безвредно; достаточно, чтобы вопрос казался открытым. Одно лишь рассмотрение уже является попаданием, неуверенность — цель. Это оружие обращает добродетель жертвы против самой жертвы — её открытость. «Я ведь только задаю вопросы» (DE: „Ich stelle ja nur Fragen“) — апеллирует к открытости; тот, кто отмахивается, выглядит догматиком, а тот, кто входит без проверки, уже дал нападающему то, чего тот хотел: внимание и видимость подлинной полемики. Её усиление — наводнение. Утверждения можно выдвигать быстрее, чем проверять, и тот, кто бросает в пространство двадцать из них, выигрывает, как только другой начинает поочерёдно их отрабатывать, — не потому, что одно из них верно, а потому, что сила проверки оппонента и есть подлинная цель.

Поэтому защита начинается на одну ступень раньше: не с вопроса по существу, а с вопроса, заслуживает ли нечто проверки. Кто это выдвигает, что он с этого имеет, как его утверждения зарекомендовали себя до сих пор и почему это появляется именно сейчас и в таком количестве? Последний вопрос направлен на кампании, кто бы их ни проводил — корпорация, движение или правительство. Вы не обязаны каждому сомнению предоставлять расследование только потому, что оно громко требуется. То, чем Вы обязаны самому себе, — это основание для отказа, которое Вы можете назвать.

18.5 Когда анализ становится блокировкой

Даже то, что описывает эта глава, допускает злоупотребление. Тот, кто отклоняет возражение словами «это же манипуляция» (DE: „das ist doch Manipulation“), не проверив его, или сомнение словом «выманенное», превратил защиту в блокировку. Поэтому пробы действуют как для официального изложения, так и для его противников, для собственного лагеря, как и для чужого, и для этих страниц, как и для любых других.

Подлинную проверку узнают по зеркальному отражению проб. Она делает того, кто ей следует, более независимым: он обнаруживает, что уже умеет, вместо того чтобы учиться, во что ему следует верить. Она открыто показывает свои мерки, чтобы другие могли прикладывать их к ней, и не

знает учения для посвящённых. И она остаётся исправимой, то есть делает более способным к противоречию, вместо того чтобы иммунизировать против противоречия. Так метод защищает сам себя, если его честно применяют; лучшая защита от его фальсификации — хорошо знать подлинное. Принесли ли Вам эти главы пользу, видно по тому, можете ли Вы лучше различать или лишь стали недоверчивее к любому убеждению.

Глава 19: Калибровка

Инверсии и фальсификации двух предыдущих глав можно распознать по чему-то, что ложно или получено обманом. Задача, о которой пойдёт речь теперь, не нуждается ни в обмане, ни в намерении, и, возможно, она самая трудная в этой книге. Она начинается в повседневной жизни.

19.1 Что вы знаете о чужих странах

О странах, в которых вы никогда не были, вы знаете многое. Вы видели фильмы и сериалы, новости и репортажи, видео в интернете, читали книги и слушали друзей, которые там были. О Соединённых Штатах вы, вероятно, знаете больше всего, об Англии, Франции или Италии — тоже немало, об Индии, Китае или России — уже меньше. О «Африке» или «Ближнем Востоке» как целом у большинства есть лишь грубые образы, а грубые образы легко становятся предрассудками.

Почти всё это может быть верным. Трудность в другом: вы не можете это взвесить. Большинство фильмов об Америке происходит в нескольких крупных городах — в Нью-Йорке, в Калифорнии, некоторые в Техасе, вестерны на Среднем Западе. Почти ни один не происходит на Аляске, в Небраске или Айдахо. Из пятидесяти штатов встречаются немногие, и среди них прежде всего крупные города. Тот, кто исследует региональные культуры страны, насчитывает около дюжины, границы которых проходят поперёк границ штатов; один Техас входит частично в несколько из них. Вы видите репортаж о насилии с применением оружия в Техасе, репортаж об охране окружающей среды в Вермонте, репортаж о бедности в Детройте, репортаж об изобретениях в Кремниевой долине. Все четыре точны, все показывают действительное. Как вы взвешиваете эти части для вашего образа Соединённых Штатов?

Кое-что вообще невозможно показать, например запах или вкус еды. Кое-что было верно только в то время, когда это снимали. Многое не попадает в новости, потому что так бывает каждый день. Рассказы тоже отфильтрованы: тот, кто ведёт дела со страной, дома рассказывает о делах и отелях.

Тот, кто затем туда едет, замечает, чего не хватало. Тот, кто в середине восьмидесятых годов провёл две недели на Манхэттене, повсюду видел пар, поднимавшийся из труб под улицей, к чему его не подготовил ни один фильм, и почти не видел автомобилей, кроме такси; ему объяснили это высокими штрафами за неправильную парковку. Тротуары тогда содержали в чистоте прежде всего владельцы магазинов. Кварталы были очень разными. Перед Гарлемом предупреждали; тот, кто проезжал через него на автобусе, не видел ничего плохого, но и не был ни в одном доме. На месте замечаешь, как ходят люди и с какой скоростью, как они общаются и разговаривают друг с другом, где находятся ларьки и что лежит на витринах. Прежде всего получаешь впечатление о том, как всё это связано между собой. Фильмы показывают лишь доли этого.

Тот, кто в начале восьмидесятых годов впервые приехал в Индию, находил всё не таким, каким он это знал: почти ни одного знакомого растения, другие животные, другие голоса птиц, другие запахи, другая музыка, другие автомобили и уличное движение с другой громкостью. Там были нищие на самодельных лежанках из лыка и другие без постели и почти без одежды, почти не было супермаркетов и почти не было упаковки, еда была острой так, как ты не знал, и люди двигались иначе; молодые солдаты обнимали друг друга, чего не увидишь у немецких солдат. Фильмы об Индии не подготовили ни к чему из этого. Возможно, многое из этого сегодня иначе, и это тоже часть проблемы: то, что однажды видел, остаётся в образе, даже если само дело давно изменилось.

Само пребывание — тоже лишь фрагмент. Тот, кто провёл две недели на Манхэттене, знает часть Нью-Йорка, но ещё не Соединённые Штаты. То, что он там увидел, он в свою очередь должен упорядочить: что из этого американское, что относится к этому городу, что — к этому кварталу? Это относится к любой стране. И Бавария при ближайшем рассмотрении распадается на Франконию, Швабию и Старую Баварию, Баден-Вюртемберг — на Баден и Вюртемберг. А Индия, конституция которой признаёт более двадцати языков, производит на посетителя впечатление скорее отдельного континента, чем страны. Собственное наглядное впечатление драгоценно, потому что показывает, чего не хватает в образах. Но оно, в свою очередь, является выборочной пробой и должно взвешиваться, как и всё остальное.

Это проблема слепых учёных из главы 5, с одним различием. Там каждый ощупал один кусок, и важно было свести куски вместе. Здесь чего-то не хватает, и неизвестно, чего именно. Полное отсутствие чего-либо — это ещё более лёгкий случай: тот, кто замечает, что ничего не знает о Небраске, может прочитать. Трудно правильно взвесить показанное. Является ли вооружённое насилие из репортажа частым или редким, является ли квартал в фильме правилом или исключением? Труднее всего с числами. Статистика точно показывает то, что она измеряет, и ничего из того, чего она не измеряет.

Избежать упущений при этом невозможно. Карта, которая содержала бы всё, была бы размером со страну и бесполезной. У каждой камеры есть свой кадр, каждый вопрос оставляет в стороне иное, каждая статистика считает то, что было установлено. Опущенное лежит за пределами вопроса, кадра, до сих пор установленного. Его не видно, и поэтому не видно и того, что оно отсутствует.

Калибровка↑ пришла из измерительной техники: сравнивают показание прибора с известной мерой и устанавливают, насколько оно отклоняется. Ведомство для этого не нужно — официальная проверка называлась бы поверкой. Калибровать здесь означает: проверять действительностью собственную меру того, что часто, а что редко, что нормально, а что экстремально, что является согласованностью, а что спором, и там, где она отклоняется, — корректировать. Другие могут помочь, но полностью снять это с вас не может никто. Другие пробы в этой книге направлены на то, что имеется. Эта направлена также на то, чего не имеется.

19.2 Когда каждое утверждение верно

То, что в повседневной жизни происходит само собой, можно делать и намеренно.

> Эксперимент 20: Новостное сообщение
>
> Прочитайте следующее сообщение так, как если бы Вы нашли его сегодня утром в новостях:
> «Слон — недооценённая опасность? Один учёный нащупал гладкое, твёрдое копьё (бивень). Второй сообщает об огромной силе: мощная колонна, крепкая и прочная (нога). Третий наткнулся на нечто длинное, подвижное, похожее на большую змею (хобот).»

> DE: „Der Elefant - eine unterschätzte Gefahr? Ein Gelehrter ertastete einen glatten, harten Speer (Stoßzahn). Ein zweiter berichtet von enormer Kraft: eine mächtige Säule, stark und fest (Bein). Ein dritter stieß auf etwas Langes, Bewegliches, wie eine große Schlange (Rüssel)."
>
> Остановитесь на мгновение: что это сообщение сделало с Вами? Какое впечатление об этом животном у Вас сложилось?
> Теперь разгадка: Вы давно знаете все источники этого сообщения. Это трое из шести слепых учёных из главы 5, и никто из них не солгал. Каждая деталь верна. Но общая картина искажена, потому что были отобраны угрожающие стороны, а безобидные опущены: веер, стена и верёвка просто отсутствуют.
> Если у Вас сложилось впечатление угрозы — пусть даже едва заметное, — то сообщение сделало то, для чего было построено. Если нет, проверьте, что Вас защитило, — возможно, Вы слишком хорошо знали источники.

Это тот обман, против которого проверка единичных утверждений ничего не может поделать. Он не лжёт; он взвешивает. И бьёт он не по тому, во что Вы верите, а по тому, чем Вы измеряете.

То же самое происходит без публичности, когда один готовит решение для другого. Отдел, который пишет для руководства проект решения, знает суть дела лучше, чем руководство; поэтому в нём нуждаются и поэтому он может взвешивать, так что никто этого не замечает. Руководство знает это и делает поправку на предполагаемое намерение. При этом оно часто отбрасывает и знание, которое содержится в проекте. Если отдел, в свою очередь, знает об этом, он взвешивает сильнее. В конце каждая сторона с основанием не доверяет другой, и ни одна из них больше не узнаёт, что знает другая. Помочь может только форма, которая делает взвешивание видимым: проекты, в которых названы и отвергнутые возможности, и то, что говорит против собственного предложения; а также те, кто принимает решения, — если они говорят, почему решают иначе.

19.3 Пропаганда

Больше всего упражняется во взвешивании пропаганда. Её представляют как ложь, и в ней есть ложь. В октябре 1990 года, когда спорили о войне против Ирака, пятнадцатилетняя кувейтянка со слезами рассказала перед

группой по правам человека американского Конгресса, что иракские солдаты вынули младенцев из инкубаторов в больнице и оставили их умирать на полу. Эта история обошла мир, и её снова и снова приводили в дебатах о войне. Позже выяснилось, что свидетельница была дочерью кувейтского посла в Вашингтоне и что её выступление подготовило рекламное агентство по заказу организации, оплаченной Кувейтом; свидетельств в пользу этой истории не нашлось. Таких сообщений вокруг войн много, на всех сторонах. Но они являются исключением, по которому становится видимым правило. Ложь можно опровергнуть, и опровергнутая ложь вредит тому, кто её распространил.

Правило скромнее и действеннее. О противнике показывают плохое, о своей стороне — хорошее, и каждое отдельное сообщение может быть верным; образ создаёт отбор. В более утончённом виде показывают обе стороны, но не одинаково: желательная получает лучший голос, более сильный образ и последнее слово, нежелательная — самого слабого представителя. Так возникает видимость сбалансированности, и именно она делает взвешивание невидимым. Противоположная форма работает с количеством: показывают так много отклоняющихся мнений и так много путаницы, что в конце уже ничто не кажется надёжным, — это затопление из главы 22.4. Как пропаганда при этом обращается к чувству, прежде чем спрашивает рассудок, описано в главе 14.3.

Поэтому против пропаганды меньше помогает разоблачать ложь, чем спрашивать, чего не хватает. Что я узнал бы о собственной стороне, если бы читал сообщения противника, и что о противнике — из собственных? Кто получает самый сильный голос в передаче, которая кажется сбалансированной? Эти вопросы обращены к каждой стороне, в том числе к той, к которой вы сами склоняетесь.

19.4 Первый уровень: проверять отдельные высказывания

Против простого обмана, который утверждает нечто ложное, средства давно разработаны: вопрос о компетентности и интересе источника, о его близости к событию, о согласованности с независимыми источниками и о том, говорит ли приводимое основание больше, чем то, что оно должно обосновывать, — или лишь ещё раз называет это, как средство, которое усыпляет, «потому что обладает усыпляющим действием» (DE: „weil es eine einschläfernde Wirkung hat“). Это принцип детектива, применённый к источникам.

К первому уровню относится и умение различать степени собственной достоверности. Не всё заслуживает одинаковой степени, и степени различаются как по высоте, так и по роду. Что семь на восемь — пятьдесят шесть, достоверно, потому что это можно пересчитать; что Земля круглая, — потому что многие независимые пути ведут к одному и тому же результату; что друг надёжен, — потому что он часто был таким; что вы сейчас мыслите, — потому что уже сомнение в этом подтверждает это. Процент помещает эти достоверности на одну шкалу, как если бы все они были одного рода. Это полезно, когда речь идёт о том, сколько поставить на что-либо. Вводящим в заблуждение это становится, когда полагают, будто вычисление становится достовернее от большего числа свидетелей или доверие к другу — от вычисления.

И к первому уровню относится решение о том, что вообще заслуживает проверки, — вопрос, с которого в главе 22.4 начиналась защита от незаслуженного права на проверку. Проверка стоит времени и внимания, и тот, кто исследует каждое утверждение, растратил свою силу проверки, прежде чем пришёл следующий поток. Тот, кто при каждом сообщении о НЛО в саду выбегал бы на улицу, что-то не понял: к калибровке относится базовая частота — вопрос, как утверждения такого рода оправдывали себя до сих пор. К этому добавляется ставка — что зависит от того, если я ошибусь? — и послужной список источника. И никто не проверяет в одиночку. Действует ли лекарство, для меня проверяют исследования, процедуры допуска и спор специалистов; полагаться на это так же разумно, как покупать хлеб у пекаря, а не выращивать пшеницу. Только нужно знать, что ты при этом имеешь. Указание на то, что специалисты что-то говорят, является основанием верить этому, часто хорошим, но не объяснением дела. У кого есть только оно, тот не знает, почему это так, и потому не может распознать, когда это уже не так. Но можно проверить, даже не будучи самому специалистом, как проверяли специалисты: открыты ли их основания, говорят ли они, где существует согласованность, а где неуверенность, и остаётся ли возражение доступным для чтения. МГЭИК, например, к своим результатам указывает, насколько хорошо они обоснованы и насколько велика согласованность специалистов. Именно поэтому его можно критиковать за его методы и взвешивания, а не верить ему целиком или отвергать целиком.

У этой экономии проверки есть две опасности, которые зеркально отражают друг друга. Одна — это фильтр, который выходит из строя, так что каждое чудесное исцеление и каждый зловещий намёк получают своё расследование; на этом отказе строится незаслуженное право на проверку. Другая — это фильтр, который зарастает и пропускает только то, что и так

говорят правительство, большинство, специалисты и традиция. Эти четыре — хорошие эмпирические правила, но ни одно из них не несёт само по себе. Согласие специалистов стоит ровно столько, сколько их независимость; сто голосов, которые списывают друг у друга, — это один голос. А большинство, которое наказывает за отклонение, показывает уже не то, что многие проверили, а то, что многие осмеливаются говорить. Подобное можно спросить и у правительства, которое имеет собственный интерес в этом деле, и у традиции, которая оправдала себя в другом мире. Надёжнее всего о том, перекошен ли ваш собственный фильтр, говорит симметрия: вы так же быстро отмахиваетесь от неудобного, как от удобного? Перекошенный фильтр проходит точно по границе собственного лагеря. Он не проверяет ничего, что мешает собственной стороне, но проверяет всё, что говорит другая. Здоровый фильтр экономит усилия, перекошенный экономит страх или конформизм. Были общества, в которых господствовало непроверенное, потому что проверка стала опасной.

Та же проба поражает того, кто отклоняется. То, что мнение господствует, делает его столь же мало истинным, как и то, что оно отклоняется. Большинства ошибались, но и большинство отклоняющихся тоже, только о них никто не помнит. Тот, кто считает, что ошибаются почти все — правительство, пресса и специалисты, — должен сначала спросить, не идёт ли он сам по ложному следу. Ищет ли он также свидетельства против своего предположения? Знает ли он самых сильных представителей противоположной стороны или только самых слабых? Хочет ли он узнать, как обстоит дело, или получить подтверждение, что он умнее других? Чем сильнее утверждение отклоняется от хорошо проверенного, тем больше оно должно предъявить. Это не суждение о нём, а распределение бремени, и даже хорошо проверенное может ошибаться; оно лишь должно позволить сдвинуть себя свидетельствами.

У этой экономии есть граница: она распределяет внимание, а не истину. Низкая базовая частота оправдывает более строгие требования к свидетельствам, но ничего не опровергает. И заинтересованный может быть прав, и независимый может ошибаться. Об истинном и ложном решает только сама проверка, иначе никогда больше не проверялось бы то, что до сих пор было редким, и ничто новое не могло бы быть распознано как новое.

19.5 Второй уровень: распределение

> Эксперимент 21: Орудие на своей границе
>
> Возьмите сообщение об учёных, ощупывавших слона, из главы 10.1 и проверьте его всем, что даёт первый уровень. Что вы находите? Источники безупречны, учёные сами ощупывали. Интерес не распознаваем. Сообщения не противоречат друг другу, каждое получено из первых рук, и в них нет ничего невероятного. Каждая проверка того, что написано, пройдена, — а общий образ остаётся искажённым. Ошибку вы нашли бы только если бы сами перечитали шесть сообщений и сами посмотрели, чего не хватает. Но на это не направлена ни одна из этих проверок, потому что они проверяют то, что сказано.

Орудие, граница которого известна, годится больше, чем то, которому доверяют всё.

Обман, при котором это орудие отказывает, утверждает сплошь истинное, как сообщение о слоне и пропаганда из главы 10.3, и работает с распределением: что отбирается, а что нет, как часто что-то повторяется, в какой связи и в какой последовательности это появляется. «Все говорят об X» (DE: „Alle reden über X“), но у большинства людей совсем другие заботы. «Эксперты предупреждают», но это трое из ста. Исключение показывают как норму, мгновенный снимок — как тенденцию, единичную судьбу — против всех данных, или наоборот. При этом каждое отдельное высказывание может быть верным. Атакуется ваше чувство того, что часто, а что редко, и это чувство возникает не благодаря аргументам. Оно откладывается из тысяч сообщений, разговоров и образов. Пред-суждения из главы 4 встречаются здесь уровнем ниже: не как принесённые с собой содержания, а как принесённые с собой частоты.

На первом уровне вопрос звучит так: верно ли это? На втором — так: репрезентативно ли это, и почему я вижу именно это, и чего я не вижу? В одной знаменитой детективной истории Шерлок Холмс раскрывает дело благодаря собаке, которая ночью не залаяла. Решающей оказалась улика, которая отсутствовала. При злоупотреблении методом фальсификация выдала себя через альтернативу, которая в ней не встречалась. То, чего в чужих странах не хватало само собой, здесь становится главным: тот, кто показывает только истинное, выдаёт себя не тем, что он показывает, а тем, что опускает.

Насколько это действительно часто? Истинный единичный случай ничего не говорит о частоте; только показатель делает из анекдота высказывание о мире. Что я должен был бы увидеть, если бы истинным было противоположное, — и если я этого не вижу, оно отсутствует или его мне не показывают? Этот вопрос отличает мир от вашего образа мира. Кто или что отбирает то, что доходит до меня, и по какой мере — по истине, по возмущению, по длительности пребывания? Поток из сплошь надёжных источников может быть искажён, если искажён отбор, а самый важный отбирающий — вы сами: никому не нужно навязывать вам односторонний поток, если вы сами его для себя составляете. И наконец: не сместилось ли моё чувство нормального без того, чтобы я мог назвать новый аргумент? Подлинное обучение может показать свои основания. Смещение без названного основания — признак манипуляции калибровкой, как у лягушки из известной притчи, которая в медленно нагреваемой воде не может назвать ни одного момента, когда стало слишком горячо.

19.6 Когда никто не цензурирует, и всё же происходит фильтрация

У самой тяжелой формы нет адреса. Ведомство, устанавливающее, что считается истинным (глава 17.6), для калибровки является легким случаем: его можно назвать. Труднее уловить управление, которое никто не учреждает: ведомство дает указания, платформа им следует, комитет рекомендует, как обращаться к населению. Каждый шаг имеет правдоподобное обоснование, никто не цензурирует, и в конце концов пространство отфильтровано, хотя никто этого не решал; как это выглядело во время пандемии, показала глава 17.7. Происходит ли такое управление и в какой мере, можно проверить только тогда, когда указания и их исполнение доступны для публичного ознакомления.

При такой фильтрации легко отказывают и проверки второго уровня, ибо инструменты работают, а результат всё равно неверен: ведомство до сих пор оказывалось надежным, консенсус широк, каждое отдельное высказывание выдерживает проверку – для картины, из которой удалено то, что ей противоречило. На вопрос о том, чего не хватает, здесь можно ответить только по обращению с противоречием. Была ли противоположная позиция опровергнута или просто отнесена к какой-то категории? Она устранена или исчезла? Можно ли ее еще найти? Если позиция больше не обнаруживается, это не значит, что она опровергнута; возможно, она была удалена, и

консенсус, возникший без возражений, является прежде всего результатом, характеризующим пространство, в котором он возник. Истинным он тем не менее может быть. То же правило действует и в обратном направлении: заключать от отсутствия противоречий к манипуляции – это та же ошибка с другой стороны, ибо бывает консенсус, возникший потому, что дело было ясным. Можно посмотреть самому, были ли возражения и что с ними стало; из одного их отсутствия ничего не следует.

Соблазн ответить на всё это инстанцией, устанавливающей для всех правильное взвешивание, напрашивается: авторизованные фактчекеры, алгоритмы, сортирующие истинное наверх. Если действительно почти все специалисты отстаивают одну позицию, мнение меньшинства не должно получать то же пространство – и это верно, пока речь идет о взвешивании и мнение меньшинства получает столько пространства, сколько выдерживают его свидетельства. Ловушкой это становится, когда взвешивание превращается в исключение, когда никто больше не спрашивает, как возникло большое большинство, и когда классификация «опасно» заменяет проверку. Такая инстанция не решает проблему, а переносит ее: тогда всё зависит от того, кто занимает эту инстанцию, а кто занимает канал, тот занимает калибровку всех, кто ему доверяет. Распределенная, собственная калибровка не имеет главного рубильника, который можно было бы переключить. Поэтому она является способностью, которая нужна свободному обществу от его граждан. Кто считает людей способными самостоятельно проверять, должен доверять им и самостоятельное решение.

Это относится и к языковым моделям, которые сегодня читают вместе с нами и пишут вместе с нами. То, что такая модель считает нормальным, спорным или консенсусом, является осадком текстов, на которых она училась, и заглянуть под этот осадок она почти не может: именно там, где она наиболее гладко приводит «большинство экспертов», часто говорит осадок, а не проверка. Как инструмент второго уровня она всё же может быть сильной, если заставить ее искать противоположные голоса, базовые частоты и недостающее. Противоядия для такой модели те же, что и для вас: явно выраженная неуверенность, когда речь идет о большинствах и частотах, поиск недостающего, недоверие к собственному чувству консенсуса и проверка другими.

Родственное искажение возникает не из-за отбора, а из-за самого измерения. Если число, которое должно отражать состояние, становится целью, по которой оценивают людей, они меняют свое поведение, пока число не станет верным, а состояние перестанет быть таковым: школа натаскивает

на экзамен вместо предмета, ведомство сначала разбирает легкие дела. Число вначале было хорошим инструментом и потеряло свою познавательную ценность из-за своего использования, хотя никто в нем ничего не подделывал. Поэтому тот, кто сталкивается с таким числом, спрашивает не только, как оно было измерено, но и кого по нему оценивают.

От этого уровня нет иммунитета, есть только бдительность. Можно научиться проверять и исправлять взвешивание, даже там, где каждое отдельное высказывание верно, и нужно делать это снова и снова.

Читать далее: *Калибровка* (2026), *Этика – Добро, которое мы уже делаем* (2026), Гл. 13.5, *Организация* (2026), Гл. 5 и 6

часть v: истина как процесс

Глава 20: Истина и процесс истины

20.1 Что означает «Истинное есть целое»

Проверка, которая никогда не бывает завершённой, порядки, которые остаются доступными для исправления: можно было бы подумать, что в конце стоит лишь куча предварительных результатов. Этому противостоит положение, которое в этой книге не раз звучало: истинное есть целое. Его часто понимают как призыв к полноте: собери все факты — и у тебя будет истина. Но имеется в виду не это.

Можно препарировать живое существо, занести в список все органы, рассмотреть каждую клетку под микроскопом — и именно жизнь при этом исчезнет. Гёте вложил это в уста своего Мефистофеля: *«Кто хочет живое познать и описать, Тот прежде дух стремится из него изгнать, Тогда все части у него в руках, Недостаёт, увы! лишь духовная связь.»* То же самое происходит в мышлении. Можно собрать все аргументы, перечислить все точки зрения, проработать все вопросы и всё же упустить то, что только и связывает их в единое постижение. Перечень, в котором каждый пункт можно опустить или заменить другим, без того чтобы в целом что-то изменилось, выглядит аккуратным и не имеет связи. Там, где список служит цели, например при техническом обслуживании самолёта, он принадлежит живому порядку; мёртвым он становится там, где занимает место понимания.

> DE: „Wer will was Lebendigs erkennen und beschreiben, Sucht erst den Geist heraus zu treiben, Dann hat er die Teile in seiner Hand, Fehlt, leider! nur das geistige Band.“

Нечто является целым не потому, что ничего не недостаёт, а потому, что его части определяют друг друга. Это можно назвать живой полнотой, в отличие от механической, которая собирает и отмечает галочкой. Хороший портрет показывает характер человека, не фиксируя каждую родинку. Хороший детектив не упускает ни одной улики, но он не придаёт всем одинаковый вес; он ищет те, от которых зависит дело, а остальные встраиваются

в порядок или остаются видимыми как открытые позиции. Истинное в этом смысле есть живое, логически упорядоченное, развивающееся целое.

Живое означает: части находятся во взаимном отношении. Каждая отсылает к другим, определяется ими и развивается вместе с ними, как в организме, где каждый орган работает лишь во взаимодействии с остальными.

Логически упорядоченное означает: существует распознаваемая структура отношений. Не всё произвольно связано со всем; есть ступени, переходы, линии развития. Порядок не навязан извне, он возникает из самого предмета и должен подтверждаться на нём.

Развивающееся означает: целое не дано готовым с самого начала, оно лишь становится тем, что оно есть. Так и этот текст развивал свой порядок в самом осуществлении, а не предполагал его заранее.

Целое означает: для понимания связи не отсутствует ничего существенного. Это не значит, что должно быть упомянуто всё возможное, как показывает портрет.

Истина↑ поэтому по существу есть результат, но не готовый продукт. Она возникает в мышлении, развивается через противоречия и завершается в систематической интеграции, которая принимает в себя и то, что сопротивляется нашим желаниям. К этому целому принадлежим и мы, те, кто его ищет.

20.2 Истина как процесс

То, что каждый достигнутый порядок остаётся открытым, не означает, что истины нет. Это означает, что она разворачивается — и притом в двояком отношении: наше познание развивается, и часто развивается также то, что мы познаём, — жизнь, город, общество, часто именно благодаря нашему усилию понять их.

Что такое истина, эта книга заранее не определила. Она развивала это шаг за шагом, и каждый шаг показывал, чего ещё не хватало предыдущему. В начале стоял вопрос, который сам себя предполагает: кто спрашивает, что такое истина, хочет истинного ответа, а кто оспаривает проверку, тот при этом проверяет. Сама по себе эта самореферентность ещё не объясняет, что такое истина; она показывает, что мы находимся внутри этого. Слепые учёные показали, что сама суть дела раскрывается лишь в соединении многих перспектив, а живое целое — что это соединение не является сложением, потому что части взаимно определяют друг друга. Там, где перспективы

противоречили друг другу, не помогало ни отбрасывание, ни простое рядоположение, а лишь принцип, который объясняет и сохраняет обе. Детектив требовал, чтобы каждая улика нашла своё место. А глава 10 показала, что и то, что сопротивляется нашему желанию и истолкованию, принадлежит этой взаимосвязи и не лежит по ту сторону неё. Истина — это процесс, в котором всё это сцепляется друг с другом.

То, что при этом каждый раз достигнуто, можно назвать познанной истиной. Она не просто мнение, поскольку выдержала проверку, но она и не последнее слово. Она имеет силу, пока её не снимет лучший порядок, и в нём она остаётся сохранённой, подобно тому как механика Ньютона сохраняется как предельный случай в теории относительности. Дальше её движет то, что развили шаги этой книги: порядок, в котором остаётся открытым противоречие, улика не находит места или отсутствует нечто существенное, ещё не есть целое. Целое из поиска, нахождения и дальнейшего поиска называется процессом истины. Это не обмен, в котором истина создавалась бы по произволу, поскольку то, что в нём значимо, должно выдерживать и то, что не подчиняется никакому желанию и никакому большинству.

Отсюда становится понятным и другой способ выражения. Он возникает через обращение: когда порядок найден, взгляд обращается на него самого. Объяснение называется истинным, если оно полно и без противоречий объясняет саму суть дела; сообщение — если оно передаёт всё существенное в подходящей форме; понятие — если с его помощью можно постичь целое. А с помощью полученного понятия можно измерить саму суть дела. Стул на двух ножках, который опрокидывается, — это не настоящий стул; кто проявляет себя в беде, тот истинный друг; произведение удалось, если оно есть то, чем должно быть. Эта истина самой сути дела не противостоит первой. Она возникает из неё, ведь понятие, которым измеряется сама суть дела, было получено в проверке, и она тоже обнаруживается лишь в целом жизни или действия.

Познанная истина может содержать заблуждения, которые обнаруживает лишь лучший порядок. Учение о флогистоне какое-то время было лучшим объяснением горения и всё же было сменено лучшим; то, что в этом учении объясняло феномены, осталось сохранённым в этом лучшем объяснении. Поэтому процесс истины не останавливается.

20.3 Беговая дорожка и другая бесконечность

Напрашивается одно возражение: если поиск никогда не кончается, то не тщетен ли он? Цель, которая остаётся недостижимой, кажется не целью, а беговой дорожкой.

Возражение попадает в определённый образ бесконечности: «всё-ещё-одно-больше». Ещё один факт, ещё одно исследование, ещё одна перспектива — а цель остаётся равно удалённой, как число, к которому всегда можно прибавить единицу. Если бы истина была бесконечной таким образом, возражение было бы справедливым.

Но проверьте этот образ на вашем собственном пути через эту книгу. Когда выяснилось, почему палка в воде кажется сломанной, — сделали ли вы тогда лишь шаг к далёкой цели или нечто познали? Кто понял, почему, тот нечто познал, и это постижение было целым, а не половинчатым. То, что оптика после этого продолжила спрашивать, не сделало это постижение неполным, а сделало его живым. Отдельный поиск заканчивается, когда выяснен его повод, для той цели, ради которой был задан вопрос. Процесс, в котором он стоит, не заканчивается.

Это другая бесконечность: не бесконечно далёкое, а процесс, который действителен в каждом своём шаге. Целое не ждёт в конце пути; оно уже действует в каждом познании и движет за его пределы. Каждое постижение есть познанная истина, и ни одно не является последним. Если смотреть снаружи, поиск истины похож на горизонт, который отступает тем дальше, чем ближе к нему подходишь. Изнутри каждый шаг есть обретённая почва. Горизонт отступает — почва остаётся.

У философии есть имена для обоих образов: «всё-ещё-одно-больше» называется дурной бесконечностью, а процесс, который в каждом шаге остаётся у себя, — истинной. От неё зависит, означает ли бесконечность поиска истины тщетность или продвижение.

20.4 Много путей, одно направление

Поскольку проверка имеет направление — к целому, которое ничего не утаивает, — не все пути одинаково хороши. Поскольку же это целое раскрывается только в проверке, к нему всё же ведут многие пути. Эту позицию можно назвать ориентированным плюрализмом: ориентированным, потому что есть направление, и плюральным, потому что различные перспективы на один и тот же предмет дополняют друг друга. Направление при этом задают

не определённые результаты, а сам способ проверки: что приводятся основания, сводятся вместе перспективы, прорабатываются противоречия и каждый результат остаётся доступным другим для проверки и пересмотра. Оркестр показывает это: хаос возникает, когда каждый играет сам по себе, однородная каша — когда все играют одно и то же. Музыка возникает, когда различные голоса соединяются в одно целое.

Различение из главы 5 действует и здесь. Некоторые позиции нащупывают части — результаты, данные, наблюдения, которые лишь вместе дают картину; они проверяются на то, насколько они вписываются в целое. Другие представляют собой целые способы видения, как гетеронимы Пессоа; их спрашивают о том, что они видят, не сводя их к строительным блокам. Это не значит всё гармонизировать. Кое-что можно спасти, кое-что — лишь ограничить, кое-что — лишь вытерпеть. Поиск истины различает, отвергает с обоснованием и оставляет открытым то, что ещё не нашло честного опосредствования. Интеграция↑ приходит после проверки, а не вместо неё. Это и есть третий путь, о котором говорило предисловие: не середина между лагерями, а прежде всего вопрос к каждому: что он увидел.

Поэтому у многообразия есть граница. Проблематичной становится позиция, когда она завершает проверку, прежде чем та началась: объявляя собственную истину неприкосновенной, любую истину — игрой власти или отдавая суждение на откуп экспертам. Кто принципиально отказывается от обоснования, тот сам исключает себя из общей проверки. Открытость, которая признаёт правомерной даже враждебность к проверке, снимает саму себя. Позиция, которая оставляет проверку открытой, соединяет и то и другое: «Я могу заблуждаться, но у меня есть веские основания» (DE: „Ich kann mich irren, aber ich habe gute Gründe.“). Она ищет встречи с другими, а не отталкивает их, проверяет во взаимодействии то, что нельзя проверить в собственной голове, и открыто говорит, чего ещё не знает.

Глава 21: Делает ли этот текст то, что он говорит?

21.1 Путь

Оглянитесь назад на путь, который вы прошли. Он начался с вопроса, который сам себя предполагает: кто спрашивает, что есть истина, хочет получить истинный ответ. Он привел к предпосылкам, которые нельзя оспорить, не пользуясь ими, к деятельности, заключенной в самом простом восприятии, и к пред-суждениям, которые ею руководят. Из многих сообщений

получился слон, из противоречий — двери, из улик — дело. И все эти шаги вели к вопросу, которого ни один из них не ставил: если проверка, предполагание и соединение происходят всегда в опыте, то что тогда означает соответствие действительности? Ответ — что действительность заявляет о себе в сопротивлении, внутри опыта, а не в потустороннем от него, — собрал воедино то, что подготовила первая часть. Отсюда стало видно, что разные области сопротивляются по-разному и хотят быть поняты по-разному, что проверку можно развить в метод и что ее, поскольку она освобождает, нужно защищать, в том числе от тех, кто препятствует ей во имя истины. Труднее всего было проверить то, что вообще отсутствует: опущенное, которое делает картину, состоящую из одного только истинного, кривой. Только после этого можно было подытожить, что есть истина.

> Эксперимент 22: Объяснение в обратном порядке
>
> Был ли порядок случайным? Могли бы мы также начать с принципа детектива и закончить самоотнесённостью?
> Попробуйте: объясните кому-нибудь принцип детектива, не поговорив прежде о связи разных перспектив. Или объясните диалектику тому, кто никогда не переживал противоречие как плодотворное. А для более поздних частей пути: можно ли говорить о злоупотреблении проверкой, прежде чем станет ясно, что означает соответствие? Или о калибровке, прежде чем научишься взвешивать улики? Что происходит?
> Вероятно, это каждый раз получается, но труднее: то чего-то не хватает, то многое остается абстрактным. Другой порядок был бы возможен, но выбранный не произволен.

Путь обладал необходимостью, которая возникла только в самом прохождении. Необходимо при этом означает не то, что нельзя было помыслить другой путь, а то, что каждый шаг имел основание в предыдущем. Каждое понятие показывало, чего ему еще не хватает, и тем самым толкало к следующему. Но ретроспектива может льстить: задним числом многое кажется необходимым, хотя лишь произошло. Более жестокая проба — делает ли текст то, что говорит, — перформативно ли он состоятелен.

21.2 Проба

Утверждалось: истина возникает в осуществлении. Её не перенимают как готовое предложение, она образуется в собственном проверянии. Текст

начался не с определения, в которое вы должны были поверить, а с того, что вы уже делаете. Остался ли он при этом, можете судить только вы: в скольких местах вы проверяли сами, а в скольких должны были лишь следовать?

Утверждалось: всё должно подходить друг к другу. Проверьте это: есть ли незакреплённые концы? Встраивается ли каждая глава в целое? Где нет, там текст в этом месте неправ.

Утверждалось: пред-суждения неизбежны, но они должны быть осознанными и пересматриваемыми. И этот текст предполагает нечто, и не всё одним и тем же образом. То, что истина имеет значение, что основания должны иметь силу и что другой есть возможный проверяющий, которому мы их должны, — это не пред-суждение, которое можно было бы пересмотреть. Кто это оспаривает, хочет добиться правоты с помощью оснований и тем самым претендует на то, что оспаривает; из этого исходила книга. Кто проверяет, кроме того, претендует на то, что суждение ориентируется на саму суть дела, а не на желание, и что поэтому каждый результат может быть исправлен. Тем самым он не претендует на содержание: что в отдельном случае истинно, не следует ни из одной из этих предпосылок, оно должно сначала обнаружиться в проверке. Эти предпосылки текст не привнёс извне, он выявил их на осуществлении проверки. Кто, однако, хочет не проверять, а лишь остаться правым, того не достигнет ни один аргумент; в общий поиск не ведёт никакое доказательство, только готовность вступить в обсуждение оснований. Иначе обстоит дело с тем, что текст предполагает о людях: что они могут быть разумными и что взаимопонимание удаётся. Это ожидания, а не условия, и опыт может их обмануть, в отдельном случае достаточно часто. Первые обеспечены осуществлением, которое на них претендует, вторые — лишь подтверждением.

И примеры этого текста не упали с неба. Подержанный автомобиль, детектив, бабушкин рецепт — это определённый язык, определённая культура, определённое время. Другой текст выбрал бы другие примеры. Притязание заключено не в примерах, а в осуществлениях, которые становятся на них видимыми, и они должны точно так же обнаруживаться на ваших собственных, других примерах, иначе книга неправа.

Утверждалось: проверка делает свободным. Чувствуете ли вы себя свободнее, ничего не доказывает — даже фальсификация может породить это чувство. Остаётся проба направления из главы 22: Проверяете ли вы теперь без этой книги лучше, чем раньше?

Утверждалось: принципы могут быть перевёрнуты. Это относится и к этой книге. Кто использует её, чтобы чувствовать превосходство — «уж я-то

просвещён, а другие мыслят лагерно» (DE: „ich bin ja aufgeklärt, die anderen sind Lagerdenker“), «я вижу манипуляцию насквозь, а другие нет» (DE: „ich durchschaue die Manipulation, die anderen nicht“) —, тот её не понял. Его понятия можно использовать как дубинки, а его пробы — против любого убеждения, которое вам не подходит. Против этого защищает только одно: применять их сначала к самому себе: Где я догматичен? Какие из моих убеждений я оберегаю от критики? И вопрос из главы 11a.4: Когда меня в последний раз переубедили в чём-то важном для меня?

Утверждалось: даже сплошь истинное может дать кривую картину — из-за того, чего недостаёт. Это касается и этой книги. Случаи в части IV отобраны так же, как любое сообщение. Проверьте на них то, чего требует глава 19: Происходят ли они из всех лагерей, задаётся ли каждому один и тот же вопрос, и чего недостаёт?

Остаётся вопрос, открыт ли этот текст для критики или иммунизирует себя посредством своей самореферентности. Любое возражение, которое вы можете сформулировать, приветствуется. Покажите, что текст противоречит своим собственным принципам, — тогда он в этом месте опровергнут и должен быть изменён. Неуязвим только его исходный пункт; он пал бы лишь в том случае, если бы нашёлся кто-то, кто оспаривает проверку, не проверяя при этом. Это условие никто не может выполнить, но оно не укрытие, а открытая неопровержимость проверки из главы 22.3. Опровержимым остаётся всё, что построено на этом основании. Сюда относится и то, как проверяется, и всё, что эта книга об этом говорит, вплоть до её понятия проверки. Оспорить нельзя только то, что проверка осуществляется, и то, на что при этом претендует всякая проверка; даже тот, кто корректирует понятие проверки, проверяет. Поэтому возражение, что здесь всё пересматриваемо, кроме одного предложения, не попадает в цель: исключено не предложение, а осуществление, без которого не было бы никакого пересмотра.

Поэтому текст о процессе истины никогда не может быть завершён. Если бы он считал себя законченным, он противоречил бы своему собственному тезису. Последнее суждение выносит не он, а вы.

21.3 Куда ведет путь дальше

То, что было развито здесь в осуществлении, указывает в двух направлениях за свои пределы.

Первое — вопрос, откуда берутся формы проверки и как они связаны — как упорядочивать, не теряя того, что важно. Проверка хочет понять самое себя, и тот, кто в ней опытен, остается спонтанным и скорее замечает, когда нужно сменить направление.

Второе — это действие. Вы уже признаете других действующими, когда в дорожном движении ожидаете не препятствия, а людей, которые принимают решения и совершают ошибки. При готовке вы соединяете вкус, здоровье, время и деньги, не задумываясь об этом. Когда ребенок вечером еще хочет играть, а утром должен быть выспавшимся, вы ищете решение, которое учитывает оба интереса. И если вы стоите в два часа ночи пешком перед красным светофором на пустой улице, вы спрашиваете, для чего существует это правило. Это те же способности, которыми вы проверяете. Кто понимает, что он делает при мышлении, тот может поэтому и действовать более осознанно.

У истины много лиц — но она одна. И вы можете ее познать.

Читать далее: *Мышление – Упорядочивать, не теряя* (2025), Гл. 12, *Этика – Добро, которое мы уже делаем* (2026)

приложение A: что увидели теории истины

A1 Введение: старый спор

Представьте себе салон, в котором уже две с половиной тысячи лет спорят об истине. На одном конце кто-то придерживается самого древнего ответа: истинно предложение, когда оно говорит, что есть. На другом конце когерентист восклицает: «С чем же Вы хотите сравнить предложение? У нас есть только наши суждения. Истинно то, что вписывается в целое нашего знания!» (DE: „Womit wollen Sie den Satz denn vergleichen? Wir haben nur unsere Urteile. Wahr ist, was sich in das Ganze unseres Wissens fügt!“) Между ними говорят прагматисты («Истинно то, что в долгосрочной перспективе оправдывает себя» (DE: „Wahr ist, was sich auf die Dauer bewährt“)), теоретики дискурса («Истинно то, что могло бы в свободной проверке устоять перед всеми» (DE: „Wahr ist, was in freier Prüfung vor allen bestehen könnte“)) и конструктивисты («Мы сами строим нашу действительность» (DE: „Wir bauen unsere Wirklichkeit selbst“)).

У каждого есть убедительные аргументы, и каждый может показать слабости других. Спор кажется бесконечным.

История о слепых учёных из главы 5 наводит на предположение: возможно, каждый прав в том, что он ощупал, и неправ, как только принимает это за целое. Тогда настоящий вопрос не в том, кто прав, а в том, в каком отношении эти ответы сочетаются друг с другом. Настоящее приложение проверяет это предположение на самих теориях. Для каждой из теорий оно указывает, что эта книга от неё воспринимает и чего у неё не перенимает, а для большинства — где остаётся открытым вопрос.

А2 Как возник спор

Различные моменты одного и того же поиска

Поиск истины, как показал основной текст, имеет различные моменты. Нечто должно себя показать (глава 3, 10). Оно должно соответствовать остальному (глава 8). Другие должны иметь возможность его перепроверить (глава 11.1, 16.2). И оно должно подтвердить себя (глава 10.5).

Эти моменты связаны между собой, но каждый можно рассматривать сам по себе, и история философии это делала. Эмпирики исходили из опыта, рационалисты — из порядка, который привносит рассудок; прагматисты ставили в центр подтверждение, теоретики дискурса — совместную проверку.

Почему каждый раз одно из них становилось мерой

У каждого из этих моментов есть случаи, в которых, кажется, решает он один. Действует ли таблетка, показывает опыт; верно ли доказательство — связь высказываний; выдерживает ли мост — его несущая способность. Кто исходит из таких случаев, снова находит свой момент повсюду, а остальные — лишь как придаток. Большинство этих теорий знали остальные моменты и встраивали их. Спорили о том, какое из них является мерой остальных.

Таково положение учёных в этой истории, только в более тонкой форме: каждый верно описывает то, что держит в руке, и считает это тем, по чему должны измеряться остальные части.

А3 Пирронический скептицизм: воздержание от суждения

Уже античные философы сделали из спора учений собственное умозаключение: не выносить решение. Их родоначальником считается Пиррон из Элиды (около 360 – около 270 до н. э.), который не оставил ничего письменного. В разработанном виде мы знаем это учение из *«Основ пирронического скептицизма»* греческого врача Секста Эмпирика (II век н. э.). Скептиком там называется исследующий, который продолжает поиск.

С скептиком из главы 2 у пирроника мало общего. Он не утверждает, что ничего нельзя знать; он воздерживается даже от собственных формулировок. Скепсис для Секста — это умение: противопоставлять всякой речи равносильную (*Основы* I 8). Из равной силы, по-гречески *isostheneia*, следует воздержание от суждения, *epoché*, и, как её тень, невозмутимость, *ataraxia*. Секст рассказывает по этому поводу о живописце Апеллесе, который не мог изобразить пену у рта лошади и в конце концов бросил в картину губку; отпечаток дал пену. После этого вполне возможна жизнь: скептик следует тому, что ему является, голоду, обычаям своей страны, правилам своего ремесла, не утверждая, что это так.

Как найти равносильную противоположную речь, учат тропы — обороты, с помощью которых можно приостановить любое суждение. Пять из них предание приписывает скептику по имени Агриппа (*Основы* I 164–177). О каждом предмете существует разногласие. Кто хочет его разрешить, нуждается в основании, основание — в дальнейшем основании, и так до бесконечности; кто обрывает, тот предполагает, и противник с тем же правом может предположить противоположное; кто берёт основание из обосновываемого, вращается в круге. К тому же всё является лишь в соотношении с тем, кто выносит суждение. Регресс, обрыв и круг — три выхода из трилеммы Мюнхгаузена из главы 1.

Книга многое из этого принимает. Возражение из главы 2 не затрагивает пирроника: кто ничего не утверждает, не противоречит себе в утверждении. Тропы — это настоящие проверочные вопросы, которые задаёт каждый, кто проверяет: на что опирается основание, что предполагается, не поддерживают ли основания друг друга лишь взаимно, насколько суждение зависит от точки зрения? И там, где основания действительно равносильны, воздержание — правильный ответ; книга называет это — оставить вопрос открытым (глава 20.4).

Противоречие↑ возникает при осуществлении, а не при высказывании. Равная сила двух речей — не исходный пункт, а результат. Чтобы его получить, скептик должен искать и взвешивать противоположную речь, пока она не станет равной первой. Он, следовательно, проверяет, используя то самое различие между лучшим и худшим обоснованием, на котором он не хочет фиксироваться. Если он говорит, что равенство лишь так ему является, то это результат, который может оказаться иным, и часто оказывается иным: что семью восемь — пятьдесят шесть, можно проверить вычислением, и никакая противоположная речь это не перевесит (глава 19.4). Так же и жизнь согласно являющемуся. Врач, каким был Секст, даёт больному средство, которое себя оправдало, а не какое-нибудь; то, что

ему является, уже проверено и взвешено (глава 3, 10.5). Поэтому различие состоит не столько в действии, сколько в названии. Пирроник воздерживается от слова «знание»; книга называет так суждение, которое притязает на столько достоверности, сколько выдерживают его основания, и способно корректироваться.

Поэтому на тропы Агриппы книга отвечает не первым положением, которое остановило бы регресс; такое положение было бы предпосылкой, которую противник вправе обратить. Она отвечает опорой в осуществлении (глава 1). Даже воздержание возникает только через проверку; оно — один из его способов, а не его противоположность. То, что на этом строится, остаётся опровержимым (глава 21.2). Гегель, который ставил античный скепсис значительно выше скепсиса своего времени, считал в 1802 году пять тропов наиболее пригодным оружием против всякого учения, полагающего нечто конечное как безусловное, и непригодным против философии, которая этого не делает.

Остаётся открытым вопрос о покое. Пирроник находит его там, где перестаёт решать, книга находит свободу в проверке (глава 16). Успокаивает ли воздержание или оставляет вопрос, на который можно было бы ответить, показывает лишь единичный случай.

A4 Корреспондентная теория: Сопротивление указывает направление

Самое древнее свидетельство находится у Аристотеля: «Говорить, что сущее не есть или не-сущее есть, — ложно; говорить, что сущее есть и не-сущее не есть, — истинно» (DE: „Zu sagen, das Seiende sei nicht oder das Nichtseiende sei, ist falsch; zu sagen, das Seiende sei und das Nichtseiende sei nicht, ist wahr“) (*Метафизика* IV 7). Схоластика превратила это в формулу соответствия рассудка с вещью, *adaequatio intellectus et rei*, которую Фома Аквинский приводит в *De veritate*. Тем самым видно, на что опирается всякий поиск истины: наши мысли должны соразмеряться с чем-то, что не подвластно нашему произволу.

Этот момент книга сохраняет. Книга не перенимает один образ, который часто связывается с этой формулой: будто нужно выйти из сознания и положить мысль и вещь рядом друг с другом. Соответствие обнаруживается в сопротивлении определённых опытов нашим желаниям и истолкованиям. Тот, кто уверен, что положил ключ в карман, может внушать себе это

сколь угодно настойчиво — пуст ли карман, решает не он. На этой границе корреспонденция переживается — внутри опыта, а не по ту сторону его. Сравнение через пропасть отпадает. Настоящее сравнение проходит между мыслью и восприятием, как это развила глава о сравнении, которое не является сравнением (глава 10.4).

Остаётся открытым, что соответствует истинному предложению, которое говорит о том, с чем невозможно встретиться: о числе, о норме, о том, чего нет. К этому возвращается раздел о делателях истины.

A5 Когерентная теория: система должна быть согласованной

Как разработанная теория когерентная теория истины возникла около 1900 года в британском идеализме, у Фрэнсиса Герберта Брэдли и Бернарда Бозанкета; немецкая предварительная форма обнаруживается уже двумя десятилетиями ранее у Лотце и Виндельбанда (раздел B7a). Гарольд Г. Джоаким придал ей завершенную форму в *The Nature of Truth* (1906), а Брэнд Бланшард в *The Nature of Thought* (1939) — ее наиболее влиятельную форму. Ее исходный пункт — возражение против рядоположения: мы подходим к вещам не иначе как в суждениях, следовательно, суждение может измеряться только другими суждениями. Истинно то, что встраивается в объемлющее, непротиворечивое целое нашего знания и поддерживается им. Как у детектива, в конце все указания должны найти свое место.

Возражение, которое напрашивается, — что и бред может быть внутренне согласованным, — было известно теоретикам когерентности. Бланшард отвечал, что имеется в виду связь со всем, что испытывается, включая восприятия, а не с какой-то выборкой. Тем самым он стоит там, куда приходит глава 10: когерентность в этом широком смысле включает то, что навязывается, и проверка на соответствие является ее самым требовательным случаем. Позднее Николас Решер сформулировал теорию скромнее: когерентность — это не то, чем является истина, а критерий, по которому мы ее познаем (*The Coherence Theory of Truth*, 1973). Дональд Дэвидсон в 1983 году попытался показать, что когерентность, правильно понятая, дает соответствие.

Главы 7 и 8 подхватывают ядро: что отдельное усмотрение имеет свою опору в связи и что противоречие указывает, где порядка недостаточно. Однако прежде всего Брэдли и Джоаким настаивали на пункте, которому эта

книга не следует: полностью истинной была бы лишь завершенная система, каждое конечное суждение — лишь отчасти, в степенях. Джоаким сам сделал из этого вывод, что и его теория может быть лишь частично истинной. Усмотрение, которое каждый раз достигается, напротив, является целым, не половинчатым, но не последним (глава 20.3). Оно не обломок далекой системы, а наилучший порядок того, что мы сейчас знаем, и сохраняется в каждом лучшем порядке.

На положение Гегеля «Истинное есть целое» британские идеалисты охотно ссылались. Что оно означает у Гегеля и как путь этой книги соотносится с Гегелем, изложено в приложении C.

A6 Прагматизм: Плоды показывают дерево

Чарльз С. Пирс определил в 1878 году истину как мнение, к которому в конечном счёте пришли бы все исследователи, а действительное — как то, что в этом мнении представляется. Уильям Джеймс развил из этого учение о подтверждении: истинное есть целесообразное в нашем мышлении, «в долгосрочной перспективе и в целом» (DE: „auf lange Sicht und im Ganzen“). Истина↑ «случается» с идеей, она становится истинной благодаря тому, что происходит (*Pragmatism*, 1907). Джон Дьюи в конце концов заменил это слово выражением «оправданная утверждаемость» (DE: „gerechtfertigte Behauptbarkeit“) (*Logic*, 1938). Тем самым они увидели, что различие между истинными и ложными идеями проявляется в их следствиях и что идея, не имеющая следствий, не поддаётся проверке.

К этому примыкает глава 10.5: мы проверяем, действуя. Возражение, которое обычно выдвигают против прагматизма, он увидел и сам: не всякий успех показывает истину. Обман может какое-то время работать, ложь может быть краткосрочно выгодной. Поэтому Джеймс говорил о долгосрочной перспективе и целом, Пирс — о конце исследования.

Перформативная точка зрения соглашается с этим: истина — это осуществление, а не статичное состояние, и она должна проявляться на практике. Но она различает: не всякий успех есть истина. Критерием является не произвольная полезность, а устойчивое подтверждение в открытом столкновении с тем, что сопротивляется. А подтверждение — больше, чем просто функционирование, потому что к нему принадлежит мысль, которая схватывает действие и без которой оно было бы блужданием вслепую (глава

10.5). Ближе всего к этой книге здесь Пирс, у которого истина заключается в ходе исследования, а не в отдельном успехе.

В одном вопросе пути расходятся: что происходит с истиной, на которую никакое исследование никогда не натолкнётся, потому что её следы утрачены. Пирсу тогда трудно ещё говорить об истине. Глава 10.6 отказывает в смысле заблуждению, которое принципиально никак не могло бы обнаружиться. Но прошлое с затёртыми следами не является принципиально недоступным: следы позволили бы проверку, только они утрачены. Открытым остаётся, насколько тогда ещё можно говорить об истине, когда сопротивление, с которым в остальном книга всё связывает, уже не может дать о себе знать.

A7 Консенсусная теория: Совместный поиск как критерий истины

Юрген Хабермас в своей статье «Теории истины» (DE: „Wahrheitstheorien“) (1973) понял истину как притязание, которое выдвигает утверждение и которое можно реализовать в дискурсе: истинно то, с чем могли бы согласиться все, кто свободен от принуждения и обмана и участвует в проверке. Карл-Отто Апель, вслед за Пирсом, мыслил согласие неограниченного сообщества аргументирующих и доказывал, что предпосылки аргументации нельзя оспорить, не пользуясь ими в самом оспаривании: тот, кто пытается это сделать, совершает перформативное самопротиворечие. Оба показали то, что предполагает каждый, кто аргументирует: что его основания должны быть значимы для всех и что каждое возражение должно быть услышано.

Здесь согласие с этой книгой наибольшее. Поиск истины никогда не бывает одиноким: другие сопротивляются нам как те, перед кем мы обязаны давать основания (глава 11.1), а тот, кто принципиально отказывается от обоснования, сам исключает себя из совместного поиска (глава 20.4).

Отвергается, напротив, мысль, будто согласие делает истинным. То, что все считают нечто истинным, не делает его истинным, даже согласие в идеальных условиях. Согласие возможно потому, что проверяющие относятся к одной и той же действительности, как слепые — к одному и тому же слону. Этот шаг Хабермас позже сделал сам (*Wahrheit und Rechtfertigung*, 1999): истина выходит за пределы любого, сколь угодно хорошего обоснования, а дискурс относится к совместно предполагаемому объективному миру. В этом пункте поздний Хабермас встречается с принципом слона. Дискурс

тогда есть место, где истина проверяется и находится, а не место, где она возникает.

Ещё не прояснено, в чём в отдельном споре видно, что согласие основано на самом деле, а не на давлении. Главы 10a.3 и 10.5 назвали для этого пробы — независимость тех, кто соглашается, свободу отклоняться и то, что стало с возражением, — формулы же нет.

A8 Кант: Граница изнутри

Иммануил Кант номинальное определение истины — что она есть согласие познания со своим предметом — прямо назвал «подаренным и заранее предположенным» (*Критика чистого разума*, A 58/B 82). Тем самым он не утверждает сравнение с вещью снаружи; он отрицает, что существует признак, по которому это согласие можно было бы прочитать при любом содержании. Его вопрос был иным: при каких условиях нечто вообще может быть для нас предметом? Наше познание нуждается в созерцании и понятии, наше созерцание чувственно, а пространство и время, равно как и понятия вроде причины, происходят из нас. Поэтому мы познаём вещи так, как они являются, а не так, как они суть сами по себе.

Явление при этом не означает видимость. Вещи в пространстве действительны, а сон и действительность различаются у Канта по связи: по тому, соединяются ли представления по правилам в опыт. Понятие ноумена, вещи самой по себе, он называет «пограничным понятием», которое имеет только негативное употребление (A 255/B 310 и далее): оно должно ограничивать притязание чувственности, а не описывать второй мир. От предела, простого отрицания, Кант эту границу отличает специально. Мы знаем её, потому что знаем, что наше созерцание чувственно, а иное, нечувственное, по меньшей мере можем мыслить.

Кант увидел, что познание деятельно и привносит нечто в то, что оно находит, — это результат главы 3 — и что разум, не проверяющий свои границы, запутывается в противоречиях. Близка ему эта книга и там, где отвергает сравнение через пропасть и различает действительность и обман по связи опыта (главы 8, 11.3a, 11.3b). В том, что касается данного, она ближе Канту, чем Гегелю. Мышление не порождает то, на чём оно себя проверяет; ему должно показаться нечто, что не подчиняется желанию (главы 11, 11a). Положение Канта «Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы» (DE: „Gedanken ohne Inhalt sind leer, Anschauungen ohne Begriffe sind

blind“) (A 51/B 75) книга сохраняет в образе сопротивления. Гегель в своей логике отверг его ради понятия, но отмечает, что философия обязана своим развитием эмпирическим наукам.

И тот способ, которым глава 7 разрешает противоречие с палкой в воде, показал уже Кант. Его антиномии суть пары положений о мире как целом, например что мир имеет начало во времени и что он его не имеет, которые противоречат друг другу и всё же кажутся доказуемыми. Кант показывает, что противоречие связано с молчаливым допущением о предмете: будто мир как целое есть вещь сама по себе. Когда это допущение отпадает, противоречие оказывается видимостью, и Кант может объяснить, почему обе стороны кажутся необходимыми. Так же и с палкой: «прямая» относится к палке, «сломанная» — к её виду в воде, а преломление света объясняет, почему она так является. Гегель воспринял этот кантовский способ и перевернул его. У него противоречие связано с определениями, которые мы мыслим, а не с предметом, о котором мы ничего не знаем, и его разрешение есть продвижение к более богатому определению. Ближе к этой версии книга там, где противоречие лежит в самом деле и двигает его дальше: у понятия, которое нельзя определить непротиворечиво (глава 11.2), или у картины мира, которая больше не выдерживает своих рассогласований (глава 15.3).

Не перенимается вывод, будто формы поэтому только наши и граница заранее установлена. Глава 10.6 разбирает это возражение в его сильнейшей форме. Более слабая форма, которую глава ранее отвергает — будто предел познаётся через сравнение с истинным делом, — не является кантовской; он сам исключил её с помощью пограничного понятия. Собственный ответ Канта, что граница известна, потому что мы по меньшей мере можем помыслить иное познание, книга принимает так: что дело может быть больше, чем наш образ, она допускает. Оспаривается то, что можно заранее установить, что нам принципиально закрыто: познание, о котором мы не знаем ничего, кроме того что оно не наше, не даёт для этого масштаба, точно так же как заблуждение, которое никак не могло бы обнаружиться, невозможно было бы отличить от истины.

Спорным остаётся вопрос, который занимал Канта больше всего: каким образом суждения, говорящие больше, чем отдельный опыт, например о причинах, могут быть всеобщими и необходимыми. Кант ищет необходимость в условиях, которые установлены до всякого опыта. Книга ищет её в основаниях, которые можно указать и которые должны подтверждаться. Это меньше, чем притязал Кант, но не отказ от необходимости: и у Канта для

его необходимости есть основания, аргумент об условиях опыта, а на геометрии показано, что заранее не знали, как устроено пространство вещей (глава 10.6).

И в другом месте книга обязана Канту благодарностью: понятие цели природы, организованного существа с внутренней целесообразностью, которое, в отличие от продукта искусства, имеет свою цель не вовне себя, лежит в основе ступеней целесообразности в главе 15.2 (*Критика способности суждения*, §§ 64–66).

A9 После Канта: Значимость вместо согласия

Через столетие после Канта философы, опиравшиеся на него, сделали из его границы вывод, которого он сам не делал. Герман Лотце в своей *Логике* (1874) показал: всё, что мы знаем о внешнем мире, мы имеем в представлениях. Поэтому о том, истинно ли целое наших представлений, нельзя решить через сравнение с действительностью, которая сама известна нам только в представлениях. Отличительным признаком истинного предложения для Лотце является не бытие наряду с предложением, а его значимость. Истинное предложение значимо, мыслит его кто-либо или нет; то, что кто-то его мыслит, есть процесс в голове, а то, что оно значимо, — не процесс.

Вильгельм Виндельбанд, защитивший у Лотце диссертацию, в 1881 году в работе к столетию кантовской «Критики» высказал следствие открыто. Поскольку мы никогда не можем сравнивать ничего, кроме представлений с представлениями, понятие истины не может более означать согласие представлений с вещами: «оно сводится к согласию представлений между собой» (DE: „er reduziert sich auf die Übereinstimmung der Vorstellungen untereinander“). Это, за четверть века до Иоахима, когерентная теория в одном предложении. Но поскольку и бред может быть внутренне согласован, Виндельбанду нужен был масштаб для того, какое согласие имеет значение. Он нашёл его в норме. Истинно то, что связано так, как оно должно быть связано: так, как судило бы сознание, которое следует не случайности собственного положения, а только тому, что значимо для всех. Это «нормальное сознание» не есть человек, который где-либо существует, а масштаб, которым каждый измеряет своё суждение. Логика тем самым становится, как и у Кристофа Зигварта, нормативной наукой: она не описывает, как люди фактически мыслят, а говорит, как они должны мыслить, если ищут истину.

Тем самым увидено троякое, и книга это принимает. Во-первых: сравнение через пропасть не происходит; у нас нет точки зрения рядом с нашими представлениями, с которой мы могли бы прикладывать их к вещам (глава 10.3). Во-вторых: значимо ли суждение — это нечто иное, чем вопрос, выносит ли его кто-либо и как. Поэтому основания нельзя устранить историей их возникновения. В-третьих: поиск истины стоит под долженствованием. Кто проверяет, тот следует правилам, которые не являются его частным делом, а кто принципиально отказывается от обоснования, тот сам исключает себя из совместного поиска (главы 18.3, 23.1).

Не перенимается путь, которым они пришли к когерентности. Они пришли к ней потому, что корреспонденция потерпела неудачу на вещи самой по себе: образ мысли здесь и вещи там они сохранили, а когда вещь оказалась недостижимой, осталась только одна сторона. Но вместе с вещью самой по себе они отдали и то, что вовсе не лежит в потустороннем. Среди самих представлений есть такие, которые навязываются и которые нельзя устранить никаким желанием и никаким перетолкованием. Пустой карман — тоже представление, но такое, которое не уступает (глава 10.7). Им не хватает категории сопротивления. С ней корреспонденция внутри опыта возвращает себе то, что потеряла по ту сторону: действительное сравнение проходит между мыслью и восприятием, между доступами, которые поддерживают или корректируют друг друга (глава 10.4). «Согласие представлений между собой» (DE: „Übereinstimmung der Vorstellungen untereinander“) тогда правильно, если понимать под ним также согласие с тем, что не подчиняется; так позже это сформулировал Бланшард (раздел B4). Без сопротивления норма говорит, что следует правильно связывать, но не говорит, какое представление должно уступить, когда два противоречат друг другу.

Открытым остаётся, насколько далеко простирается слово Лотце. Для числа, нормы и того, чего нет, корреспондентной теории недостаёт предмета, с которым можно было бы встретиться (раздел B3). То, что предложение значимо, хотя ему не соответствует ничто встречаемое, — быть может, более точное описание этих случаев. Оказываются ли там значимость и сопротивление двумя именами одного и того же опыта, а именно что мы не распоряжаемся истиной предложения, — вопрос, который эта книга не решает.

А10 Конструктивизм: Мы создаём нашу действительность

Хайнц фон Фёрстер назвал объективность бредовой идеей субъекта, будто он может наблюдать, не наблюдая самого себя. Эрнст фон Глазерсфельд предложил вместо «истины» говорить о «жизнеспособности»: наше знание подходит к действительности, как ключ к замку, который он открывает, не отображая его. Верно здесь то, что не бывает познания без деятельности того, кто познаёт: даже кажущийся непосредственным опыт уже опосредствован.

Глава 3 своим путём приходит к тому же результату. И Глазерсфельд сам видел границу, которую ему обычно противопоставляют: жизнеспособно лишь то, что не терпит неудачу, а в неудаче показывает себя то, что мы не конструируем произвольно. Именно здесь начинается проверка через сопротивление. На сопротивлении, на котором построения терпят неудачу, видно, что означает корреспонденция: суждение должно ориентироваться на дело, а не дело на суждение (глава 10.4).

Спорным остаётся, что следует из неудачи. Для Глазерсфельда мы узнаём о действительности только там, где она нас не пропускает, не получая о ней образа. Принцип слона↑ говорит больше: там, где многие независимые пути терпят неудачу в одних и тех же местах и проходят в одних и тех же местах, возникает образ дела, и этот образ может подтверждаться или корректироваться (главы 5, 11.3c). Называть ли это познанием действительности или всё лучшим прилеганием, при проверке отдельных суждений почти безразлично. Важным это становится там, где из прилегания делают вывод, что о действительности нельзя узнать ничего, кроме её «нет».

А11 Языкопрагматический поворот: Витгенштейн, Остин, Стросон

Истина как языковая игра

Людвиг Витгенштейн перевёл взгляд со слова на его употребление. «Истинно» — это, согласно ему, не имя скрытого свойства, а слово, играющее роль в наших языковых играх. Что оно означает, мы узнаём, когда учимся тому, как оно употребляется. Для большого класса случаев, говорит он, значение слова есть его употребление в языке (*Философские исследования* § 43).

Джон Л. Остин показал, что некоторые предложения не описывают, а нечто осуществляют. «Я обещаю…» не сообщает об обещании, а даёт его. В лекциях *How to Do Things with Words* (прочитаны в 1955, опубликованы в 1962; по-немецки — *Zur Theorie der Sprechakte*) он показал далее, что и кажущееся простым установление факта есть акт, который может удаться или не удаться. Шаг к самой истине сделал Питер Ф. Стросон (1949): «Истинно, что…» (DE: „Es ist wahr, dass …“) не описывает предложение, а подкрепляет его — это действие, подобное согласию. Остин возразил ему в 1950 году и удержал согласие с фактами.

Оба увидели нечто: Стросон — что «истинно» в употреблении есть действие; Остин — что это действие измеряется чем-то, что оно само не создаёт. Перформативной точке зрения нужно и то и другое, и она расширяет взгляд: не только высказывание «Это истинно» есть осуществление, но и поиск, проверка и отвержение следуют различимым правилам.

Правила игры за истину

Глава 15.2 описывает те же правила как устройство науки. Кто считает нечто истинным, должен уметь указать основания. Различные правомерные точки зрения должны учитываться. Конфликты должны разрешаться и сниматься, а не обходиться. Всё должно согласовываться. И ни одна позиция не защищена от лучших аргументов.

Витгенштейн говорил бы о грамматике слова «истинно», Стросон — об акте подкрепления, Остин — о том, на чём этот акт может потерпеть неудачу.

A12 Хайнрихс: Четырёхчастное понятие истины

Немецкий философ Йоханнес Хайнрихс (род. 1942) определил истину всецело исходя из речи. Истинным или ложным для него является ещё не соединение мыслей, а лишь то, что один полагает перед другим: «Только при прагматическом полагании, утверждении и всём, что рефлексивно надстраивается над ним в речевых актах, можно говорить об истине и неистинности» (DE: „Erst bei der pragmatischen Setzung, der Behauptung und allem, was an Sprechakten auf ihr reflexiv aufbaut, kann man von Wahrheit und Unwahrheit sprechen“) (*Sprache*, т. 3, с. 299). Истиной тогда называется «совокупность имплицитных норм языкового действия, однако в отношении к его познавательному содержанию» (DE: „Inbegriff der impliziten Normen des sprachlichen

Handelns, allerdings im Hinblick auf ihren Erkenntnisgehalt“) (там же). Поскольку каждая речь одновременно относится к делу, к самому говорящему, к слушателю и к общему контексту смысла, эта норма имеет четыре стороны: правильность в отношении к делу, правдивость говорящего, ответственность перед слушателем и когерентность (с. 304–320). Новым здесь, по его собственному свидетельству, является то, что правдивость и ответственность причисляются к истине (с. 321). Не всё, что правильно, можно сказать везде; когда и как врач сообщает смертельно больному его состояние, касается, по Хайнрихсу, не только тактичности, но и истины самого сообщения (с. 311 и далее).

То, что раздел B12 показывает на теориях — что каждая сделала одну сторону истины мерой остальных, — Хайнрихс отстаивал задолго до этой книги: по собственному указанию, сначала в трёхчастной форме в статье, которую он написал в 1973/74 году и которая вышла в 1975 году, четырёхчастно в лекции 1975 года, разработано в его *Sprachtheorie* 1981 года. «Объявить одно-единственное из различенных измерений истины единственно определяющим и дефинитивным было бы столь же ошибочно, как возвести одно-единственное измерение языка в измерение языка» (с. 320). Согласие с делом у него — сторона, которую увидела корреспондентная теория, когерентность — сторона когерентной теории, ответственность перед слушателем — правомерный момент консенсусной теории. Примерно в то же время Юрген Хабермас в статье «Теории истины» (DE: „Wahrheitstheorien“) (1973) различил четыре притязания, которые выдвигает каждая речь: понятность, истину, правильность и правдивость; истиной он называет только одно из них, то, которое относится к утверждениям (раздел B6). Старше обоих является положение, что истинное есть целое, в котором односторонние определения имеют своё место; оно стоит в предисловии к гегелевской *Феноменологии духа* (1807; приложение B4). Хайнрихс сам приводит его как название высшей ступени когерентности и при этом отказывается от «квазитеологических импликаций речи об „истине“» (DE: „die quasi-theologischen Implikationen der Rede von ‚der‘ Wahrheit“) (с. 317).

> DE: „Eine einzige der unterschiedenen Wahrheitsdimensionen zu der allein maßgebenden und definitorischen zu erklären, wäre genauso verfehlt, wie eine einzige Sprachdimension zu der Dimension der Sprache zu erheben“

Хайнрихс увидел и то, почему когерентность не может включить в себя остальные стороны. К истине принадлежит «восприятие facta bruta» (DE: „das Wahrnehmen der facta bruta“), судьбоносного и невыводимого (с. 321);

от остальных сторон она получает «характер осязаемости, невыводимости, историчности и удивления» (DE: „den Charakter der Handgreiflichkeit, Unableitbarkeit, Geschichtlichkeit und Überraschung“) (с. 320). А поскольку истина включает эту восприимчивость к заранее данному, даже «самый единодушный консенсус» не может её создать (с. 317).

В этом книга на его стороне. То, что Хайнрихс называет facta bruta, здесь есть сопротивление (глава 10.7); то, что он говорит против консенсуса, говорит раздел B6; а его ответ на вопрос о безусловной истине — что она есть, «но как человеческая только в обусловленно-историческом осуществлении» (DE: „aber als menschliche nur in bedingt-geschichtlicher Verwirklichung“) (с. 323) — есть познанная истина из главы 23.5a, которая является целой, но не последней.

Не перенимается расширение слова. «Истинно» в этой книге всюду означает одно и то же; различным является то, чем проверяется (глава 12.1). Имеет ли письмо в виду то, что пишет, есть отдельный вопрос к нему (глава 13.3), а можно ли сказать сейчас смертельно больному некую истину, есть вопрос действия. Хайнрихс возражает: без практических сторон истину «невозможно отличить от идеологии, потому что идеология есть нечто иное, чем теоретическая ложность, а именно практическая неистинность» (DE: „nicht von Ideologie unterscheiden, weil diese etwas anderes ist als theoretische Falschheit, nämlich praktische Unwahrheit“) (с. 322). Книга распознаёт идеологию по тому, что она делает с проверкой: кто обманывает, тот вынужден ей препятствовать (главы 20.4, 21). А то, что Хайнрихс называет истиной сообщения, имеет своё место там, где книга говорит об истине дела, в том смысле, в каком друг есть подлинный друг: является ли сообщение тем, чем сообщение должно быть (глава 20.2). Эта вторая истина возникает из первой. Предложение, которое соответствует делу и всё же сказано не вовремя, остаётся истинным; промахивается само высказывание.

Открытым остаётся, насколько далеко отстоят друг от друга обе версии. Хайнрихс сам различает, что говорит предложение, и то, что некто им делает; он только хочет называть и то и другое истиной. Там, где он пишет, что предвидимо разрушительная истина, будучи высказанной, есть «не истина» (DE: „keine Wahrheit“) (с. 313), он имеет в виду высказывание, а не содержание, которое остаётся «предметно-логической истиной» (там же). Тогда обе версии разделяет меньше само дело, чем слово.

A13 Аналитические уточнения: От предиката истины к истинностному плюрализму

Аналитическая философия двадцатого века обработала вопрос об истине с точностью, которой не хватало более старым теориям. Некоторые её результаты относятся сюда, потому что каждый острее схватывает отдельный момент.

Тарский: Точность для формального особого случая

Альфред Тарский в тридцатые годы показал, как для формальных языков можно определить точный предикат истины. Его знаменитая схема на первый взгляд кажется тривиальной: «Снег белый» истинно тогда и только тогда, когда снег белый. Но за кажущейся тривиальностью стоит строгое построение: истина всегда определяется в метаязыке о объектном языке, и эта ступенчатость обезвреживает старый парадокс лжеца («Это предложение ложно» (DE: „Dieser Satz ist falsch“)), о который разбиваются неосмотрительные определения истины. Сам Тарский понимал свою схему как точную формулировку старого аристотелевского указания.

Правомерный момент: там, где языки построены точно — в логике и математике, — истину можно схватить точно. Границу провёл сам Тарский: для естественных языков, которые могут говорить о самих себе, его определение невозможно. А о практике поиска истины оно ничего не говорит — оно определяет предикат, а не процесс.

Точность Тарского служит здесь орудием для формального особого случая. Для всего остального нужна практика, от которой его определение отвлекается.

Дефляционизм: Тонкий предикат и плотная практика

Ещё до Тарского Фрэнк Рамсей (1927) заметил, что «Истинно, что идёт дождь» (DE: „Es ist wahr, dass es regnet“) говорит не больше, чем «Идёт дождь». После Тарского Куайн, а позже Пол Хорвич (*Truth*, 1990) сделали из этого теорию: предикат истины — не глубокое свойство, а практическое орудие — полезное прежде всего для обобщения («Всё, что она сказала, истинно» (DE: „Alles, was sie gesagt hat, ist wahr“)), когда предложения нельзя повторить по отдельности.

Правомерный момент здесь больше, чем кажется сначала. Дефляционизм показывает, что истина не приклеена к предложениям как внешняя этикетка, и тем самым приближается к перформативной точке зрения — Хорвич прямо соединил своё учение с теорией, согласно которой значение слова заключается в его употреблении. Если слово «истинно» ничего не добавляет к утверждению, то всё содержательное, что можно сказать об истине, находится в практике утверждения: в проверке, обосновании, взятии назад. Именно там лежит поле перформативной точки зрения.

Чего дефляционизм не объясняет вместе с этим, так это саму практику. Почему мы проверяем утверждения? Почему одни мы со стыдом берём назад, а другие защищаем против любого сопротивления? Предикат может быть тонким; игра, в которой он употребляется, плотна. Для дефляциониста это вопрос к практике, а не к слову — и именно этот вопрос здесь ставится.

Истинотворцы: Сопротивление получает имя

Теория истинотворцев, разработанная, среди прочих, Дэвидом Армстронгом (*Truth and Truthmakers*, 2004), спрашивает в обратном направлении: что в мире делает истинные предложения истинными? То, что стол коричневый, делает предложение «Стол коричневый» (DE: „Der Tisch ist braun“) истинным — истина покоится на бытии, она не парит свободно. Это момент корреспонденции в его самой честной форме: истина не произвольна — нечто должно её нести.

Трудности возникают в тех же местах, что и у старой корреспондентной теории. Что делает истинным «Единорогов не существует» (DE: „Es gibt keine Einhörner“), что — «Семь есть простое число» (DE: „Sieben ist eine Primzahl“)? Армстронг для отрицательных предложений принял особые факты целостности, но убедительны ли такие предложения, спорят между собой сами теоретики истинотворцев. Один ответ мы знаем из главы о сравнении, которое не является сравнением: истинотворец даёт о себе знать в опыте как сопротивление — как то, что противостоит нашим толкованиям, хотя мы никогда не можем выйти рядом с нашим опытом, чтобы осмотреть его непосредственно. Является ли это для числа и для того, чего нет, чем-то большим, чем другое имя для той же трудности, тем самым не решено.

Алетический плюрализм: Аналитическое соседство областей

С девяностых годов Криспин Райт (*Truth and Objectivity*, 1992), а позже Майкл Линч (*Truth as One and Many*, 2009) разрабатывали алетический плюрализм: истина функционирует в разных областях по-разному. Физическое предложение истинно иначе, чем моральное, математическое — иначе, чем эстетическое, и всё же мы повсюду употребляем одно и то же слово, потому что истина, согласно их тезису, повсюду играет одну и ту же роль.

С главой об областях действительности (глава 12) это тесно соприкасается, но не полностью. Книга хотя и говорит о различных формах истины, но имеет в виду различные способы, какими суждение подтверждается и поддаётся проверке. То, что «истинно» в разных областях обозначает различное свойство, она не утверждает; ближе ей вторая половина тезиса — единое понятие. Является ли различие между различным подтверждением и различной истиной в конце концов несущим или оно растворяется, — вопрос, в котором соседство остаётся открытым.

Методический сосед: байесовская калибровка

В этот ряд относится, наконец, сосед из учения о методе: байесовское исчисление вероятностей. Оно математически уточняет то, что мы развили как градуированную достоверность и калибровку: убеждения существуют в степенях, и новые признаки сдвигают эти степени по понятным правилам — сильные признаки сильно, слабые слабо. Байесианец — это детектив с логарифмической линейкой.

Правомерный момент: там, где степени достоверности можно выразить числами, исчисление вскрывает ошибки мышления, ускользающие от интуиции, — например, пресловутое пренебрежение базовыми частотами. То, что основной текст развивает как экономику проверки, базовую частоту и послужной список источника, есть повседневно-языковой облик этого исчисления, математику которого разрабатывает байесианец. Ставка, то есть что поставлено на карту при ошибке, принадлежит не самому исчислению, а теории решений, которая его дополняет. Граница: откуда берутся первые вероятности, исчисление не говорит. Эти исходные значения должна задать способность суждения — и здесь снова начинается искусство калибровки, которое не снимает никакая формула. И исчисление просчитывает признаки, которые ему предъявлены; то, что было опущено и потому никогда не вошло в расчёт, не сдвигает ни одну степень (глава 19.5).

A14 Критическая теория: Истина и освобождение

Что увидели Хоркхаймер и Адорно

Макс Хоркхаймер в 1937 году различил традиционную теорию, которая не задумывается о своём собственном положении в обществе, и критическую, которая знает себя как часть отношений, которые она исследует, и нацелена на их изменение. Вместе с Теодором В. Адорно он показал в *Диалектике Просвещения* (1944/1947), как разум, который рассчитывает только средства, может стать орудием господства. «Не может быть правильной жизни в ложной» (DE: „Es gibt kein richtiges Leben im falschen“), — пишет Адорно в *Minima Moralia* (1951). Это предложение предполагает масштаб, по которому жизнь опознаётся как ложная: правильную жизнь, которую невозможно вести при ложных отношениях. Истина↑ и освобождение связаны.

Почему поиск истины освобождает

Главы 20 и 22.5 достигают того же места другим путём. Кто честно ищет истину, тот обращается с людьми как со способными к познанию субъектами, а не манипулирует ими. Он работает с открытыми аргументами, а не с тайными учениями, остаётся корректируемым и хочет, чтобы каждый мог проследить то, что он утверждает, вместо того чтобы притязать на авторитет. Каждой из этих черт зеркально соответствует форма угнетения, которую он исключает.

Системы, которые опирают свою власть на незнание, поэтому вынуждены препятствовать проверке, ибо каждая удавшаяся проверка показывает, на чём покоится власть.

Что остаётся и куда эта книга идёт дальше

Вместе с критической теорией книга утверждает: истина не нейтральна, и разум, который лишь вычисляет средства, может служить господству. Освобождение выступает здесь не как цель, которой должна была бы служить истина, а как следствие самой проверки. Сохраняется подозрение, которое *Диалектика просвещения* обращает против всякого разума, в том числе против проверяющего: будто он может обернуться господством. Книга принимает его всерьёз: глава 17 описывает, как во имя истины затрудняется

проверка и как сами принципы оборачиваются в противоположность (21.5), и отвечает самоприменением. Гарантией это не является.

A15 Что увидела каждая позиция

Моменты и их абсолютизация

Каждая из позиций увидела действительный момент поиска истины: корреспондентная теория — сопротивление действительности, когерентная теория — связь, прагматизм — подтверждение, консенсусная теория — совместную проверку, Кант — формы, которые само познание привносит с собой, конструктивизм — деятельность познающего, языковая прагматика — осуществление, аналитические уточнения — остроту отдельных моментов, а критическая теория — связь истины и освобождения.

Ни одна из этих позиций не является просто заблуждением, но у нескольких нечто отвергается: у корреспондентной теории — рядоположение мысли и вещи, у когерентной теории — истина в степенях, у прагматизма и у консенсусной теории — мысль, будто подтверждение или согласие делает истинным, у Канта — вывод, будто формы только наши, у конструктивизма — вывод, будто о действительности нельзя узнать ничего, кроме её «нет». Остаётся феномен, который увидела каждая; отпадает притязание, будто один отдельный момент проверки есть мера остальных. Такой порядок теорий Йоханнес Хайнрихс (раздел B9a) по собственному указанию отстаивает с 1975 года; он соотносит их со сторонами речи, эта книга — с моментами проверки. Старое указание, что суждение истинно, если оно говорит, что есть, этим не затрагивается: оно называет не момент проверки, а то, на что направлены все моменты.

Почему это не эклектизм

Эклектичным было бы взять от каждой теории по куску и положить куски рядом. Здесь каждая измеряется одним и тем же вопросом: какой момент поиска истины она увидела и что она из этого вывела. Момент остаётся, потому что его осуществляет каждый, кто проверяет; вывод отпадает там, где он терпит неудачу в этом осуществлении.

Почему это не тяга к гармонии

Долгие споры возникли потому, что каждая позиция вскрывала действительную трудность другой. Теоретики корреспонденции справедливо спрашивали: «Откуда вы знаете, что ваша когерентность — не просто красивая фантазия?» (DE: „Woher wisst ihr, dass eure Kohärenz nicht nur schöne Fantasie ist?“) Теоретики когерентности справедливо спрашивали: «Как вы хотите выйти из своего сознания для этого сравнения?» (DE: „Wie wollt ihr aus eurem Bewusstsein heraustreten für diesen Vergleich?“)

Оба вопроса правомерны, и обе заботы можно устранить, но только не вычёркивая ни одну сторону (глава 10). Согласие, к которому это ведёт, не есть результат переговоров. Ни одной теории ничего не уступили, чтобы её умиротворить. Каждую спросили, какой феномен она увидела, — и феномены согласуются, потому что они суть моменты одного процесса. Поскольку все эти теории ищут истину, их представители могут прийти к согласию, следуя одному и тому же пути. Там, где они ещё не согласились, остаётся открытым вопрос, который следует решать по самому делу.

A16 Принцип слона в применении к истории философии

Параллель

История философии похожа на историю о шести слепых учёных, которые ощупывают разные части слона. Мыслители, которые получили здесь слово, имеют — как все мы — лишь ограниченный доступ: каждый описывает то, что он обнаружил, каждый легко принимает свою часть за целое, и возникает спор о том, кто прав.

Разрешение то же, что и в истории, — двойное. Все правы: каждый в том, что он ощупал. И никто не прав, поскольку считает своё описание единственно правильным и исключает описания других. Тем самым собственно вопрос только поставлен: в каком отношении описания согласуются друг с другом? Глава 5 показала, в чём это решается, — в том, что существует слон, на которого все ссылаются, — а глава 8, что происходит с тем, что не подходит: наблюдения спасаются, толкования могут быть отвергнуты.

Слон

Как и в истории, здесь тоже есть слон, и от него зависит всё: структура поиска истины, которую осуществляет каждый, кто проверяет одну из этих теорий, хочет он того или нет.

Заложена эта структура в каждом, кто проверяет, во всякое время; её осознанное поддержание, напротив, завоёвано и может быть утрачено (глава 5).

Проба собственного метода

Тем самым перформативная теория применяет свой метод к самой себе. Она требует интегрировать различные перспективы и интегрирует перспективы истории философии. Удалось ли ей это, можно проверить по данному приложению: по тому, стоит ли здесь каждая позиция в таком виде, в котором её представители узнали бы её, и отвергнуто ли отвергнутое по основаниям, которые они должны были бы признать.

A17 Практические следствия: От спора к сотрудничеству

Для понимания истории философии

Прочитанные таким образом, классики становятся сотрудниками в общей задаче, а спор школ — разделением труда. Даже позиции, которые считаются устаревшими, сохраняют то, что они увидели. Что в них устарело, можно тогда сказать точнее.

Для современной дискуссии

Вместо того чтобы спрашивать «Какая теория истины правильна?» (DE: „Welche Wahrheitstheorie ist richtig?“), можно спросить: «Какой аспект истины эта позиция справедливо подчёркивает и какой вывод она из него делает, который не выдерживает?» (DE: „Welchen Aspekt der Wahrheit betont diese Position zu Recht, und was schließt sie daraus, das nicht trägt?“)

Это делает дискуссии плодотворнее. Прежде чем опровергать другого, спрашивают, что он увидел, — опровергается затем то, что остаётся, и точнее.

Против философской лагерной войны

Как и в политической области, в философии существует лагерное мышление: «аналитики» против «континентальных», «реалисты» против «антиреалистов», «натуралисты» против «герменевтов» — как будто нужно решиться за одну сторону. Иные из этих противоположностей при ближайшем рассмотрении оказываются разными сторонами одного и того же дела; другие суть настоящие спорные вопросы, которые нужно решать по самому делу. Какой случай перед нами, показывают не этикетки, а только проверка.

A18 Традиция как живой ресурс

Что даёт этот обзор

Перформативная теория истины должна здесь позволить проверять себя, как любую другую позицию, а не выступать арбитром над спором. Отличает её исходная точка: она начинает с осуществления, на которое опираются все теории, когда опровергают друг друга. Поэтому она может измерять каждую тем, что та увидела, и тем, чего она не объясняет. Там, где счёт не сходится, остаётся открытым вопрос — некоторые названы выше.

Живая традиция

Традиция — не музей. Каждое поколение должно заново продумывать старые вопросы, но оно не обязано начинать с нуля: предание предлагает подтверждённые частичные ответы вместе с основаниями, по которым они подтвердились, и местами, в которых они потерпели неудачу. Кто читает его так, тот принимает его не как авторитет и не как список заблуждений, а как сопроверяющих.

Задача

Если удаётся показать, что два с половиной тысячелетия спора об истине были не напрасным трудом, а исследованием различных моментов одного и того же дела, то это также вклад в культуру разговора, которая раскалывается на лагеря. Вклад состоит, без призывов, в том, что в другом сначала ищут, что он увидел, а затем противоречат точнее.

Некоторые возражения направлены не столько против определённой теории истины, сколько против самого систематического упорядочивания: возражение Адорно о нетождественном, возражения Делёза, Деррида и Фуко и прощание Рорти с познанием как зеркалом природы. Поэтому они не стоят здесь. *Мышление – Упорядочивать, не теряя* (2025) представляет их в своём приложении в их собственном облике.

Читать далее: *Мышление – Упорядочивать, не теряя*, Приложение A2

приложение в: поиск истины и логика гегеля — взаимное прояснение

B1 Зачем это приложение?

Основной текст проводит свои мысли, не апеллируя к философам. Там, где философ назван, имя стоит задним числом, как указание на того, кто уже сформулировал ту же мысль, и не прибавляет ничего к аргументу. Это было методически необходимо: книга, которая хочет показать, что Вы уже делаете при проверке, не может опираться на кого-то, кому Вы должны были бы поверить.

Задним числом основной текст и *Наука логики* Гегеля всё же проясняют друг друга. Гегель здесь ничего не легитимирует. Сравнение показывает, где два очень разных пути — один систематически-спекулятивный, другой перформативно-практический — наталкиваются на сходные структуры, где этот текст заимствовал у Гегеля и где они расходятся.

B2 Три ступени: бытие — сущность — понятие

Логика Гегеля имеет три части: учение о бытии, о сущности и о понятии. Ход основного текста можно грубо прочитывать вдоль этой последовательности. Постатейного соответствия глав это не даёт, потому что книга следует собственному порядку. Но движение от непосредственности через опосредствование к самоопределению обнаруживается и в ней.

Логика бытия: непосредственный опыт

Бытие у Гегеля есть непосредственное, то, что просто и сначала встречается: качество, количество, мера. Вещь со своими свойствами принадлежит уже учению о сущности. И основной текст начинает с нечто непосредственного, с проверки, которая при чтении уже идёт (глава 1), и с предпосылок, которые нельзя обойти (глава 2). В обоих случаях кажущееся само собой разумеющимся оказывается более запутанным, чем выглядело.

Это проясняет старую трудность в начале логики. Гегелевское начало с чистого бытия часто прочитывают так, будто он предполагает единство мышления и бытия, для которого нужен особый доступ — «интеллектуальное созерцание». Сам Гегель отклонял такое прочтение: интеллектуальное созерцание, взятое как первое, в своей чистой непосредственности есть не что иное, как бытие (*Энциклопедия* § 86, примечание). Точку зрения, на которой начинается логика, он позволяет сперва выработать в *Феноменологии духа*; в *Энциклопедии* к ней ведёт предварительное понятие. Само начало, по его словам, составляет «решение, желать чисто мыслить» (DE: „Entschluß, rein denken zu wollen“) (§ 78, примечание), которое, согласно § 17, касается лишь того, кто начинает, а не науки (*Логика Гегеля – Логика мышления* (2026), Гл. 14). Исходя из этой книги это можно выразить трезво: в начале стоит не созерцаемое первое, а осуществление проверки, которое нельзя обойти, — мы всегда уже заняты различением истинного и ложного. «Тождество мышления и бытия» (DE: „Identität von Denken und Sein“) тогда не есть заранее предположенное единство. Оно означает, что само разделение внутреннего и внешнего есть различение внутри опыта (глава 10), которое лишь на сопротивлении дифференцируется до объективности. При таком прочтении началу не нужно созерцание абсолюта, нужно только осуществление, которое становится прозрачным для самого себя.

Логика сущности: рефлексивные структуры

Сущность у Гегеля есть опосредствованное, то, что «светится в самом себе»: тождество и различие, основание и следствие, внутреннее и внешнее, возможность и действительность. Ни одно из этих определений не есть нечто для себя, каждое есть то, что оно есть, только через своё отношение к другому. В основном тексте этому соответствует большая часть глав, в её собственном порядке. Глава 3 ведёт от кажущейся непосредственности восприятия к её опосредствованию, глава 5 развёртывает различные перспективы на одно и то же, глава 7 — противоречие как толчок познания,

глава 8 — требование, что всё должно согласовываться, а в главе 11 когерентность и корреспонденция сходятся. Общим для обоих текстов является то, что они не оставляют ни одно определение в изоляции.

Отчётливее всего близость видна в проблеме корреспонденции. «Внутри» и «снаружи», «мышление» и «бытие» в главе 11 не суть готовые противоположности, между которыми только нужно было бы наводить мост. Вопрос «Как мы приходим от мышления к действительности?» (DE: „Wie kommen wir aus dem Denken zur Wirklichkeit?“) возникает лишь тогда, когда оба заранее предполагаются разделёнными. Но различение добывается внутри опыта, на том, что не подчиняется желанию. При этом не порождается мир, но порождается наше знание о том, что принадлежит нам, а что следует собственным законам. Гегель выражает единство внутреннего и внешнего в положении: «Что внутренне, то и внешне имеется налицо, и наоборот» (DE: „Was innerlich ist, ist auch äußerlich vorhanden und umgekehrt“) (*Энциклопедия* § 139). В основном тексте этому соответствует то, что дело не лежит позади перспектив, а показывает себя в них, и что истина заключается в их интеграции (главы 5, 11).

Логика понятия: самоопределение

Понятие у Гегеля есть то, что определяет само себя и в своём ином остаётся у самого себя; учение о понятии ведёт через субъективность и объективность к идее. Ближе всего к этому подходят главы, в которых проверка берёт себя в собственные руки: наука как проверка, ставшая методом (глава 15), калибровка как собственная способность суждения (глава 19) и применение принципов к собственному тексту (глава 21). В обоих текстах путь ведёт от простой реакции через опосредствованное отношение к самоопределению.

Учение о понятии заканчивается идеей, а идея у Гегеля есть «истинное»: единство понятия с его объективностью (*Энциклопедия* § 213). Истина↑ означает там в более глубоком смысле, что дело соответствует своему понятию, подобно тому как говорят о подлинном друге, чьи поступки сообразны понятию дружбы (§ 24, добавление 2). Основной текст использует тот же образ (главы 13.3, 23.5a) и получает этот смысл через поворот проверки: если порядок найден, то по его понятию измеряется и само дело. Гегель исходит из дела и называет этот смысл более глубоким; то, что обычно называют истиной суждения, его согласие с делом, у него называется правильностью, «формальным согласием нашего представления со своим содержанием» (DE:

„formelle Übereinstimmung unserer Vorstellung mit ihrem Inhalt“) (§ 172, добавление). Противоречия здесь нет, потому что оба смысла связаны: суждение «Гамлет — великая драма» (DE: „Hamlet ist ein großes Drama“) истинно, если пьеса есть то, чем должна быть драма. Этот более глубокий смысл стоит за положением, что истинное есть целое (C.4). Гегелевская объективность при этом не есть опытный материал, а понятие в облике объектов, в механизме, химизме и целевой связи; как противостоящее объект выступает ему навстречу лишь в цели. То, что порядок должен подтверждаться на том, что он упорядочивает, у него имеет здесь своё место.

B3 Ключевые темы в подробностях

Свечение и рефлектирование

В логике бытия определения, согласно Гегелю, «переходят» друг в друга: одно исчезает, когда приходит другое. В логике сущности они «светятся» друг в друге. Каждое сохраняется и показывает себя в своём другом. Пример этого даёт глава 10. Когерентность↑ и корреспонденция не сменяют там друг друга. То, что показывает проверка на месте, значимо лишь в той связи, к которой оно принадлежит, а связь проверяется проверкой на месте. Каждое из двух показывает себя в другом, и ни одно в нём не исчезает.

Явление и действительность

Гегель развёртывает это соотношение в три шага. Сначала сущность кажется скрытой за явлениями. Затем оказывается: «Сущность должна являться» (DE: „Das Wesen muß erscheinen“) (*Энциклопедия* § 131) — сущность, которая не является, не есть сущность. Наконец, «высшее, чем простое явление» (DE: „das Höhere als die bloße Erscheinung“), есть действительность (§ 131, добавление), единство сущности и существования, внутреннего и внешнего (§ 142).

Основной текст идёт сходным путём. Сначала ищут «собственно истину» позади перспективных явлений. Потом оказывается, что истину, которая принципиально не могла бы показаться, нельзя было бы искать: то, что должен найти поиск, должно мочь показываться. И истина образуется в раскрытии того, что показывает себя. Атомы, гены, поля поэтому не есть потусторонний мир позади явлений. Они суть то, что в них показывает

себя — в измерениях, вмешательствах и предсказаниях, которые удаются или терпят неудачу. Являются ли они чем-то большим, чем порядок поля явлений, решает исследование, а не заранее принятое решение (главы 11.3c, 18.1).

Три формы обоснования

В логике сущности, в разделе об основании, Гегель различает три ступени. Формальное основание повторяет дело под другим именем: основание и обоснованное имеют одно и то же содержание. Реальное основание называет нечто другое, но выхватывает одно определение среди многих, не говоря, почему именно это. Полное основание содержит оба одновременно: оно называет нечто другое и вместе с тем отношение, через которое именно это есть основание. Ступени так возрастают от пустого через неполное к наполненному обоснованию. Само дело выступает лишь после этого, в учении об условии: «Если налицо все условия некоторого дела, оно вступает в существование» (DE: „Wenn alle Bedingungen einer Sache vorhanden sind, so tritt sie in die Existenz.“).

На примерах из основного текста: «Средство действует, потому что оно действенно» (DE: „Das Mittel wirkt, weil es wirksam ist“) — формально. «Это истинно, потому что за это говорит данное свидетельство» (DE: „Das ist wahr, weil dieser Beleg dafür spricht“) — реально, но неполно. «Эти результаты, полученные независимыми путями, складываются, и ни один не остаётся лишним» (DE: „Diese Befunde, auf unabhängigen Wegen gewonnen, fügen sich, und keiner ist übrig“) — полно. Аргумент от авторитета — «потому что так говорят эксперты» (DE: „weil Experten es sagen“) — не принадлежит этой лестнице: он есть основание верить чему-то, часто хорошее, но не основание самого дела (глава 19.4). Обзор, который сводит вместе состояние целого исследовательского поля, есть попытка полного обоснования и сам остаётся проверяемым и улучшаемым.

Разрешение трилеммы Мюнхгаузена тоже затрагивает эту ступенчатость. Цепочка — предложение опирает предложение — не выходит за реальное основание: каждое звено называет другое, и ни одно не говорит, почему несёт именно это. То, что глава 1 ставит на её место, не есть ни цепочка, ни круг предложений, а осуществление, которое нельзя оспорить, не осуществляя его, и которое подтверждается на строе, возникающем из него. Образ для этого — арка, разделяющая с гегелевским учением об условии то, что

несёт только совместность условий. Движение мысли в начале *Логика Гегеля – Логика мышления* (2026) проводит ту же ступенчатость без гегелевских слов и употребляет для условий, которые несут друг друга, тот же образ (*Логика Гегеля – Логика мышления*, Гл. 7); там отмечена и его граница — что арка стоит на опорах, которых сама не несёт.

Снятие

Слово имеет три значения. Сам Гегель подчёркивает «двойной смысл»: сохранять и заставлять прекратиться (*Наука логики*, примечание о снятии). Поднятие наверх в обоих подразумевается. Сохраняется истинное прежней ступени, преодолевается одностороннее и ограниченное. То, что остаётся, входит в более развитую форму.

Основной текст развивает это в главе 7 как метод, применяет в главе 14 к конфликту чувства и рассудка и показывает в главах 11.7 и 19 на научных революциях. Даже «ложные теории» так снимаются. В случае флогистона сохраняется наблюдение горения, преодолевается ложное направление объяснения, и оба поднимаются выше в теории окисления. В случае эпициклов сохраняется хорошее приближение к наблюдаемым орбитам, преодолевается составление орбит из кругов, и оба поднимаются выше в эллиптических орбитах Кеплера.

B4 Методические схождения

Перформативное самоприменение

Логика Гегеля применяет свои принципы к самой себе. Она не только теория о мышлении, она практикует то, чему учит. Основной текст делает это по-своему: поиск истины осуществляется, пока о нём размышляют, а в главе 24 текст проверяет себя по своим собственным критериям. У перформативного начала основного текста (глава 1) есть предшественник и у Фихте. В *Первом введении в наукоучение* (1797) он начинает не с предложения, а с обращения к читателю: «Заметь самого себя» (DE: „Merke auf dich selbst“). Ещё ближе к этому началу — мысль о перформативном самопротиворечии, разработанная Апелем (приложение A, консенсусная теория).

Развитие вместо определения

Гегель не определяет свои понятия заранее, он их развивает. Что такое понятие, показывает себя в его развёртывании. И основной текст не начинает со слов «Истина↑ — это…». Он исходит из того, что Вы уже делаете, когда ищете истину, и так идёт от практики к понятию.

Систематическая полнота

У Гегеля каждая категория должна необходимо развиваться из предыдущей, так что ничто не положено произвольно. Основной текст не выдвигает этого притязания с той же строгостью. Он пытается обосновать каждый шаг из предыдущего (глава 21.1) и оставляет места, где это не удаётся, как открытые (глава 10.9).

«Истинное есть целое»

Положение, которое главы 8.7, 15.10 и 16.4 употребляют без указания происхождения, стоит в предисловии к *Феноменологии духа* (1807), и там оно продолжается так: *«Истинное есть целое. Но целое есть лишь сущность, завершающаяся через своё развитие. Об абсолютном следует сказать, что оно по существу есть результат, что оно лишь в конце есть то, что есть поистине; и именно в этом состоит его природа — быть действительным, субъектом или становлением самого себя».* Сам Гегель, таким образом, читает целое не как сумму, а как развитие, и в этом он сходится с главой 16.4. Поэтому в его логике каждое более позднее определение называется истиной более раннего: оно более соразмерно выражает то, что имелось в виду под более ранним. Более ранние неистинны лишь, «если их удерживают для себя в их изоляции» (DE: „in ihrer Isolierung für sich festgehalten“) (*Энциклопедия* § 83, добавление); как моменты более позднего они сохраняются. Формула, в которую глава 20.1 облекает это — истинное есть живое, логически упорядоченное, развивающееся целое, — взята не у Гегеля, а является собственной формулировкой. И основной текст понимает целое как движение, в котором развиваются познание и часто познанное, и называет то, что в нём каждый раз достигнуто, познанной истиной (глава 20.2). У Гегеля целое есть дело, которое лишь как результат есть то, что оно есть поистине. В этом оба сходятся: истинное нельзя понимать как готовый

состав, а надо понимать как процесс, в котором оно становится тем, что оно есть.

> DE: „Das Wahre ist das Ganze. Das Ganze aber ist nur das durch seine Entwicklung sich vollendende Wesen. Es ist von dem Absoluten zu sagen, daß es wesentlich Resultat, daß es erst am Ende das ist, was es in Wahrheit ist; und hierin eben besteht seine Natur, Wirkliches, Subjekt oder Sichselbstwerden zu sein.“

Дурная и истинная бесконечность

Два образа, которыми глава 20.3 отвечает на возражение о беговой дорожке, берут свои имена из гегелевской логики бытия. Дурная бесконечность — это всё ещё на одно больше: конечное переходится, переход повторяется, а бесконечное остаётся потусторонним, которое никогда не достигается. Истинная, или подлинная, бесконечность есть движение, в котором нечто в переходе в иное сходится лишь с самим собой (*Энциклопедия* § 95), вместо того чтобы убегать в бесконечное продолжение. Образ Гегеля для первой — прямая линия, для второй — круг, загнутый назад в себя. Глава 20.3 берёт отсюда то, что нужно для поиска истины: каждое достигнутое постижение цело, не половина, и всё же не последнее. У Гегеля понятие стоит в развитии категорий, из которого здесь перенимаются только образ и различение. Там истинное бесконечное не имеет ничего вне себя, в чём оно находило бы свою границу (*Логика Гегеля – Логика мышления* (2026), Гл. 2). Процесс истины↑, как его называет глава 20.3, напротив, остаётся открытым для того, что сопротивляется ему извне; с гегелевским понятием его роднит то, что каждый шаг цело, а не то, что ничего больше не предстоит.

B5 Где тексты действуют по-разному

Гегель: систематически-спекулятивно

Гегель начинает с самой абстрактной мысли, чистого бытия, развивает через имманентную критику и выдвигает энциклопедическое притязание на полноту; его язык техничен, требователен, уплотнён.

Этот текст: перформативно-практически

Этот текст начинает с непосредственного опыта («Вы проверяете прямо сейчас»), развивает через осознание осуществления и направляет фокус на практическую значимость; его язык ищет близости к повседневному языку.

Гегель хочет показать систематическую необходимость структур, этот текст — их практику.

B6 Чему мы можем научиться у Гегеля (не становясь гегельянцами)

То, что можно перенять у Гегеля, не становясь гегельянцем, — это метод. Противоречия нужно принимать всерьёз: не отклонять как ошибку, а понимать как то, что движет развитие, — там, где действительно возникает противоречие, часто лежит место, в котором продвигаешься дальше. Это требует терпения, ибо постижение возникает не из быстрых определений, а из развития, в котором каждая ступень имеет своё право. Метод должен допускать применение к самому себе, без особого положения для собственной позиции. Поэтому от прежних позиций снимают их правомерный момент. А за этим стоит постижение, что ничто не стоит изолированно: то, чем нечто является, определяется через его отношения к иному, и прояснять эти опосредствования есть работа.

B7 Чему Гегель мог бы научиться у этого текста

То, чему Гегель мог бы научиться у этого текста, касается прежде всего формы. Мысль, которую можно высказать на понятном языке, может быть проверена каждым мыслящим человеком, и истина тогда не станет делом для посвящённых. К этому прибавляется вопрос, что понимание даёт в жизни, который рядом с систематической полнотой имеет собственное право. И Гегель мыслил целое как развитие, идею он называет «по существу процессом» (DE: „wesentlich Prozeß“) (*Энциклопедия* § 215). Вместе с тем его система выступает с притязанием изобразить это развитие полностью; насколько она этим притязает на завершение, среди его читателей спорят. Основной

текст прямо фиксирует, что каждый достигнутый порядок остаётся корректируемым на сопротивлении (глава 20.2), и показывает проверки, из которых он возник.

B8 Заключение: Взаимное прояснение

То, что оба пути приходят к сходным структурам, говорит мало, пока не различают, откуда происходит сходство. Одна часть заимствована: положение об истинном как целом, различение дурной и истинной бесконечности, слово «снятие», ступени обоснования. Эти согласия ничего не подтверждают, ибо по масштабу главы 10a.3 голос, который списывает у другого, не является вторым. Иначе обстоит дело с тем, что основной текст добывает из самой проверки: что разделение внутреннего и внешнего проводится внутри опыта, что истину, которая принципиально не могла бы показаться, нельзя было бы искать, что в начале стоит осуществление, а не созерцаемое первое. Там, где эти мысли встречаются со структурами Гегеля, это указание на то, что оба работают над одним и тем же делом. Доказательством это не является, хотя бы потому, что никто не может точно сказать, сколько гегелевски окрашенного предания входит в мышление, которое полагает, что начинает без него. Во всяком случае, пути расходятся в проверяемых местах, например в том, что основной текст прямо объявляет каждый достигнутый порядок корректируемым, тогда как система Гегеля притязает изобразить развитие полностью (C.7). Это говорит против того, что один путь просто перерисовывает другой.

Наука логики и практика поиска истины суть, таким образом, два доступа к одному и тому же делу, которые дополняют друг друга и в отдельных местах друг друга поправляют. Кто читал Гегеля, найдёт здесь практическое применение структур, которые там развиваются абстрактно. Кто знает только этот текст, может найти у Гегеля систематическое исполнение того, что здесь осуществляется перформативно. Это взаимное прояснение, а не доказательство по кругу.

Читать далее: *Логика Гегеля – Логика мышления* (2026), особенно движение мысли в его начале (*Логика Гегеля – Логика мышления*, Гл. 1)

приложение c: свидетельства

Главы 19–22 и 10 приводят случаи, чтобы мысли стали зримы на чём-то действительном. Случаи их не доказывают; но случаи должны быть верны. Здесь стоят источники. В конце следуют свидетельства к разделам о пирроновском скепсисе, о Канте и о Хайнрихсе в приложении B.

К главе 19

Атомы. Измерения, из которых на разных путях получалось одно и то же число частиц, собрал, а отчасти сам выполнил Жан Перрен: *Les Atomes*, Paris: Alcan 1913. Сомневались, среди прочих, физик Эрнст Мах и химик Вильгельм Оствальд.

Цитата о новых научных истинах: Макс Планк, *Wissenschaftliche Selbstbiographie*, Leipzig 1948, с. 22.

Дрейф континентов. Альфред Вегенер выдвинул тезис в 1912 году; признан он был в 1960-е годы вместе с тектоникой плит, которая объяснила движущую силу.

К главе 21

Заселение Америки. Местонахождение Монте-Верде на юге Чили: Том Д. Диллехей, *Monte Verde. A Late Pleistocene Settlement in Chile*, 2 т., Washington, 1989 и 1997. Совместное посещение памятника в 1997 году и его результат: Дэвид Дж. Мельтцер и др., «On the Pleistocene Antiquity of Monte Verde, Southern Chile», *American Antiquity* 62 (1997), с. 659–663.

Вымирание динозавров. О тоне спора: Малкольм У. Браун, «The Debate Over Dinosaur Extinctions Takes an Unusually Rancorous Turn», *The New York Times*, 19 января 1988 г.; Бьянка Боскер, «The Nastiest Feud in Science», *The Atlantic*, сентябрь 2018 г. О современном состоянии вопроса: Петер Шульте

и др., «The Chicxulub Asteroid Impact and Mass Extinction at the Cretaceous-Paleogene Boundary», *Science* 327 (2010), с. 1214–1218; Пинчелли М. Халл и др., «On Impact and Volcanism across the Cretaceous-Paleogene Boundary», *Science* 367 (2020), с. 266–272. Об одновременности удара и вымирания (в пределах 32 000 лет): Пол Р. Ренне и др., «Time Scales of Critical Events Around the Cretaceous-Paleogene Boundary», *Science* 339 (2013), с. 684–687, doi:10.1126/science.1230492; авторы считают возможным, что удар поразил экосистемы, которые уже находились под давлением. Модельный расчёт по вулканизму: Александер А. Кокс, К. Бренхин Келлер, «A Bayesian Inversion for Emissions and Export Productivity across the End-Cretaceous Boundary», *Science* 381 (2023), № 6665, с. 1446–1451, doi:10.1126/science.adh3875.

О профессиональных последствиях, по Боскер (2018): геолог Дьюи Маклин обвинял главного представителя ударной гипотезы в том, что тот препятствовал его продвижению по службе через руководство университета, что тот отрицал; геофизик Чарльз Офицер жаловался, что *Science* за двенадцать лет опубликовал 45 статей в поддержку ударной гипотезы и лишь четыре — по другим гипотезам, что редакция отвергла как проявление предпочтения. Позднее Маклин всё же получил повышение; Офицер в 1994 году отошёл от исследований вымирания. Обе стороны при этом ссылались на изречение Планка о том, что новые идеи побеждают, когда вымирают их противники (Куртийо — за вулканизм, Смит — за удар; ср. главу 19.2). Статью Шульте и др. (2010), подписанную 41 автором, оспаривали десятки специалистов в письмах в *Science*; Боскер: «Science is not done by vote». Статья сверена с текстом архивной версии.

Заказанный ответ. Публичное заявление от 4 октября 2020 года известно как *Great Barrington Declaration*. Внутреннее сообщение директора Национальных институтов здравоохранения США от 8 октября 2020 года («three fringe epidemiologists», «a quick and devastating published take down of its premises») было опубликовано в декабре 2021 года после запроса о доступе к информации.

Заказанное сомнение. О табачной промышленности см. материалы к главе 22. О климате: Наоми Орескес, Эрик М. Конвей, *Merchants of Doubt*, New York, 2010. Как климат реагирует на дальнейшие парниковые газы и с какой неопределённостью, Межправительственная группа экспертов по изменению климата указывает в каждом оценочном докладе в виде диапазона.

Ирак. *The Report of the Iraq Inquiry*, London, 2016, Executive Summary (доклад расследования под председательством Джона Чилкота).

Управление прессой в ГДР. Указания исходили из отдела агитации при Центральном комитете СЕПГ; для книг требовалось разрешение на печать Главного управления издательств и книжной торговли в министерстве культуры.

Когнитивная война. О китайской доктрине: переработанные в 2003 году предписания о политической работе Народно-освободительной армии с «тремя войнами» (война за общественное мнение, психологическая, юридическая); изложение даёт Стефан Халпер (ред.), *China: The Three Warfares*, исследование для Office of Net Assessment министерства обороны США, 2013. О российской доктрине: доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 5 декабря 2016 года.

О западной концепции: Франсуа дю Клюзель, *Cognitive Warfare*, NATO Innovation Hub, Norfolk, январь 2021 г. (исследование июнь–ноябрь 2020 г., выполнено при поддержке Allied Command Transformation; согласно собственному указанию, оно не отражает позицию ACT или государств-членов); «The Human Domain of Operations refers to the whole human environment, whether friend of foe» (с. 29; «of» так в оригинале); «Any user of modern information technologies is a potential target» (с. 6); Бернар Клавери и др. (ред.), *Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance*, сборник материалов первого научного совещания НАТО по когнитивной войне (Бордо, июнь 2021 г.), NATO Collaboration Support Office, 2022, в нём Эрик Отелье, «Cognitive Warfare - Contribution of the French Armed Forces Deputy Chief of Defence», гл. 1, с. 1–1 и след., о проникновении в головы противника и о защите собственных — с. 1–2 (французская первоначальная версия: *Cognitive Warfare: La guerre cognitique*, NATO-CSO, октябрь 2021 г., гл. 3). Статья о пандемии: Дейл Ф. Рединг, Брайан Уэллс, «Cognitive Warfare: NATO, COVID-19 and the Impact of Emerging and Disruptive Technologies», в: Риту Гилл, Ребекка Гулсби (ред.), *COVID-19 Disinformation: A Multi-National, Whole of Society Perspective*, Cham: Springer, 2022, с. 25–46, особ. с. 26 и 43 (страницы по Тёгелю, *Kognitive Kriegsführung*, гл. I).

Сборник и критическое толкование этих текстов: Йонас Тёгель, *Kognitive Kriegsführung. Neueste Manipulationstechniken als Waffengattung der NATO*, Berlin: Westend, 2023, ISBN 978-3-86489-422-0, гл. I (раздел «Eine Veröffentlichung zu COVID-19 und dem Cognitive Warfare aus dem Jahr 2022») и гл. VI (раздел «Wer steht im Visier des Cognitive Warfare?»). Прочтение, согласно которому концепция планомерно направлена и против собственного населения, является интерпретацией Тёгеля.

Устойчивость. Обязательство государств-членов альянса: *Strengthened Resilience Commitment*, саммит НАТО в Брюсселе, 14 июня 2021 г., пункты

4–7 («Resilience is a national responsibility and a collective commitment», п. 4; «The COVID-19 pandemic has severely tested our nations and our resilience», п. 6; «hostile information activities, including disinformation», п. 7).

Нидерланды. Сообщение в *NRC Handelsblad* от 15 ноября 2020 года о Land Information Manoeuvre Centre сухопутных войск; письмо министра обороны во Вторую палату от 29 ноября 2020 года (временное приостановление, проверка уполномоченным по защите данных министерства).

Германия. Кризисным штабом федерального правительства по борьбе с пандемией коронавируса в ведомстве федерального канцлера с декабря 2021 года руководил генерал-майор Карстен Бройер.

Платформы. О ложных сообщениях иностранных государств во время пандемии: Европейская служба внешнеполитической деятельности, *EEAS Special Report: Short Assessment of Narratives and Disinformation around the COVID-19 Pandemic*, апрель 2020 г., и последующие доклады. Правило удалять публикации, согласно которым вирус был «man-made or manufactured», Facebook ввёл 8 февраля 2021 года и отменил 26 мая 2021 года, «in light of ongoing investigations into the origin of COVID-19». Судебные материалы по этому вопросу: *Missouri v. Biden*, федеральный окружной суд Западного округа Луизианы, предписание от 4 июля 2023 г.; Верховный суд отклонил иск в 2024 году по процессуальным основаниям (*Murthy v. Missouri*). Внутренние материалы Twitter публиковались с декабря 2022 года как «Twitter Files». Письмо главы Meta в юридический комитет Палаты представителей США датировано 26 августа 2024 года.

Документ министерства внутренних дел. «Wie wir COVID-19 unter Kontrolle bekommen», Федеральное министерство внутренних дел, март 2020 г., с грифом «VS — только для служебного пользования» (DE: „VS - Nur für den Dienstgebrauch“), раздел 4a «Worst case verdeutlichen!» (с. 13); 8 апреля 2020 года передан в комитет бундестага по внутренним делам, позднее стал публичным благодаря запросам на основании закона о свободе информации (FragDenStaat). Согласно ответу федерального правительства (бундестаг, hib 441/2021), документ написали учёные разных специальностей по инициативе министерства pro bono и под собственную ответственность. Круг авторов и возникновение документа описывает один из его членов: Хайнц Буде, «Aus dem Maschinenraum der Beratung in Zeiten der Pandemie», *Soziologie* 51 (2022), вып. 3, с. 245–255: основание круга статс-секретарём Маркусом Кербером и Ханной Катариной Мюллер, руководителем отдела «Политические порядки и гибридные угрозы» (DE: „Politische Ordnungen und hybride Bedrohungen“) (с. 246 и след.); «формирование риторических формул» (DE: „Prägung rhetorischer Formeln“) (с. 247); что было известно и что не было

известно (с. 247 и след.); Бергамо, «сильных оправданий», Грамши, «Flatten the Curve» и «Hammer and Dance» (с. 249); телефонные конференции, участники, отсутствие протокола, передача документов и переписки Институтом Роберта Коха (прим. 3), сценарии вместо прогнозов (с. 250); один миллион умерших в наихудшем сценарии бездействия, десять дней консультаций, передача в конце марта 2020 года в коронавирусный кабинет (с. 251). Более позднее высказывание о «готовности следовать»: дискуссия «Gesellschaft im Ausnahmezustand - Was lernen wir aus der Coronakrise?» с Хайнцем Буде, Александером Богнером и Клаусом Кремером, Университет Граца, 24 января 2024 г., запись на YouTube (загружена 27 февраля 2024 г., https://www.youtube.com/watch?v=5j5WHi67-go); сообщается, среди прочего, в *Apollo News*, 21 марта 2024 г.

Британский консультативный орган. SPI-B, *Options for increasing adherence to social distancing measures*, 22 марта 2020 г. («The perceived level of personal threat needs to be increased among those who are complacent, using hard-hitting emotional messaging»).

Европейский союз. Закон о цифровых услугах (Регламент (ЕС) 2022/2065), ст. 22 (доверенные заявители).

К главе 22

Документ табачной промышленности: Brown & Williamson, «Smoking and Health Proposal», 1969 («Doubt is our product since it is the best means of competing with the „body of fact“ that exists in the mind of the general public»).

К главе 10

Региональные культуры Соединённых Штатов. Colin Woodard, *American Nations. A History of the Eleven Rival Regional Cultures of North America*, New York 2011; более старые деления приходят к сходным числам.

Показания об инкубаторах. Слушание в Congressional Human Rights Caucus состоялось 10 октября 1990 года. То, что свидетельница была дочерью кувейтского посла и что агентство Hill & Knowlton по поручению организации Citizens for a Free Kuwait подготовило выступление, сделал известным John R. MacArthur: «Remember Nayirah, Witness for Kuwait?», *The*

New York Times, 6 января 1992; подробно в его же, *Second Front. Censorship and Propaganda in the Gulf War*, New York 1992.

МГЭИК. Ступенчатые указания о свидетельствах и согласии: Michael D. Mastrandrea и др., *Guidance Note for Lead Authors of the IPCC Fifth Assessment Report on Consistent Treatment of Uncertainties*, IPCC 2010.

К приложению B: Пирронов скептицизм

Секст Эмпирик приводится по *Grundriss der pyrrhonischen Skepsis* (по-гречески *Pyrrhoneioi hypotyposeis*) с указанием книги и параграфа; немецкий перевод Мальте Хоссенфельдера, Frankfurt am Main, 1968.

Скепсис, равная сила, воздержание, покой. Скептик как исследующий, который продолжает искать: I 3 и 7. Определение скепсиса как способности противопоставлять друг другу являющееся и мыслимое: I 8; равная сила: I 10; принцип, согласно которому всякому рассуждению противостоит равносильное: I 12; скептические формулы включают сами себя: I 14 и след. Художник Апеллес и покой, который следует за воздержанием, как тень: I 28 и след.

Жизнь согласно являющемуся. Являющееся как мерило и четвероякий образ жизни (руководство природы, принуждение ощущений, предание законов и обычаев, обучение искусствам): I 21–24.

Пять тропов. I 164–169, их применение I 170–177. Агриппу как создателя называет Диоген Лаэртский, *Leben und Meinungen berühmter Philosophen* IX 88; путешествие Пиррона с Александром: там же, IX 61.

Гегель. «Verhältnis des Skeptizismus zur Philosophie» (1802), Gesammelte Werke, т. 4, с. 218 и след.; Theorie-Werkausgabe, т. 2, с. 245: пять тропов суть самое пригодное оружие «против догматизма конечного, но […] совершенно непригодное против философии» (DE: „gegen den Dogmatismus der Endlichkeiten, aber […] völlig unbrauchbar gegen die Philosophie“); сущность догматизма состоит в том, «что он полагает нечто конечное […] как абсолютное» (DE: „daß er ein Endliches […] als das Absolute setzt“).

К приложению B: Кант

Кант цитируется по *Критике чистого разума* (A и B для первого и второго издания, 1781 и 1787) и по *Пролегоменам ко всякой будущей метафизике* (1783).

Истина↑ и критерий. Номинальное определение «подарено и заранее предположено», нет общего критерия для каждого содержания, есть только формальный, который как «conditio sine qua non» имеет лишь негативное значение: A 58–60/B 82–84.

Явление и граница. Сон и истина различаются по связыванию представлений по правилам: *Пролегомены* § 13, примечание III. Ноумен как пограничное понятие и нечувственное созерцание, которое можно только мыслить: B 307–311. Граница и предел: *Пролегомены* §§ 57 и 59.

Данное. Гегель отклоняет кантовскую привязку понятия к созерцанию в *Науке логики*, учение о понятии, «О понятии вообще» (DE: „Vom Begriff im allgemeinen“) (Theorie-Werkausgabe т. 6, с. 260 и далее); то, что философия «обязана своим развитием эмпирическим наукам» (DE: „ihre Entwicklung den empirischen Wissenschaften verdankt“): *Энциклопедия* § 12, примечание.

Антиномии и пример с палкой. Первая антиномия (начало мира во времени): A 426 и далее/B 454 и далее; её разрешение: A 497–507/B 525–535, в нём пример тела, которое «пахнет приятно» или «не пахнет приятно», A 503/B 531. То, что кантовское разрешение связывает противоречие с определённостью предполагаемого предмета и что Гегель переносит это открытие с суждений на определения: Michael Wolff, *Der Begriff des Widerspruchs. Eine Studie zur Dialektik Kants und Hegels*, Königstein 1981; 3-е, просмотренное издание Berlin 2017, с. 59–62 и 226 и далее. Антиномии «во всех предметах»: Гегель, *Энциклопедия* § 48, примечание.

Необходимость. Необходимость и строгая всеобщность как признаки априорного познания: B 3 и далее; аргумент для этого, трансцендентальная дедукция категорий: B 116–169.

К приложению B: Генрихс

Генрихс приводится по *Sprache*, т. 3: *Die Handlungsdimension. Psychologik der Sprechakte und Dialoganalyse (Pragmatik)*, Варна/Мюнхен: Steno 2008, полностью переработанной версии прагматической части его *Sprachtheorie* (*Reflexionstheoretische Semiotik*, Teil 2, Бонн: Bouvier 1981; в ней экскурс об истине, с. 262–275). Сокращённая версия заключительной части находится

в *Dialogik. Kann denn Liebe logisch sein?*, Баден-Баден: Academia 2020, глава 9, с. 169–193. Все три книги доступны с 2025 года в рамках серии «Gesammelte Werke» в издательстве Reflexivity Press, Лиссабон: *Sprache*, т. 3, и *Dialogik* как полистно идентичные PDF-репринты (т. 27 и 45), *Sprachtheorie* как новый набор с номерами страниц оригинала в тексте (т. 6).

Место и определение истины. Истина↑ впервые в прагматическом полагании; истина как совокупность имплицитных норм языкового действия: с. 299.

Четыре стороны. Дело: с. 304–308; правдивость: с. 308–310; ответственность: с. 311–314, в том числе смертельно больной с. 311 сл. и разрушительное сообщение с. 313; когерентность: с. 314–319, в том числе гегелевское положение о целом с. 317.

Ни одна сторона как мера остальных. С. 320 сл., в том числе facta bruta с. 321; консенсус, который не может создать истину: с. 317; идеология как практическая неправда: с. 322; условно осуществлённая безусловность: с. 322–324.

Более ранние версии. По собственному указанию Генрихса, сначала трёхчленная в «Theorie welcher Praxis?» (написано 1973/74, напечатано 1975 в: Ludwig Bertsch (ред.), *Theologie zwischen Theorie und Praxis*, Франкфурт-на-Майне 1975, с. 62 сл.), четырёхчленная в его лекции по социальной философии, Франкфурт-на-Майне 1975 (с. 299, прим.; *Dialogik*, с. 172, прим. 5). Лоренц Б. Пунтель в своей статье «Wahrheit» (*Handbuch philosophischer Grundbegriffe*, Мюнхен 1974) отстаивал «интегральное понятие истины», по указанию Генрихса с использованием рукописи «Theorie welcher Praxis?» (там же).

Современники и предшественники. Юрген Хабермас, «Wahrheitstheorien», в: *Wirklichkeit und Reflexion. Walter Schulz zum 60. Geburtstag*, Пфуллинген 1973. Гегелевское положение «Истинное есть целое»: предисловие к *Phänomenologie des Geistes* (1807), см. приложение B4.

глоссарий

Указания по использованию

Этот глоссарий не предназначен для того, чтобы его читали заранее. Понятия развиваются в самой книге, и тот, кто сначала наводит справку здесь, получает определение без пути, который к нему ведёт.

Он рассчитан на три случая: когда слово появляется в значении, отклоняющемся от обычного; когда кто-то читает не последовательно и поэтому пропустил введение; и когда кто-то хочет перепроверить, используется ли выражение в книге на всём её протяжении одинаково.

Указания на главы отсылают к тому месту, где развивается понятие, — а не к каждому его упоминанию.

«Не имеется в виду» стоит там, где нужно отвести напрашивающееся прочтение.

См. также называет родственные статьи этого глоссария, а там, где понятие развивается дальше в одной из соседних книг, — соответствующую статью в той книге.

Тип указывает происхождение заглавного слова: *Наша методология* — для различений, которые эта книга и её соседние книги проводят специально; *Общефилософский* — для выражений, введённых в традиции и используемых здесь в определённом смысле.

Достоверность

Тип: Общефилософский

Объяснение: Степень, в которой кто-то полагается на нечто — в лучшем случае степень, которую заслуживают основания. Достоверность — это сначала данные о человеке, а не о деле — калибровка приводит и то и другое к совпадению.

Не имеется в виду: Истина. Можно быть уверенным и заблуждаться, и можно сомневаться и быть правым.

Степень и вид: Достоверность имеет степени, которые поддаются градации, и виды, которые говорят, как она проверяется: посредством пересчёта, посредством независимых путей к одному и тому же результату, посредством опыта с кем-либо, посредством самого осуществления. Некая шкала ставит виды рядом, как будто они — один вид.

Развивается в: главах 2, 10a.3

См. также: знание, истина

Живая полнота

Тип: Наша методология

Объяснение: Целым нечто является не потому, что ничего не отсутствует, а потому, что его части связаны друг с другом: каждая отсылает к другим, определяется ими и развивается вместе с ними. Ничего существенного не отсутствует для понимания связи, но не всё возможное должно быть упомянуто.

Противоположность: механическая полнота. Она собирает, складывает и отмечает галочкой: её пункты стоят рядом без отношения друг к другу, и каждый можно было бы опустить или заменить, без того чтобы в целом что-то изменилось. Ей не хватает связующего звена.

Не имеется в виду: что правила, списки или строгие процедуры как таковые были бы мертвы. Механическим порядок становится тогда, когда его части обрабатываются без отношения друг к другу и без вопроса о том, ради чего.

Развивается в: главах 6, 16.4

См. также: интеграция, когерентность, интерпретация

Знание

Тип: Общефилософский

Объяснение: Познанная истина, которую можно удостоверить — посредством оснований, которые можно указать, или посредством меткости, подтвердившей себя на многих случаях.

Две формы: Выраженное знание может дать отчёт. Усвоенное знание опытного человека часто не может этого, и всё же оно больше, чем предположение, потому что оно подтвердило себя (глава 9.1).

Не имеется в виду: правильное предположение, которое случайно попадает в цель.

Развивается в: главе 9.1

См. также: познание, достоверность, истина

Иммунизация

Тип: общефилософский

Объяснение: Убеждение строится или защищается так, чтобы никакой возможный результат проверки (нем. Befund) не мог его поразить: контрпример объявляется исключением, критика перетолковывается в подтверждение, критик атакуется вместо его возражения. Пред-суждение, которое таким образом закрывается от опыта, становится предрассудком.

Как распознаётся: По вопросу, что убедило бы в противоположном. Если звучит ответ «ничто», перед нами догма.

Не имеется в виду: неопровержимость самой проверки. Кто оспаривает, что он проверяет, при этом проверяет. Но эта структура лежит открыто: каждый может сделать контрпробу (нем. Gegenprobe). Иммунизация прячет свою неопровержимость и запрещает контрпробу.

Разработано в: главы 4, 21.6, 22.3, 24.1

См. также: пред-суждение, оборачивание в противоположность, подделка фундамента (нем. Fälschung des Fundaments)

Интеграция

Тип: Наша методология

Объяснение: Сведение различных перспектив или данных в одну связь, в которой каждый имеет своё место. Интеграция — это больше, чем собирание: должно показаться, как части связаны друг с другом.

Не имеется в виду: Усреднение. Кто делает из двух позиций среднюю, берёт от каждой половину и не показывает, как они связаны друг с другом.

Развивается в: главах 5, 8

См. также: принцип слона, снятие, когерентность

Интерпретация

Тип: Общефилософский

Объяснение: Понимание того, что создали люди — тексты, образы, законы, орудия, действия. Оно происходит постоянно и большей частью незаметно, при чтении предложения, как и при истолковании улыбки. Что отличает продукты духа от продуктов природы, так это сознательная цель. Поэтому интерпретация спрашивает у текста о намерении, у органа — о функции, у простого природного процесса — о причине.

Измерения: Поскольку созданное возникает из цели, интерпретация реконструирует его возникновение: материал, автора, средства и процедуры, цель и действие. У великого произведения к этому добавляется раскрытие мира: оно придаёт форму опыту, который касается многих.

Тип текста и истина: Поскольку тексты создаются для различных целей, в них проверяется различное: в сообщении — попадает ли оно в цель, в законе — выполняет ли он свою цель и согласуется ли с остальными, в письме — правдивость, в стихотворении — истинно ли оно в том другом смысле, в котором говорят о настоящем друге: является ли оно тем, чем должно быть. Истинными или ложными в смысле суждения при этом являются суждения о тексте (глава 13.3).

Не имеется в виду: список, который нужно отрабатывать. Каждое измерение показывает себя по слепому пятну, которое возникает, когда оно отсутствует, и цель произведения решает, какое измерение имеет наибольший вес.

Развивается в: главе 15

См. также: формы истины, перспектива, живая полнота

Истина

Тип: Общефилософский

Объяснение: Книга не определяет истину заранее, она развивает её в осуществлении. В начале стоит вопрос, который предполагает сам себя: кто спрашивает, что есть истина, хочет истинного ответа, а кто оспаривает проверку, при этом проверяет (глава 1). Затем шаг за шагом показывает себя: суть дела раскрывается в сведении многих перспектив (глава 5); сведённое есть целое, части которого определяют друг друга, а не куча (глава 6); противоречия снимаются, а не отбрасываются (глава 7); каждая улика должна найти своё место (глава 8); и даже то, что сопротивляется нашим

желаниям, принадлежит к этой связи (глава 10). Истина — это процесс, в котором всё это взаимно сцеплено: ни простое соответствие фактам, ни чистая конструкция мыслей, а живой процесс их интеграции (глава 10.10).

«Истинное»: живое, логически упорядоченное, развивающееся целое (глава 20.1): не сумма познанных предложений, а связь, части которой определяют друг друга, у которой ничто существенное не отсутствует и которая развивается дальше в поиске. О происхождении этого высказывания — приложение B4.

Познанная истина: То, что каждый раз достигнуто. Она не просто мнение, но и не последнее слово: она имеет силу, пока лучший порядок не снимает её, и остаётся сохранённой в нём. Она может содержать заблуждения, которые обнаруживает только лучший порядок. Усмотрение, которое так достигается, целое, не половинчатое, но не последнее (главы 23.5a, 23.5).

Поворот: Когда порядок найден, то истинными называются также объяснение, сообщение и понятие, если они выполняют то, что должны, и наконец само дело, если оно есть то, чем должно быть, как настоящий друг, стул, который выдерживает, или удавшееся произведение. Эта истина не противостоит первой, она из неё возникает (главы 13.3, 23.5a). У Гегеля это более глубокий смысл (приложение B2).

Не имеется в виду: Консенсус. То, что все считают нечто истинным, не делает его истинным, ибо то, что имеет силу, должно выдерживать и то, что не подчиняется никакому желанию и никакому большинству.

Развивается в: повсюду; резюмируется в главах 16.4 и 23.5a

См. также: процесс истины, познание, когерентность, корреспонденция, сопротивление

Калибровка

Тип: Наша методология

Объяснение: Настройка собственного суждения на то, как обстоит дело в действительности, — как сверка измерительного прибора с эталоном. Имеется в виду прежде всего оценка частот, весов и соотношений: насколько что-либо распространено? Насколько это весомо? Каково это в сравнении?

Почему это отдельное понятие: Отдельные высказывания могут все соответствовать действительности, и всё же общая картина окажется искажённой. Кто слышит только истинные утверждения об исключениях, не

имеет ложного знания, но имеет ложную картину. При этом пропуски неизбежны, ведь ни одна карта не содержит всей местности; трудно взвесить показанное, а пропущенного не видно (глава 19.1).

Два уровня: На первом проверяются отдельные высказывания и их источники, на втором — распределение: что отбирается, чего не хватает, как смещается собственная мера нормального (глава 19.4, 19.5).

Собственная калибровка означает: действовать по собственным, уточнённым опытом меркам, вместо того чтобы позволять какой-либо инстанции фильтровать за себя (глава 19.6). Это не исключает разделения труда в проверке, но исключает доверие, основания которого уже невозможно указать (глава 19.4).

Развито в: глава 19; подробно в *Калибровка* (2026)

См. также: Перспектива, Сопротивление, Достоверность, Экономия проверки

Когерентность

Тип: Общефилософский

Объяснение: Связь одного убеждения со всем остальным, что кто-то считает истинным. Когерентность нарушена там, где нечто не подходит друг к другу, где остаётся пробел или где два предложения исключают друг друга.

Не имеется в виду: простая непротиворечивость. Система может быть непротиворечивой и пустой. Когерентность требует, чтобы части несли друг друга, а не только не мешали друг другу.

Отношение к корреспонденции: Обе — стороны одной и той же проверки, как только перестают мыслить их как сравнение между внутренним и внешним. В широком смысле, как согласованность со всем, что встречается, в том числе с тем, что навязывается, когерентность включает в себя корреспонденцию, проверка которой — её самый требовательный случай (глава 10.4). В узком смысле, как согласованность мыслей между собой, её недостаточно: и система бреда может быть внутренне согласованной.

Развивается в: главах 8, 11

См. также: корреспонденция, сопротивление, интеграция

Корреспонденция

Тип: Общефилософский

Объяснение: Соответствие высказывания тому, о чём оно говорит. Древнейшее понятие истины в философии и само собой разумеющееся в повседневном употреблении.

Классическая проблема: Чтобы проверить соответствие, нужно было бы знать суть дела независимо от высказывания — а для этого снова понадобились бы высказывания.

Разрешение: Что выдерживает порядок и что ему сопротивляется, показывает тот же самый опыт, в котором происходит упорядочение. Не нужно сравнения извне.

Отношение к когерентности: То, что не соответствует, тем самым и не когерентно в широком смысле (глава 10.4) — представление, о которое спотыкается опыт, уже не подходит к остальному. В узком смысле, как простая согласованность мыслей между собой, и обман может быть когерентным. Проверка корреспонденции поэтому — не вторая процедура, а самый требовательный случай проверки когерентности: тот, в котором сопротивляющееся нельзя устранить передумыванием.

Развивается в: главе 11.3а

См. также: когерентность, сопротивление

Лагерное мышление

Тип: Наша методология

Объяснение: Сортировка утверждений по стороне, от которой они исходят, вместо их оснований. То, что полезно собственному лагерю, охотнее считается достоверным, то, что ему вредит, — проверяется строже; критика истолковывается как нападение, а критик приписывается другой стороне.

Как распознать: По асимметрии. Наклонённый фильтр не проверяет ничего, что мешает собственной стороне, и всё, что говорит противоположная сторона.

Не имеется в виду: что любое принятие стороны было бы уже лагерным мышлением. Оно начинается там, где принадлежность заменяет проверку.

Искушение всеобще: Оно проявляется во все времена и на всех сторонах, в том числе у тех, кто упрекает в нём других. Против него помогает не выбор правильной стороны, а симметрия: те же мерки для собственной стороны, что и для другой, применённые сначала к собственному лагерю.

Развивается в: главах 21.1, 21.2, 21.8a; о наклонённом фильтре — глава 19.4

См. также: оборачивание, иммунизация, ориентированный плюрализм

Оборачивание

Тип: Наша методология

Объяснение: Принцип оборачивается в свою противоположность, в то время как его форма остаётся прежней. Кто использует принцип слона, чтобы приписать каждой позиции крупицу истины и тем самым растворить различие истинного и ложного, тот его оборотил.

Как это происходит: Сила абсолютизируется — скепсис до цинизма, поиск связи до схемы, эмпатия до сочувствия, заменяющего проверку, открытость до произвольности. Опасность — оборотная сторона того, что делает силу сильной. Против неё помогает самоприменение.

Почему это отдельная тема: Принципы этой книги все могут быть предметом злоупотребления, и злоупотребление трудно отличить извне. Оно проявляется по результату, а не по форме. Труднее всего его распознать там, где во имя истины препятствуют проверке, часто люди, полагающие, что защищают истину (глава 17).

Развивается в: главе 21, особенно 21.5

См. также: иммунизация, лагерное мышление, калибровка

Ориентированный плюрализм

Тип: Наша методология

Объяснение: Позиция между жёсткой догмой и произвольной относительностью. Ориентированный, потому что есть направление — к истине — и не все пути одинаково хороши; плюрализм, потому что многие пути могут вести к вершине, и различие тех, кто ищет сообща, есть богатство. Направление показывают не определённые результаты, а способ проверки: основания, сведение перспектив, проработанные противоречия, проверяемость другими и пересматриваемость.

Самоограничение: Есть обоснованные и необоснованные, открытые и иммунизированные позиции. Кто принципиально отказывается от обоснования, сам исключает себя из процесса истины.

Два способа обращения: Частичные данные проверяются на их встраивание в целое; целые точки зрения опрашиваются на их долю истины, без уменьшения их до строительных блоков (главы 5, 23.1).

Не имеется в виду: ленивый компромисс или гармонизация любой ценой. Кое-что можно лишь ограничить или выдержать; интеграция приходит после проверки, а не вместо неё (глава 20.4).

Развивается в: главе 23.1

См. также: принцип слона, перспектива, процесс истины

Перспектива

Тип: Общефилософский

Объяснение: Точка зрения, из которой нечто схватывается, включая то, что она делает видимым и что — невидимым. Каждое познание имеет перспективу; нет зрения из ниоткуда.

Не имеется в виду: Произвольность. То, что каждая точка зрения имеет перспективу, не означает, что все перспективы схватывают равное количество.

Два вида: Одни перспективы схватывают части, другие — целое из одного места; кто их путает, обесценивает одни или переоценивает другие (см. принцип слона).

Развивается в: главе 5

См. также: принцип слона, интеграция, калибровка, ориентированный плюрализм

Перформативная согласованность

Тип: Наша методология

Объяснение: Соответствие того, что говорит текст, тому, что он делает. Текст о поиске истины перформативно согласован, если он применяет свои принципы к самому себе: если он обосновывает то, чего требует, принимает возражения, остаётся открытым для пересмотра и позволяет измерять себя собственными пробами.

Противоположность: перформативное противоречие, при котором осуществление опровергает то, что говорит содержание.

Развивается в: главе 24

См. также: перформативный, самоотнесённость, живая полнота

Перформативный

Тип: Общефилософский

Объяснение: Связь называется перформативной, если она не утверждается, а показывается в осуществлении. Свидетельством тогда является не аргумент, а то, что некто делает, пока читает или противоречит.

Как распознать: Перформативное противоречие имеет место, когда содержание высказывания противоречит тому, что предполагает его осуществление. Кто говорит «я молчу», тот этого не делает.

Граница: Не каждое утверждение этой книги перформативно подтверждено. Где описываются опыты, данные могут отклоняться.

Развивается в: главах 1, 2

См. также: самоотнесённость, трилемма Мюнхгаузена, перформативная согласованность

Подделка основания

Тип: Наша методология

Объяснение: Злоупотребление самим перформативным методом. Подделка начинается как подлинное — с того, что действительно есть, — импульс к проверке, неудобство, тоска по смыслу — и шаг за шагом ведёт к результату, который был задан с самого начала. В конце переживание того, к кому обращались, объявляется доказательством.

Как распознать: Не по первому шагу, который похож на подлинный, а по последующим. Пробы спрашивают: может ли проверка закончиться иначе? Предлагаются ли контрпроверки? Остаётся ли время? Рассматривается ли переживание как улика или как доказательство? Кто его истолковывает? И делает ли процесс более самостоятельным или более зависимым?

Не имеется в виду: неопровержимость самой проверки. Она лежит открыто и приглашает к контрпроверке. Подделке нужно укрытие.

Развивается в: главе 22

См. также: иммунизация, оборачивание, перформативный

Подтверждение

Тип: Общефилософский

Объяснение: Процесс, в котором предположение в дальнейшем употреблении оказывается жизнеспособным — или нет. Подтверждение — это не одноразовая проверка, а продолжающийся процесс: то, что подтвердило себя, может позже оказаться недостаточным.

Не имеется в виду: Доказательство. Подтвердившее себя предположение не доказано, а лишь пока не потерпело неудачу.

Также не имеется в виду: Функционирование. Обман может какое-то время функционировать, утешение — помогать, идеология — эффективно упорядочивать общество; подтвердило себя то, что выдерживает растущую проверку.

Отношение к истине: Истинно то, что выдерживает растущую проверку (глава 10.5). Что до сих пор подтверждало себя, считается познанной истиной, пока оно выдерживает проверку.

Развивается в: главах 4, 11.3b, 13.3

См. также: пред-суждение, сопротивление

Познание

Тип: Общефилософский

Объяснение: Деятельность, посредством которой нечто становится доступным, что прежде не было доступным. Познание — это процесс; у него есть начало, промежуточные состояния и отсутствие гарантированного завершения.

Отношение к истине: Истина — это процесс, в котором познание соединяет всё, что ему встречается, в том числе сопротивляющееся, в расчленённое целое (главы 11, 23.5a). Что при этом каждый раз достигнуто, есть познанная истина: целая, не половинчатая, но не последнее слово.

Развивается в: повсюду; явно в главах 3 и 11

См. также: истина, процесс истины, знание, подтверждение

Пред-суждение

Тип: Общефилософский

Объяснение: Ожидание, с которым человек подходит к самой сути дела, прежде чем её проверить. Пред-суждения неизбежны и в большинстве случаев полезны: без них никакое восприятие не было бы возможно, потому что ничто не являлось бы как нечто.

Не имеется в виду: Предрассудок в уничижительном смысле. Написание через дефис отмечает различие: пред-суждение предшествует суждению; предрассудок его отвергает.

Различие состоит в исправляемости. Пред-суждение изменяется под воздействием сопротивления; предрассудок в уничижительном смысле его выдерживает. Какое из двух имеет место, не видно заранее, а лишь в обращении с сопротивлением: даже предрассудок, который поддаётся исправлению, тем самым оказывается пред-суждением (глава 4).

Развивается в: главы 3, 4

См. также: Подтверждение, Сопротивление, Иммунизация; *Мышление – Упорядочивать, не теряя* (2025), Глоссарий: Предрассудок, *Этика – Добро, которое мы уже делаем* (2026), Глоссарий: Образ другого

Принцип детектива

Тип: Наша методология

Объяснение: Требование, что объяснение должно вмещать все данные, а не только удобные. Детектив, который откладывает улику, потому что она не подходит к его подозрению, не раскрыл дело.

Практическая суть: Где остаётся нечто, что не подходит, объяснение ещё не готово, сколько бы оно ни объясняло в остальном. Не каждая улика весит одинаково, но ни одна не должна исчезать.

Развивается в: главе 8

См. также: принцип слона, когерентность

Принцип слона

Тип: Наша методология

Объяснение: Различные точки зрения часто схватывают различные истинные частичные аспекты одного и того же дела. По притче о слепцах, которые ощупывают слона и в зависимости от точки прикосновения приходят к несовместимым описаниям — змея, столб, веер.

Суть притчи не в том, что каждый нащупал что-то правильное, а в том, что существует слон. Без него описания были бы не противоречивыми, а бессвязными. По нему решается, в каком отношении они подходят друг к другу.

Правота и неправота: Каждый прав в том, что он ощупал, и неправ, как только принимает это за целое и исключает других. В этом смысле в приложении В о теориях истины говорится, что все правы.

Два вида точек зрения: Одни схватывают части, которые лишь вместе составляют дело, — улики, результаты измерений, свидетельские показания. Другие схватывают целое из одного места, как гору видят с востока или с запада. Кто обращается с целыми точками зрения как с частями, обесценивает их; кто возводит части в ранг целых точек зрения, делает каждую улику собственной истиной.

Не имеется в виду: что каждая позиция схватывает равное количество. Одно прикосновение затрагивает больше, чем другое, а иное описание просто ложно.

Граница: Где различные высказывания относятся не к одному и тому же предмету, интегрировать нечего. Где высказывание просто не соответствует делу, тоже.

Развивается в: главе 5; применительно к теориям истины — в приложении В

См. также: перспектива, интеграция, принцип детектива, ориентированный плюрализм

Противоречие

Тип: Общефилософский

Объяснение: Случай, когда два определения исключают друг друга и оба заявляют свои права. Противоречие — это не ошибка мышления, а данные: оно показывает, что прежний порядок недостаточен.

Что из этого следует: Противоречия нельзя избегать, их нужно прорабатывать. Кто устраняет их, вычёркивая одну сторону, потерял информацию, которая в них заключалась.

Не имеется в виду: что два исключающих друг друга высказывания могли бы быть одновременно истинными. Именно потому, что они не могут, противоречие есть данные: оно показывает, что порядок в этом месте недостаточен (главы 2, 7).

Как оно разрешается: через снятие. Ищется более высокий принцип, который объясняет обе стороны: оба наблюдения остаются в силе, противоречие как проблема разрешается, понимание возрастает, как в случае с палкой в воде и преломлением света (глава 7).

Развивается в: главах 7, 11.7

См. также: снятие, сопротивление

Процесс истины

Тип: Наша методология

Объяснение: Целое из поиска, нахождения и дальнейшего поиска. В нём познанная истина обретается, проверяется и дописывается: каждый найденный порядок имеет силу, пока лучший порядок не снимает его, и входит в него. Далее его движет то, что книга шаг за шагом развивает как истину: порядок, в котором противоречие остаётся открытым, улика не имеет места или нечто существенное отсутствует, ещё не есть целое.

Не имеется в виду: что истина произвольно изготовлялась бы в обмене. То, что имеет силу в процессе, должно выдерживать и то, что не подчиняется никакому желанию и никакому большинству (глава 10).

Как распознать: По открытости для следующей проверки. Кто исключает, что достигнутое может ещё улучшиться, остановил процесс; кто не признаёт ничего, потому что всё ещё могло бы улучшиться, его не начал.

Кто в нём участвует: Процесс является общим. Институции, такие как наука, свободные медиа и независимые суды, — его формы (глава 16.2); кто принципиально отказывается от обоснования, сам исключает себя из него (глава 20.4).

Развивается в: главах 1, 11.3c, 20.5, 23.5a

См. также: истина, познание, подтверждение, ориентированный плюрализм

Самоотнесённость

Тип: Общефилософский

Объяснение: Свойство вопроса об истине относиться к самому себе: кто спрашивает, что есть истина, хочет истинного ответа. Вопрос предполагает то, о чём он спрашивает.

Что из этого следует: Поиск истины не может быть обоснован извне. Он — почва, на которой стоит каждое обоснование, в том числе обоснование того, что его нет.

Развивается в: главах 1, 2

См. также: перформативный, трилемма Мюнхгаузена

Смена парадигм

Тип: Общефилософский

Объяснение: Смена, при которой заменяются не отдельные предположения, а основные понятия целого мыслительного здания. Она может сохранять старую теорию как предельный случай, как теория относительности — механику Ньютона, или полностью заменять её основные понятия в одной области, как при переходе к квантовой механике. В более широком смысле каждая такая смена есть снятие, в том числе перелом: она сохраняет феномены и поднимает их понимание на новую ступень.

Правило: Каждая смена должна спасать феномены: она должна в долгосрочной перспективе объяснять, что объясняла старая парадигма, и сверх того — чего она не могла объяснить. В начале она может в этом ещё отставать, как солнечная модель, которая сначала считала не точнее.

Не имеется в виду: смена без оснований. То, что парадигмы могут быть трудносравнимыми, не делает смену произвольной, ибо она следует тем же принципам поиска истины, что и обычное исследование.

Развивается в: главе 19

См. также: спасать феномены, снятие, подтверждение

Снятие

Тип: Общефилософский

Объяснение: Разрешение противоречия, при котором правомерное в каждой из сторон не исчезает, а сохраняется в более широком определении. В немецком языке это слово имеет три значения — прекращать, сохранять, поднимать на более высокую ступень — и имеются в виду все три.

Не имеется в виду: Компромисс. Компромисс уступает что-то с обеих сторон; снятие показывает, что в каждой стороне было правомерным, а что нет, и объясняет, как возникла эта противоположность.

Как распознать: По вопросу о том, объясняет ли новая позиция, почему возникли старые. Если она этого не делает, перед нами смешение.

Развивается в: главы 3.4, 7, 19

См. также: Противоречие, принцип слона; *Мышление – Упорядочивать, не теряя* (2025), Глоссарий: Снятие, *Этика – Добро, которое мы уже делаем* (2026), Глоссарий: Снятие

Сопротивление

Тип: Наша методология

Объяснение: То, что не подчиняется ожиданию, желанию или вмешательству. Сопротивление — то место, где действительность даёт о себе знать в познании, — не как удар извне, а как неисполнение того, что предполагалось или желалось.

Не имеется в виду: просто жёсткость. То, что кулак ударяется о стол, лишь подтверждает то, что и так предполагалось. Сопротивление учит там, где предположение или желание сталкивается с чем-то, что не уступает, — камень, который тяжелее, чем выглядел, или не поднимается из-за того, что мы этого хотим (главы 11a.1, 11a.2).

Как по-разному он даёт о себе знать: осязаемо — на камне; как упрямство — у самого человека, когда привычка и нетерпение не уступают и поправляют образ, который он о себе составил; как удивление — у других людей; позже всего — в том, что действует между людьми. Другие люди, кроме того, сопротивляются как те, перед которыми мы обязаны приводить основания: они не только опровергают, они противоречат. И они могут отвечать: говорить, что не так, и поправлять образ, который мы составили о них и о самой сути дела, даже там, где мы сами ничего бы не заметили. Их сопротивление не сильнее сопротивления камня, но оно другого рода: оно даёт основания, которые сами нужно проверить. То, насколько человек может ответить, значит больше, чем его присутствие; и чтение тоже есть встреча, хотя и неравная.

Также не имеется в виду: что кто-то не уступает. Упорный предрассудок сопротивляется не действительности, а исправлению, — это иной процесс.

Одно понятие, различие в степени. То, что нечто не подчиняется при вмешательстве или в мышлении, — это не два разных вида проверки: и то и другое даёт о себе знать как разрыв в одной и той же связи. Различие состоит в неотклонимости: кто вмешивается, получает ответ, подходит ли

это или нет; при простом продумывании мешающее легче пристроить — с помощью вспомогательного допущения, смещённой границы, исключения.

Развивается в: главы 8.5, 11, 11a

См. также: Когерентность, Соответствие, Пред-суждение; *Этика – Добро, которое мы уже делаем* (2026), Глоссарий: Быть обязанным привести основания

Спасать феномены

Тип: Общефилософский

Объяснение: Требование, чтобы каждое подлинное наблюдение находило своё место в объяснении. Выражение происходит из греческой астрономии (*sozein ta phainomena*). Наблюдения почти никогда не бывают полностью ложными — ложными могут быть истолкования, и они тогда отбрасываются, а не интегрируются.

Что сюда относится: Спасать означает также сохранять то, что ещё нельзя объяснить, и упорядочивать даже обман: то, что кто-то проложил ложный след, само есть улика.

Развивается в: главах 8.2, 19.4

См. также: принцип детектива, смена парадигм, снятие

Трилемма Мюнхгаузена

Тип: Общефилософский

Объяснение: Констатация того, что каждое обоснование ведёт к одному из трёх положений: бесконечный регресс, круг или произвольный обрыв. По имени барона, который вытаскивает себя из болота за собственные волосы.

Ответ: Трилемма мыслит обоснование как цепочку: предложение поддерживает предложение. При этой предпосылке она права. Но поиск истины — не первое предложение, а осуществление, которое невозможно оспорить, не осуществляя его при самом оспаривании. И он подтверждает себя тем, что на нём строится. Образ для этого — арка, камни которой держат друг друга.

Не имеется в виду: круг предложений, которые предполагают друг друга. Такой круг обеспечивает только согласованность. Арка из главы 1 — не из предложений, а само-подтверждение осуществления.

Развивается в: главе 1; ср. приложение B3

См. также: перформативный, самоотнесённость

Формы истины

Тип: Наша методология

Объяснение: Различные способы, которыми суждение подтверждает себя как истинное — эмпирически, экзистенциально, культурно, художественно. Они различаются тем, на чём они себя подтверждают. Понятие истины при этом остаётся тем же самым (см. приложение A, алетический плюрализм).

Категориальная ошибка: Кто измеряет одну форму меркой другой, промахивается мимо обеих. «Земля — наша мать» (DE: „Die Erde ist unsere Mutter“) как метафорическое раскрытие жизнеспособно, а как биологическое утверждение ложно.

Не имеется в виду: что нечто истинно, потому что помогает. И экзистенциальные, и культурные истины должны выдерживать опыты, которые говорят против них.

Развивается в: главе 13

См. также: подтверждение, интерпретация

Экономика проверки

Тип: Наша методология

Объяснение: Решение, что заслуживает проверки. Проверка стоит времени и внимания: кто проверяет всё, тому ничего не остаётся для важного. Три величины определяют затраты: ставка, базовая частота — как часто утверждения такого рода до сих пор подтверждали себя — и послужной список источника. К этому добавляется разделение труда: никто не проверяет в одиночку.

Граница: Экономика проверки распределяет внимание, а не истину. Низкая базовая частота оправдывает более строгие требования к свидетельствам, но ничего не опровергает. Об истинном и ложном решает только сама проверка.

Как распознать наклонённый фильтр: по асимметрии. Он пропускает удобное и проверяет только неудобное; его граница проходит по границе собственного лагеря. Та же проба относится к тому, кто отклоняется: то, что мнение господствует, делает его столь же мало истинным, как и то, что оно отклоняется.

Развивается в: главе 10a.3; к вопросу, заслуживает ли нечто проверки, — глава 18.4

См. также: калибровка, достоверность, лагерное мышление

Эксперимент

Тип: Наша методология

Объяснение: Отмеченные места, где читатель сам может проверить, справедливо ли то, что утверждается. Большинство из них — доказательство, а не иллюстрация. Некоторые лишь заостряют вопрос или выявляют нечто на поверхность.

Виды, показывающие разное. *Эксперимент-наблюдение* имеет открытые данные — если у достаточного числа читателей они отклоняются, описание ложно. *Перформативная проба* не имеет открытых данных: противоположное невозможно осуществить. *Мысленный эксперимент* нельзя выполнить, его можно только продумать, и он заостряет вопрос, а не доказывает нечто. *Самоисследование* выявляет то, что отдельный человек приносит с собой; отклоняющиеся данные — не возражение, а её предмет. *Применение* проверяет разработанное орудие на одном случае; его данные спорны, как любой вопрос о деле. *Граничная проба* проверяет само орудие и находит, где оно больше не выдерживает.

От чего зависит различие: Возражение попадает в цель только если оно — правильный вид возражения для соответствующего вида.

Развивается в: главах 1, 2, 4, 9, 10b.1 (каждый раз при первом появлении вида)

См. также: перформативный, самоотнесённость